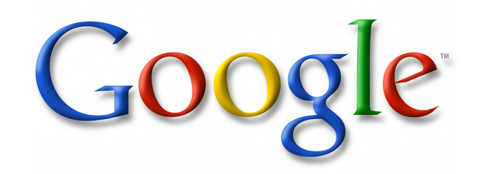
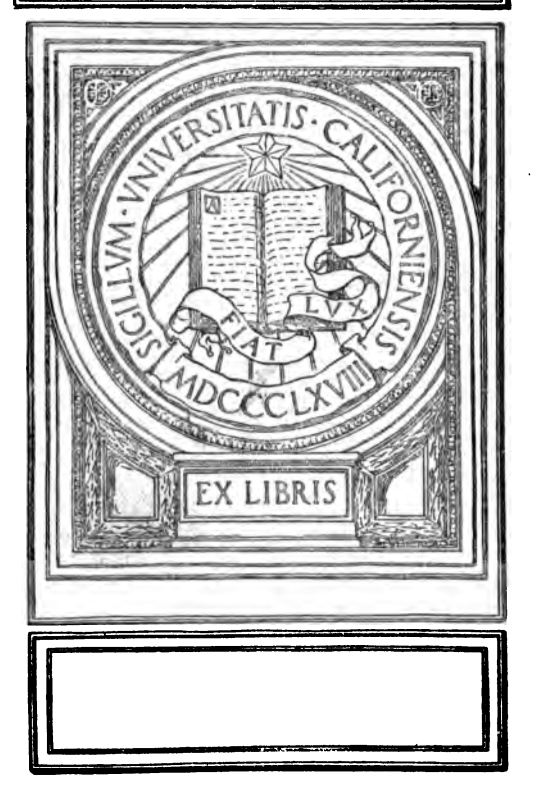

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

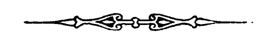

АЛЕКСАНДРЪ ЦИТРОНЪ

72 ДНЯ

ПЕРВАГО

РУССКАГО ПАРЛАМЕНТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО БАУМЪ
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ КАЗАЧІЙ ПЕР., № 9
1906

Типографія П. П. Сойкина, Спб., Стремянная, 12.

СЕМЬДЕСЯТЪ ДВА ДНЯ

перваго русскаго парламента.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Von hier und heute geht eine neue Epoche der Weltgeschichte aus; und Ihr könnt sagen:—wir sind dabei gewesen».

Эти пророческія слова Гете приходятъ мнѣ на память, когда я вспоминаю о краткой эпохѣ нашего перваго парламента.

Онъ просуществовалъ всего семьдесятъ два дня, впервые собранный послѣ долгихъ вѣковъ гнета самовластья и послѣ безчисленныхъ жертвъ лучшими сынами народа.

Онъ собрался, наконецъ, 27-го апрѣля въ Таврическомъ Дворцѣ, въ бѣломъ залѣ и первое слово, о немъ раздавшееся, было словомъ о требованіи свободнаго народа, желающаго видѣть свободными всѣхъ своихъ сыновъ.

Сюда пришло четыреста пятьдесятъ народныхъ представителей, съ тяжелой ношей на плечахъ: они взвалили на себя горе и скорбь всей Россіи.

Семьдесятъ два дня шли эти «лучшіе» люди своей родины по пути, который велъ къ земли и волѣ, но ихъ неожиданно вернули назадъ.

Мы не оцѣниваемъ пока работы, совершенной ими.

Важно одно: за это время раздались вновь лозунги о землѣ и волѣ, старыя знамена вновь заколыхались, и страна отвѣ-

тила дружнымъ откликомъ: впередъ, представители народа, мы съ вами! Впередъ!

И клики междупартійной борьбы выяснили передъ страной, кто сталъ за ея свободу всецѣло, и кто еще помышляетъ о сохраненіи остатковъ стараго проклятаго строя, который и при своемъ паденіи стоитъ столько крови и жизней.

Оцѣнивать теперь результаты трудовъ нашей первой Думы мы не беремся. Результаты эти многочисленны и велики.

Дума многихъ научила многому.

Но объ одномъ результатѣ можно и теперь сказать: эта работа связала тѣснѣйшими узами страну съ учрежденіемъ народнаго представительства. Безъ этого учрежденія Россія не будетъ существовать.

Въ этомъ залѣ, гдѣ сосредоточено было столько надеждъ и ожиданій, гдѣ чувствовалось на каждомъ шагу, что совершается великій историческій переходъ—присутствовали: представители народа и представителей старой власти.

Народъ пришелъ сюда и говорилъ съ этой трибуны въ послѣдній разъ съ представителями стараго режима. Его выборные люди формулировали эти народныя требованія—но высокая, глухая стѣна, расшатанная и развороченная, на зыбкомъ фундаментѣ, подмоченномъ кровью и слезами, лившимися вѣками, все еще крала всѣ слова...

И представители народа начинали уже уставать отъ словъ и увидѣли, что нужно перейти уже отъ словъ къ дѣлу и просить народъ самому справиться съ этой проклятой стѣной.

Много было тутъ сказано честныхъ и горячихъ словъ. Они шли изъ глубины потрясенной народной души. Эти собранные со всѣхъ концовъ земли русской его лучшіе люди съ отчаяніемъ напоминали о невозможномъ положеніи народа. Къ нимъ не прислушивались, ихъ не послушались, имъ мѣшали, имъ бросили вызовъ.

Тогда представители сдѣлали первый шагъ—они обрати-

лись къ народу—и этотъ вѣрный шагъ ихъ былъ сопричисленъ къ великой «смутѣ», которая царитъ на Руси.

«Смута»: такъ называется русская революція.

Семьдесятъ два дня представители народа пытались работать, но не могли. Однимъ кровавые призраки не давали для работы покоя, другіе старались не видѣть этихъ призраковъ. Одни видѣли, что ничто не измѣнилось, что врагъ свободы готовится отнять ее, другіе говорили и дѣйствовали такъ, какъ будто мы уже десятилѣтія обладаемъ прочнымъ свободнымъ строемъ.

И эти семьдесятъ два дня были бы безцѣльны, если бы не протянулись изъ этого Дворца невидимыя нити и не связали бы крѣпко народа съ народными представителями.

Актъ великой россійской драмы превратился бы въ актъ комедіи всемірной исторіи съ весьма посредственными лицедѣями. Теперь, послѣ вступленія, продолжавшагося семьдесятъ два дня, настаетъ драма, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ самъ народъ!

Исторія предоставляла избранникамъ народа великую роль, но часть не съумѣла ее выполнить, часть отъ нея отказалась.

Народъ беретъ теперь свое дѣло въ свои руки...

Метнутся теперь испуганныя тѣни и спросятъ: «что это смута»?

— «Нѣтъ,—скажутъ имъ,—это революція».

Печатаемыя ниже письма — впечатлѣнія журналиста за эти семьдесятъ два дня жизни Думы.

Авторъ печатаетъ ихъ въ скромной надеждѣ, что онѣ послужатъ его посильнымъ даромъ для памяти о Думѣ, если не о «Думѣ великихъ дѣлъ», то все-таки о Думѣ искреннихъ и честныхъ стремленій.

Ал. Цитронъ.

Августъ, 1906.
Теріоки.

„La Forma est morte
Vive la Forma!“

27-ОЕ АПРѢЛЯ.

День прошелъ въ какомъ-то чаду.

Я былъ съ толпою у Зимняго дворца, былъ съ членами Думы въ Георгіевскомъ залѣ, на Высочайшемъ выходѣ, слышалъ тронную рѣчь, видѣлъ какъ разыгрывались всѣмъ уже извѣстные историческіе моменты, и поѣхалъ въ Таврическій дворецъ, на первое засѣданіе перваго русскаго парламента.

«Первое засѣданіе перваго русскаго парламента!»

Я въ сотый разъ повторяю эти слова, и кажется мнѣ, что отъ 27 апрѣля 1905 года до 27 апрѣля 1906 года, т. е. до сегодняшняго дня, прошелъ не одинъ лишь годъ, а цѣлый вѣкъ.

Мнѣ вспоминается банкетъ, на который я случайно попалъ года полтора тому назадъ, въ одномъ крупномъ городѣ на Югѣ. Говорились, конечно, рѣчи; тосты слѣдовали за тостами. Одинъ изъ ораторовъ какъ-то вымолвилъ слово «конституція». Господи! Какая тишина вдругъ воцарилась въ залѣ. У всѣхъ тревожно забѣгали глаза, и, кажется, одна мысль моментально промелькнула у всѣхъ: «а нѣтъ ли здѣсь «шпика?»

Одинъ почтенный общественный дѣятель, «семидесятникъ» вышелъ изъ зала. За нимъ улизнулъ редакторъ либеральной газеты...

А теперь!.. Теперь я говорю свободно о русскомъ парламентѣ. Говорю громко и даже могу подойти къ околодочному и спросить его, какъ нужно пройти къ Таврическому дворцу. И онъ не сведетъ меня въ участокъ... Наоборотъ, онъ любезно скажетъ:

— Вамъ въ парламентъ-съ? Пожалуйте на Шпалерную-съ... Потомъ увидите дворецъ... и т. д.

Я даже пишу о русскомъ парламентѣ и знаю, что мой цензоръ не только не вычеркнетъ моей статьи и донесетъ на меня куда слѣдуетъ, а прочтетъ ее, вздыхая, и съ грустью посмотритъ на свой красный карандашъ.

Но перейду къ событіямъ, которыя «обязанъ» описать.

Странное, удивительное чувство! Мнѣ кажется, что все мое существо переполнено одною мыслью: какъ можно точнѣе вобрать въ себя впечатлѣнія этого торжественнаго дня. Меня захватила какая-то огромная волна, которая несла меня. Всепоглощающее наблюдательное чувство захватило меня и я машинально двигался за толпой, ходилъ изъ одного зала въ другой, поднимался по пышнымъ высокимъ лѣстницамъ, обитымъ ковромъ, мимо розовыхъ пажей, ловкихъ адъютантовъ, разлагающихся генераловъ, декольтированныхъ дамъ...

Я сдѣлалъ только нѣкоторыя замѣтки въ своей книжечкѣ еще до входа во дворецъ. Все остальное передаю по памяти. Я не забылъ ничего: если чего-либо и не передамъ, то лишь потому, что считаю это не особенно существеннымъ.

Чтобы понять многое изъ происшедшаго, впечатлѣніе отъ тронной рѣчи на народныхъ представителей и тѣхъ отвѣтныхъ словъ, которыя впослѣдствіи были высказаны въ адресѣ депутатовъ, надо немного остановиться на настроеніи въ депутатской средѣ, создавшемся въ теченіе послѣднихъ дней.

Послѣдній съѣздъ партіи и его резолюціи явились господствующимъ элементомъ во всѣхъ симфоніяхъ, разыгравшихся въ теченіе нынѣшняго дня. То, что вынесло большинство парламента изъ зала Тенишевскаго училища, гдѣ засѣдалъ съѣздъ, было внесено и на пріемъ во дворецъ и на первое засѣданіе въ Думѣ. Надо сюда прибавить и настроеніе полутораста крестьянъ, рѣзко и крайне настроенныхъ съ Аникинымъ, Аладьинымъ и Жилкинымъ во главѣ, и настроеніе небольшой группы правыхъ, увидѣвшихъ свое полнѣйшее одиночество и оторванность.

Съѣздъ рѣзко реагировалъ на основные законы, которые онъ считалъ открытымъ вызовомъ народному представитель-

ству, и въ день 27-го апрѣля члены его среди которыхъ было около сотни депутатовъ, находились въ состояніи полнаго напряженія. Хотя П. Н. Милюковъ сказалъ при закрытіи съѣзда, что съѣздъ выказалъ себя силою уже по одному самообладанію, съ которымъ онъ отнесся къ изданію основныхъ законовъ, тѣмъ не менѣе, яркое, негодующее чувство пробивалось. И оно-то и подсказало вечеромъ того же дня парламентской фракціи ея образъ дѣйствій 27-го, утромъ и днемъ.

Крестьяне—большая часть депутатовъ—были также рѣзко настроены и это помимо тѣхъ крайнихъ рѣшеній, которыя принимались крестьянской фракціей и уже сами по себѣ поддерживали въ нихъ своего рода боевое настроеніе. Обиды послѣднихъ дней, мелочные обыски, разгонъ собраній, въ которыхъ принимали участіе многіе депутаты,—все это безъ толку раздражало людей, сознававшихъ, что они посланы народомъ для установленія свободной жизни.

Утромъ, 27-го, мѣры принимались такія, какъ будто ожидалось какое-то нашествіе. Горечь наполняла душу при мысли, что даже теперь нельзя дать выходъ чувствамъ. Старыя традиціи строя, лежавшаго въ прахѣ, вѣяли отъ всѣхъ этихъ ненужныхъ «мѣръ», принятыхъ заботливой опекой—администраціей. Какой-то враждебный страхъ передъ истинной народной силой, наслѣдственный, ничемъ не оправдываемый, подсказалъ бюрократіи всѣ эти мѣры, только безплодно и безполезно раздражавшія и огорчавшія все и всѣхъ. Старый порядокъ съ холоднымъ разсчетомъ цѣплялся за послѣдніе остатки бюрократической власти и жалкими демонстраціями,—потому что все это было одной лишь демонстраціей бюрократіи—старался кому-то что-то внушить...

Однако, былъ отданъ, повидимому, приказъ полиціи «быть вѣжливой».

— Наша бюрократія умѣетъ лучше творить чудеса, чѣмъ Моисей,—говоритъ мнѣ, смѣясь, мой сосѣдъ справа, депутатъ. объясняетъ свои слова:

— Моисей ядовитаго змѣя умѣлъ превратить въ посохъ,

а наша бюрократія однимъ словомъ превратила полицейскихъ въ вѣжливыхъ людей. Чудотворцы!..

Дѣйствительно, полиція вѣжлива до приторности.

Иногда забудется городовой и съѣздитъ по загривку пробивающагося впередъ локтями рабочаго или крестьянина, но сейчасъ же опомнится и сконфуженный отойдетъ отъ побитаго «гражданина».

Народныя толпы съ утра вливаются по боковымъ улицамъ въ Невскій, который превратился въ какое-то море людское. Обычная, глазѣющая толпа теперь преисполнена какого-то особаго чувства ожиданія и торжества. Сегодня *народный* праздникъ, праздникъ побѣды!

Толпа текла къ Александровскому саду.

Теперь ее только оттѣснили сначала назадъ, а потомъ избранныхъ пропускали немного дальше, къ южной сторонѣ дворца.

Представитель одной большой иностранной газеты умница и увлекательный собесѣдникъ, говорилъ мнѣ: «дорогой коллега, я сочувствую борьбѣ вашего народа, я понимаю ее... Но, но положеніе обязываетъ... Помните у Шиллера? «Идеи легко уживаются одна съ другой, но *факты* крѣпко сталкиваются въ пространствѣ: гдѣ одинъ занимаетъ мѣсто, тамъ другой долженъ уступить. Кто не хочетъ быть прогнаннымъ, тотъ долженъ гнать самъ». Нашъ старый канцлеръ сказалъ, что есть право силы, но не сила права... Во всякомъ случаѣ я счастливъ, переживая ваше молодое увлекательное движеніе».

Со всѣхъ подъѣздовъ дворца подъѣзжаютъ приглашенные. Министры, члены государственнаго совѣта, дипломаты, военные... Сколько золота на мундирахъ! Точно всѣ эти сановники хотятъ наглядно доказать депутатамъ, что не все то золото, что блеститъ...

Площадь кишитъ народомъ.

Передъ дворцомъ гренадеры, лейбъ-казаки, атаманцы верхомъ.

Мы, журналисты, въ числѣ 40 человѣкъ, подъѣзжаемъ къ

министерскому подъѣзду. Встрѣчаютъ насъ съ парадомъ, но и оглядываютъ довольно пытливо. Возлѣ насъ вертятся какіе-то ловкіе джентльмены, толкаясь среди насъ и вѣжливо извиняясь.

— Пріѣдетъ ли Родичевъ, Петрункевичъ и другіе?—этотъ вопросъ волнуетъ насъ всѣхъ. Ихъ присутствіе не лишено поучительности... Вѣдь имъ-то было сказано о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ».

Неожиданно я встрѣчаю здѣсь во дворцѣ, среди журналистовъ, одного представителя соціалистической печати.

— Вы-то какимъ образомъ?—спрашиваю я его.

— Наблюдаю... Наблюдаю исторію нашего полупереворота. Въ томъ-то и горе наше, что онъ все шатаетъ, но ничего не разрушаетъ. Онъ своими попытками только раздражаетъ сторонниковъ и ожесточаетъ противниковъ существующаго порядка. Онъ потому не сумѣетъ ничего создать, что ничего не смѣетъ.

— Однако-жъ, освободительное движеніе дошло до того, что мы съ вами здѣсь гости, и не безъ почета... А вотъ глядите...

Мимо насъ идутъ депутаты. Вотъ Кучеренко, Бей, Романюкъ, изъ Подольской губерніи, солидно выступаетъ одинъ мулла въ бѣлой чалмѣ, за нимъ священникъ въ рясѣ. Чинно идутъ жирные упитанные депутаты монархисты: небезызвѣстный Ерогинъ, Гейденъ, графъ Потоцкій, Стаховичъ.

Цѣлый часъ, начиная съ полудня идутъ избранные. Залы полны народомъ, который шумитъ и жужжитъ, какъ пчелы въ ульѣ...

— Дворцовый комендантъ! Дворцовый комендантъ!—раздается вдругъ оживленный шепотъ.

Всѣ оборачиваются. Въ залъ входитъ знаменитый Треповъ.

— Вотъ этотъ правилъ страной!—выравается невольно, съ изумленіемъ, у каждаго изъ насъ.—Вотъ этотъ лысый человѣкъ, съ безстрастнымъ лицомъ полицейскаго?...

Комендантъ что-то тихо сказалъ, придворные лакеи замерли, и церемонiйместеръ объявилъ: «благоволите пожаловать въ Георгiевскiй залъ». Толпа затихла и тронулась.

Я не стану описывать торжества, которое благодаря специфическимъ условiямъ, походило больше на церемонiю. Воочiю можно было видѣть всѣ яркiе контрасты, весь этотъ позолоченный блескъ, всю небольшую кучку, такъ высоко поднявшiеся надъ всей многомилліонной Россiей.

На описанiе всего блеска у меня не хватитъ ни таланта, ни подобающаго воодушевленiя. Скажу одно: чувствовалось, что сердца размягчены, что всѣ, если не вѣрятъ окончательно, то хотятъ вѣрить.

Законодательныя палаты стали по обѣимъ сторонамъ трона, и отсюда раздалось слово, гдѣ они были названы лучшими людьми!

Да, лучшими! Исторiя запишетъ это названiе!

Когда окончилась церемонiя, народные представители вышли изъ дворца, и большинство изъ нихъ сѣло на пароходъ, чтобы по Невѣ проѣхать къ Думѣ.

У дворца народа не было. Его держали гдѣ-то за аркой, за Невой. Мостъ былъ разобранъ. «Близость народа», это пока только риторическая фигура.

Когда показались народные представители, толпы, стоявшiя на правомъ берегу, пришли въ волненiе. Раздалось «ура»! Оно перекатывалось, гремѣло... Откуда-то сбоку уже у Дворца показались группы народа... Бросаютъ шапки вверхъ. Депутаты кланяются.

Пароходъ на Невѣ. Много народа на немъ. Машутъ платками. Это пароходъ съ народными представителями. Быстро бѣжитъ онъ, словно въ спасительную пристань.

Вотъ зданiе «Крестовъ», учрежденiе, гдѣ распинаютъ идею свободы. Ближе и ближе пароходъ. Представители народа волнуются. Изъ мрачной тюрьмы показываются руки, платки, флаги. «Амнистiя»—несется изъ тюрьмы. «Амнистiя» — радостно подхватываютъ народные представители.

Бѣлые платки, точно голуби, несущіе радостную вѣсть, рѣютъ въ воздухѣ.

Народные представители взволнованы, у нѣкоторыхъ на глазахъ слезы.

Пароходъ присталъ къ берегу. На берегу толпа. Довѣрчивое «ура» съ возгласами «амнистія» несется оттуда. Депутатамъ жмутъ руки. Родичева несутъ на рукахъ во дворецъ.

А Таврическій оживленъ; масса народа спѣшитъ туда. Сановники, духовенство, журналисты, вливаются въ широкій кулуаръ.

Тамъ молебствіе.

Въ 5 часовъ 5 минутъ, статсъ-секретарь Фришъ открываетъ засѣданіе.

Оффиціальное привѣтствіе встрѣчается апплодисментами, не особенно сильными.

Надо сознаться, что въ рѣчи не было казенщины и Фришъ очень искренно ее произнесъ. Переходятъ къ избранію предсѣдателя.

Муромцевъ проходитъ въ предсѣдатели единогласно, предложенный 426 записками изъ 436 присутствующихъ.

Фришъ уступаетъ свое мѣсто Муромцеву.

Въ это время разыгрывается знаменательная сцена. Первое слово народныхъ представителей должно быть словомъ справедливости.

На трибунѣ И. И. Петрункевичъ. Онъ взволнованъ. На него устремлены взоры всѣхъ.

Тихо совсѣмъ. Слышишь біеніе собственнаго сердца.

Среди тишины, съ трибуны несется твердый голосъ:

— Долгъ чести, долгъ нашей совѣсти, повелѣваетъ, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово, было посвящено тѣмъ, кто пожертвовалъ своей свободой за освобожденіе дорогой намъ всѣмъ родины.

Всѣ тюрьмы въ странѣ переполнены, тысячи рукъ протягиваются къ намъ съ надеждой и мольбой, и я полагаю, что долгъ нашей совѣсти заставляетъ насъ употребить всѣ

усилія, которыя даетъ намъ наше положеніе, чтобы свобода, которую покупаетъ себѣ Россія, не стоила больше никакихъ жертвъ.

Мы просимъ мира и согласія.

Я думаю, господа, что если въ настоящую минуту мы и не приступимъ къ обсужденію этого вопроса, а коснемся его тогда, когда будемъ отвѣчать на тронную рѣчь Государя, то сейчасъ мы не можемъ удержаться, чтобы не выразить всѣхъ накопленныхъ чувствъ, крика сердца, и не сказать, что свободная Россія требуетъ освобожденія всѣхъ пострадавшихъ...»

Рѣчь прерывалась громовыми апплодисментами. Конецъ ея потонулъ въ бурныхъ крикахъ: «амнистія». Многіе приподнялись съ своихъ мѣстъ и грозно глядѣли на министерскую скамью.

Тамъ, въ золотомъ расшитыхъ мундирахъ сидѣли министры, холодные и безстрастные. Сквозь мундиръ, какъ сквозь броню, не проникало чувство, охватившее палату, и если и бунтовала совѣсть, то этотъ же мундиръ душилъ этотъ бунтъ.

Муромцевъ напомнилъ о порядкѣ, требовавшемъ по закону представиться Государю и поэтому прервать засѣданіе.

Депутаты расходились.

Толпа, осаживаемая конными жандармами, рвалась къ депутатамъ. Цѣпь жандармовъ прорвана.

«Амнистія!»—вопросительно крикнула толпа. «Амнистія»—отвѣчали депутаты...

На улицѣ разыгрывались сцены. Я сказалъ бы: между народомъ и его представителями.

Увы! народа не было; была только людская толпа.

Народъ, настоящій народъ, пока еще безмолствовалъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Еще 28-го апрѣля въ соціально-политическомъ и кадетскомъ клубахъ отдѣльныя партіи собирались и выясняли вопросы отвѣтнаго адреса. Выяснили также, что адресъ передадутъ не министры, а президіумъ Государственной Думы. На этомъ особенно сильно настаивали представители крестьянской группы.

«Надо научиться обходиться безъ министровъ, — говорилъ Аникинъ,—мы будемъ вѣрить только министерству, составленному изъ нашей же среды. Кто знаетъ, не будетъ-ли министръ давать еще свои совѣты и указанія, *какъ* и *что* отвѣтить на нашъ адресъ?.. Мы могли-бы вѣрить правительству только тогда, когда оно составлено изъ членовъ парламентскаго большинства».

Эта мысль одержала верхъ—и отвѣтный адресъ предположено передать черезъ предсѣдателя Муромцева.

Я хожу по кулуарамъ и знакомлюсь съ депутатами. Послѣдніе не называютъ своихъ фамилій, а обозначаютъ мѣста, откуда они посланы. Мой коллега по трибунѣ журналистовъ, редакторъ татарской газеты, знакомитъ меня съ представителемъ Уфимской губ., одѣтымъ въ длинный бурнусъ съ чалмой на головѣ. Умные, проницательные глаза и рѣшительное выраженіе лица. Разспрашиваю его о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ Зимняго Дворца. На крестьянина-татарина, думается мнѣ—торжественный пріемъ, въ залѣ, залитомъ золотомъ въ буквальномъ смыслѣ слова,—все это должно произвести впечатлѣніе. Къ тому-же восточное міросозерцаніе должно подсказать ему особую восторженность въ чувствахъ...

Ничуть не бывало! Спокойно, сдержанно онъ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ, критикуетъ, какъ-то особенно ысоко разсуждаетъ, иронизируетъ.

«Я съ любопытствомъ всматривался въ Дурново—разсказываетъ онъ, — думалъ, откуда столько жестокости въ маленькомъ человѣкѣ... Наши уфимцы называли его «злой росой, что губитъ растенія»...

Наши крестьяне еще лучше.

«Всѣ въ одинъ кулакъ теперь соберемся,—разсказываетъ крестьянинъ-депутатъ изъ Подольской губерніи, о которомъ меньше всего думали, что онъ въ оппозиціи,—всѣ заразъ дѣйствовать будемъ. На чемъ порѣшимъ,—то и пусть исполнятъ. Живо, чтобъ безъ лишнихъ разговоровъ».

По залу проносится мягкій тембръ звонка. Нѣсколько краткихъ ударовъ и депутаты спѣшатъ на мѣста. На скамьяхъ министровъ премьеръ И. Л. Горемыкинъ со слѣдами утомленія на лицѣ, Столыпинъ, Коковцевъ съ надменнымъ видомъ. Тутъ-же предсѣдатель государственнаго совѣта Сольскій, Фришъ и генералъ-губернаторъ Герардъ. Говорятъ, что Дурново хотѣлъ посѣтить второе собраніе Думы, но его отговорили: незачѣмъ раздражать палату.

Передъ началомъ засѣданія среди журналистовъ ходятъ по рукамъ отпечатанные тезисы отвѣтнаго адреса. Надо сказать, что крестьянская трудовая группа куда радикальнѣе кадетской! Ихъ проектъ объ амнистіи кратокъ: даровать полную амнистію тѣмъ, кто боролся за свободу народа. Формула сильная и ясная. Проектъ-же амнистіи, составленный В. Д. Набоковымъ, считается съ тенденціями бюрократовъ «не выпускать на свободу бомбистовъ». Кромѣ амнистіи выражали желаніе, чтобы въ адресѣ содержалось указаніе на установленіе гражданской свободы всѣхъ гражданъ Россіи, на уничтоженіе государственнаго совѣта и измѣненіе основныхъ законовъ. Объ этомъ знаютъ и на скамьяхъ министровъ. Министръ Стишинскій хмуро сидитъ на второй скамьѣ и непріятно морщится. Премьеръ немного задумчивъ; говорятъ, что его сильно тяготитъ его теперешняя роль. Весьма возможно. Полагаю, что никому непріятно, когда въ лицо ему говорятъ, чтобы онъ ушелъ. Вѣдь министрамъ придется завтра или послѣ завтра

выслушать желаніе палаты — удалиться! Кто-либо Петрункевичъ или Родичевъ заявятъ, а палата бурно поддержитъ и потребуетъ ухода.

Противорѣчіе ясно чувствуется въ палатѣ: на скамьяхъ рѣшительные, полномочные, властью народной поставленные избранники, «лучшіе люди» Россіи, какъ ихъ назвалъ Государь при пріемѣ, а съ другой — бюрократы въ шитыхъ золотомъ мундирахъ.

Министры сидятъ и думаютъ думу—врядъ-ли веселую. Они стараются держаться возможно непринужденнѣе, возможно проще, но кромѣ ласковыхъ молодыхъ людей въ вицъ-мундирахъ ихъ никто не окружаетъ.

Мимо нихъ проходитъ Родичевъ, прямой и высокій, знаменательный, какъ судьба. Проходятъ и молодые нарядные депутаты въ цвѣтныхъ рубашкахъ, крѣпкіе и увѣренные въ себѣ. Море народное плещетъ вокругъ нихъ, бросаетъ на нихъ волны. На каждомъ они могутъ видѣть плоды своихъ недавнихъ дѣлъ: вотъ Ширковъ, съ перебитой рукой, съ печатью страданья на лицѣ, крестьянинъ, получившій двѣсти ударовъ при карательной экспедиціи, нагрянувшей на его родное село. Вотъ и Назаренко, скитавшійся по тюрьмамъ, и Аладьинъ, бѣжавшій изъ Россіи, и Жилкинъ, натерпѣвшій въ ссылкѣ. Вотъ и Гредескулъ, вернувшійся изъ Архангельска всего нѣсколько дней тому назадъ, Сипягинъ, высланный изъ родного города, Гужовскій, недавно только вышедшій изъ тюрьмы. А тутъ и башкиры несутъ вопли и страданія отъ имени вѣчно забитыхъ ихъ родичей и бѣлорусскій крестьянинъ, и литовецъ, и полякъ, и еврей, и нашъ родной хлѣборобъ! Всѣ тутъ: всѣ принесли съ собою гнѣвъ противъ бюрократіи.

А она тутъ-же, на скамьѣ, лицомъ къ палатѣ. Среди министровъ два-три военныхъ, а остальные просто одѣтые. Сидятъ въ выжидательномъ положеніи. Что-то скажетъ Дума, эта ставшая уже очевидною сила?

Пользуясь временемъ, пока засѣданіе еще не началось, разглядываемъ ложи: въ одной изъ нихъ японскій посолъ

г. Моното въ черномъ наглухо-застегнутомъ сюртукѣ, говоритъ съ французскимъ посломъ и съ какой-то дамой изъ дипломатическаго корпуса.

Сегодня—важный моментъ. Первые-же дебаты покажутъ сплоченность палаты и единодушіе въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Можно сказать уже теперь съ достовѣрностью, что оппозиціи нѣтъ: я ее не вижу. Вся палата точно охвачена страданіемъ Россіи и хочетъ сообща все успокоить, вернуть всѣмъ утраченное счастье, утолить обездоленныхъ и примирить враждующихъ. Лица у депутатовъ напряженныя и серьезныя. Сейчасъ-же въ рядахъ крайней лѣвой, примыкающей къ нашей ложѣ, добродушное, ласковое лицо Максима Ковалевскаго, вотъ и Карѣевъ съ гривой сѣдыхъ волосъ. Рядомъ Е. Н. Щепкинъ, одинъ изъ очевидныхъ руководителей партіи. Лицо его рѣшительное и строгое.

Выше, выше поднимаются ступени амфитеатра и на нихъ фигуры крестьянскихъ депутатовъ въ простыхъ кафтанахъ, чекменяхъ, свиткахъ. Алѣютъ рубашки трехъ рабочихъ депутатовъ и польскаго крестьянина.

Палата тихо гудитъ и перебрасывается замѣчаніями. Моментъ—сильная фигура С. И. Муромцева показывается на эстрадѣ, и все смолкаетъ. Въ палатѣ водворяется тишина. С. А. во фракѣ, спокойный и ровный. Я вижу, какъ премьеръ беретъ карандашъ въ руки, точно желая что то записывать.

— Объявляю засѣданіе открытымъ,—говоритъ С. А.

Засѣданіе начинается.

Начали засѣданіе съ чтенія привѣтствій.

Финляндскій адресъ — отъ сейма — приняли сочувственно; понравилось, что адресъ былъ написанъ на финскомъ и шведскомъ языкахъ. Слова о наступающей новой эрѣ и довѣріи между двумя народами встрѣчены рукоплесканіями. Второе привѣтствіе, отъ князя черногорскаго, считавшаго, очевидно, нужнымъ откликнуться на конституціонную эру въ Россіи, было встрѣчено слабо, благодаря упоминанію о «великодушномъ

дарованіи новаго правопорядка». Очевидно князь по опыту своей страны полагаетъ, что конституціи всегда даруются.

Теплѣе принято поздравленіе католикоса армянской церкви, опять таки потому, что онъ въ немъ говоритъ о Россіи, какъ о конституціонномъ государствѣ. Громомъ апплодисментовъ встрѣченъ адресъ группы московскихъ гласныхъ, и адресъ Новороссійскаго университета. Отмѣчаю, что эти два привѣтствія, въ которыхъ говорится о грядущей борьбѣ, о демократической конституціи, о необходимости укрѣпить свободы, встрѣчены съ наибольшимъ подъемомъ.

Бурю вызвали привѣтствія заключенныхъ и телеграмма родственниковъ ссыльныхъ и находящихся въ тюрьмахъ. По требованію палаты привѣтствія были прочитаны. Надо замѣтить, что читались не всѣ привѣтствія, а только важныя: отъ финляндскаго сейма, отъ Москвы, отъ университетовъ, а остальныя только перечислялись.

Привѣтъ отъ заключенныхъ палата потребовала огласить дословно. Были прочитаны трогательныя обращенія ихъ къ первымъ избранникамъ русскаго народа. Не апплодисменты раздались, а стонъ какой-то... Вихрь налетѣлъ и палата, какъ одинъ человѣкъ, встала съ грознымъ кликомъ: «амнистія, амнистія!»

На министерской скамьѣ движеніе.

Палата гремѣла, охваченная энтузіазмомъ. Я видѣлъ—и указалъ товарищамъ—что одинъ депутатъ положилъ голову на пюпитръ и зарыдалъ. Очевидно, вспомнилъ о погибшемъ, быть можетъ, братѣ или сестрѣ. Я разсказалъ объ этомъ во время перерыва нѣкоторымъ депутатамъ и услышалъ отъ одного крестьянина такой отвѣтъ: «да что близкій... они всѣмъ *намъ* близкіе, и братья, и сестры. Амнистію немедленно».

Это—крикъ измученной Россіи. Все вокругъ этого только и вертится.

Съ какимъ-то трепетомъ, я сказалъ-бы—съ яростнымъ нетерпѣніемъ, ждутъ депутаты момента, когда можно будетъ излить свое задушевное желаніе — видѣть всѣхъ «преступниковъ» освобожденными изъ тюрьмы и ссылки.

Прекрасное впечатлѣніе производитъ предсѣдатель Думы С. А. Муромцевъ. Тонко, умѣло, съ надлежащею твердостью, онъ ведетъ засѣданіе. Знающіе его по московскому юридическому обществу говорятъ, что онъ своею энергіей съумѣетъ дисциплинировать палату. Строгій и корректный онъ сумѣетъ указать депутату его ошибки или направить его въ надлежащую колею.

Его предсѣдательствованіе въ общихъ собраніяхъ московскаго юридическаго общества, которое было закрыто за адресъ при открытіи памятника Пушкину, за слова «о всесиліи властной опеки», оставило по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія.

И здѣсь онъ спокойно и авторитетно ведетъ засѣданіе.

Когда онъ говорилъ въ своей вступительной рѣчи о надлежащемъ уваженіи къ «прерогативамъ конституціоннаго Монарха», его слова носятъ отпечатокъ такой сознательной силы, уважающей другихъ и требующей къ себѣ уваженія, что палата разразилась рукоплесканіями.

Депутатъ Аникинъ заговорилъ о волнующихъ всѣхъ чувствахъ и ожиданіяхъ амнистіи, но Муромцевъ остановилъ его, предложивъ касаться только дѣла. Въ его словахъ столько твердости, столько—скажу—правочувствія, что вся палата, не смотря на острое до боли желаніе говорить объ амнистіи, зашумѣла на Аникина и просила его перейти къ обсужденію текущаго вопроса.

С. А. прекрасно изучалъ статуты и обычаи парламентскихъ засѣданій Запада.

Въ своихъ указаніяхъ и совѣтахъ онъ часто ссылается на обычаи западно-европейскаго парламентаризма, которые онъ знаетъ, очевидно, въ совершенствѣ.

Какъ много экспрессіи въ его голосѣ, когда онъ объявляетъ результатъ баллотировки:

— Князь Шаховской (столько-то голосовъ)... Избранъ!

Это «избранъ» звучитъ торжественно, точно власть переходитъ на новаго избранника и предсѣдатель именемъ народныхъ представителей передаетъ ему ее.

С. А.—человѣкъ громадной эрудиціи и ума. Тактъ необыкновенный, да и выдержка тоже.

Мнѣ пришлось во время перерыва говорить съ С. А.

— Помните, С. А.,—говорю я,—какъ вамъ еще недавно запретили прочитать докладъ въ Одессѣ, а теперь каждое ваше слово передается на весь міръ...

С. А. улыбнулся.

— Да что мой докладъ... Теперь власти не разбираются: что дозволено, что воспрещено... Послушайте, что разсказываетъ профессоръ Гредескулъ.

Н. А. Гредескулъ, избранный сегодня же вице-предсѣдателемъ палаты, разсказываетъ, что въ Архангельскѣ послѣ избранія его въ члены Думы онъ сдѣлалъ представленія губернатору о необходимости отъѣзда. Губернаторъ растерялся.

— Я право не знаю, какъ быть... Да вотъ я самъ уѣзжаю... Дѣлайте, что угодно. Я ничего не могу сказать вамъ...

Н. А. уѣхалъ и по дорогѣ уже получилъ телеграмму, что ему разрѣшено уѣхать.

Обо всемъ разсказывается теперь легко, безъ злобы, безъ горечи... Чувствуется, что мощная новая волна врывается въ жизнь.

Настроеніе крѣпнетъ съ каждымъ часомъ. Произошло то, чего никто не ожидалъ: безпартійные оказались крайними и тѣ, которые боялись за крестьянство, сами оказались силою вещей въ центрѣ.

Вечерняго засѣданія я не забуду. Въ немъ представители русскаго народа единогласно рѣшили: потребовать полную амнистію и отмѣнить смертную казнь. Чтобы понять это единодушное рѣшеніе, надо было только видѣть однѣ лица народныхъ избранниковъ. Это нашъ первый шагъ — говорили они. Первая мысль — первое слово — это амнистія.

Всѣ, истомленные десятичасовымъ засѣданіемъ, словно воспрянули духомъ, когда услышали трубный голосъ Родичева, взывавшаго къ нимъ:

— Совершимъ-же наше всенародное, національное дѣло; пусть мы рѣшимъ сегодня не законъ, но скажемъ свое слово!

Скажемъ то, пока еще есть время. Быть можетъ, черезъ нѣсколько дней будетъ поздно...

Я не видѣлъ еще Родичева въ такомъ волненіи. Онъ словно молилъ палату, въ голосѣ его, въ львиномъ рыканіи, слышалось едва сдерживаемое рыданіе...

Палата апплодировала этимъ идущимъ отъ глубины души словамъ.

Но вотъ на трибуну взошелъ крестьянинъ Аникинъ.

— Нѣтъ,—началъ онъ,—здѣсь не слѣдуетъ говорить о милосердіи. Оно-ли у мѣста? Здѣсь попрана справедливость. Знаете-ли вы, что дѣлаютъ съ крестьянами?

И Аникинъ нарисовалъ нѣсколько сценокъ, отъ которыхъ закипала кровь... У крестьянъ блестѣли глаза: каждый, должно быть, вспоминалъ про «родныя» картинки. «Я взываю—говорилъ онъ—къ справедливости. Голосъ народа требуетъ этой справедливости».

На трибунѣ Аладьинъ. Онъ говоритъ, почти постоянно оборачиваясь къ скамьѣ министровъ:

— Я не говорю ни о милосердіи, ни о справедливости; я требую. Говорю даже не вамъ, господа народные представители: я—говорю это тѣмъ, кто *долженъ* насъ слушать... И если наше требованіе не будетъ исполнено, то пусть они встрѣтятся лицомъ къ лицу съ народомъ. Пусть идетъ стѣна на стѣну.

Настроеніе очень приподнятое... Палата единогласно вотируетъ полную амнистію, какъ одно изъ положеній адреса.

— Разойдемся-же сейчасъ, — говоритъ Родичевъ, — разойдемся подъ вліяніемъ великаго совершеннаго дѣла.

Палата расходится.

А на улицѣ гремитъ «ура», толпа встрѣчаетъ депутатовъ и качаетъ ихъ.

Сейчасъ толпа идетъ по Литейному проспекту и поетъ. Ни полиціи, ни войскъ. Толпа проходитъ мимо дома Побѣдоносцева—и только звонче и задорнѣе звучитъ:

«Отречемся отъ стараго міра»...

ОКОЛО ДУМЫ.

Сегодня нѣтъ засѣданія Думы, и это знаменательно. Надо было слушать вчерашнее мотивированное предложеніе рабочихъ депутатовъ въ лицѣ Жилкина, Аладьина, Савельева, чтобы понять, какъ высокъ подъемъ первыхъ избранниковъ русскаго народа, какъ охватило всѣхъ сочувствіе стремленіямъ рабочаго класса! Въ день 1-го мая первый русскій парламентъ не засѣдалъ!

Сегодня работаетъ только комиссія 33-хъ для выработки отвѣтнаго адреса.

Сегодня я пошелъ въ кадетскій клубъ, «кадетскій корпусъ», какъ въ шутку его называютъ, и говорилъ съ В. Д. Набоковымъ о тезисахъ адреса.

Онъ отказывался говорить.

— Мы скажемъ все завтра въ палатѣ. Почему вы хотите имѣть право раньше знать, чѣмъ наши-же товарищи по палатѣ?

— Хорошо,—возразилъ я,—я понимаю это правило. Скажите же мнѣ, В. Д., считаете ли вы теперешнее переживаніе на нашей родинѣ обычнымъ, повседневнымъ явленіемъ, или есть что либо особенное, исключительное въ немъ? Подумайте, какое мы время переживаемъ и можемъ ли мы руководствоваться обычными пріемами... Все необычно, все исключительно.

«Какъ депутатъ и членъ комиссіи, я не могу ничего говорить о ея дѣятельности; какъ журналистъ, я скажу вамъ свое мнѣніе... Хотите по товарищески? И такъ, первый вопросъ— это амнистія. Мнѣ лично уже пришлось составить основы ея и эти положенія мы и предложимъ правительству. Затѣмъ мы помянемъ о гражданскихъ свободахъ; о равноправіи національностей, объ аграрномъ и рабочемъ вопросахъ, объ авто-

номіи. Это исходные пункты программы, къ которой мы приступимъ, и мы скажемъ Верховной власти о нашихъ desiderata... Тутъ мы не просимъ ни о милости, ни о справедливости; мы говоримъ только о необходимости. Завтра мы доложимъ обо всемъ палатѣ,—и если она санкціонируетъ нашъ отвѣтный адресъ, то предсѣдатель Думы представитъ его въ Петергофъ».

Я говорилъ съ нѣкоторыми польскими депутатами по вопросу объ автономіи Польши... Вотъ вопросъ, гдѣ будетъ сломано много копій, гдѣ даже теперешняя единогласная Дума расколется.

— Неужели же,—говорилъ я одному польскому депутату,—вы вѣрите, что эта палата отвергнетъ автономію Польши? Развѣ вы не видите, каковы ея отношенія къ вопросамъ, гдѣ страдаютъ право и справедливость? Развѣ не бьетъ ключемъ сочувствіе угнетеннымъ и желаніе оттрясти прахъ отъ стараго міра?

— Посмотримъ... Во мнѣ меньше всего сквозитъ вѣковое недовѣріе поляка и крестьянина, но я предвижу, что даже тѣ, кто испыталъ гнетъ русской бюрократіи, не поймутъ насъ... Имъ успѣли внушить нелѣпую мысль, что Польша отдѣлится. И ей вѣрятъ. Отрава дѣйствуетъ въ теченіе столѣтій и не въ нѣсколько дней намъ уничтожить слѣды ея.

Мнѣ кажется, что крестьяне-депутаты дѣйствуютъ не сами, а подъ вліяніемъ мнѣнія деревни. А послѣдняя, невѣжественная и слѣпая, думаетъ, что полякъ — природный бунтарь и «мутитъ» въ Россіи.

Поэтому вопросъ о польскихъ свободахъ не такъ-то легко будетъ разрѣшить».

Польскіе депутаты называютъ себя «послами Польши».

— Мы пришли сюда спросить васъ, признаете ли вы нашу свободу?—говорилъ въ кулуарахъ польскій депутатъ-крестьянинъ въ красивомъ бѣломъ кунтушѣ.—Если же мы не получимъ отвѣта на этотъ вопросъ, то намъ ничего не остается здѣсь дѣлать... Мы уйдемъ тогда отсюда къ себѣ домой.

— Мы должны знать,—прибавилъ другой депутатъ Кѣлец-

кой губерніи,—враги вы наши или друзья? Съ друзьями мы останемся вмѣстѣ работать, а съ врагами намъ не зачѣмъ быть.

Польскіе депутаты образовали свое польское «коло»: «коло» принимаетъ рѣшенія, и эти рѣшенія тайна не только для печати, но и для депутатовъ партіи Народной свободы, не говоря уже о другихъ. Какъ бы то ни было, теперь Польша послала своихъ «пословъ» къ русскому народу въ лицѣ его народныхъ представителей — и вѣковой русско-польскій вопросъ долженъ теперь найти разрѣшеніе. Если между представителями двухъ народовъ будетъ вырыта пропасть, то ее нелегко будетъ заполнить. То, что надѣлала русская бюрократія, уже забыто, печальное прошлое отошло въ область исторіи. Теперь, въ эпоху обновленія, не будетъ мѣста старой лжи и старому насилію.

Такъ думаетъ и большинство теперешней палаты. Слово ея впереди.

Относительно польскихъ «пословъ» въ обществѣ было много толковъ и... разочарованій. Результаты выборовъ въ Польшѣ оказались очень неожиданными: попали все почти народовцы.

Причина—это бойкотъ крайнихъ партій и малочисленность прогрессистовъ.

Странно видѣть, какъ это Польша, стонущая подъ гнетомъ солдатскаго сапога и обливающаяся кровью, вольнолюбивая и сравнительно организованная страна, выбрала все почти народовцевъ, демократизмъ которыхъ можно взять подъ сильное сомнѣніе, такъ же, какъ и искренній ихъ либерализмъ.

Положимъ, нѣкоторымъ изъ нихъ не безъ основанія приписываютъ кое-что изъ другого «изма»—именно антисемитизма, но они вознаграждаютъ себя крайнимъ, очень замѣтнымъ національизмомъ.

Въ этомъ вопросѣ они непримиримы и многихъ изъ нихъ не оставила старо-польская мечта о Польшѣ отъ моря до моря.

*

Положимъ, что есть много справедливаго въ этихъ мечтахъ, но опять-таки не съ подоплекой народовцевъ.

Ихъ особенности не по нутру многимъ, не только крайнимъ, но и кадетскимъ представителямъ. «Коло» охотно пошло въ союзъ автономистовъ, не безъ правильности оцѣнивъ этотъ первый этапъ къ федераціи, а затѣмъ и, давай Богъ, къ независимости.

Но польскій хлопъ и рабочій, каково ему будетъ даже при независимости подъ народовской эгидой?

Къ счастью, эти выборы не послѣднее слово польскаго землепашца и особенно польскаго рабочаго.

ОТВѢТЪ НА ТРОННУЮ РѢЧЬ.

I.

Въ палатѣ шумно и оживленно... У нѣкоторыхъ счастливцевъ печатный текстъ отвѣтной рѣчи. Собираются вмѣстѣ, читаютъ, переписываютъ.

— Все ли сказано здѣсь, — спрашиваетъ крестьянинъ-депутатъ, — чтобы всѣхъ на свободу, сердешныхъ? Чтобы и воля, и земля, и права, все?

— Все, все,—успокаиваютъ его.

Мягкій звонъ,—депутаты спѣшатъ на мѣста. На предсѣдательской трибунѣ красивая фигура С. А. Муромцева. Изящный, серьезный, онъ произноситъ: «объявляю засѣданіе открытымъ».

Какъ депутатамъ ни хочется скорѣе дорваться уже до дебатовъ по адресу, но надо принять кой-какія мѣры. Мѣры эти заключаются въ установленіи правилъ для прекращенія преній и срока рѣчей ораторовъ. Это обезпеченіе себя отъ возможности обструкціи со стороны правыхъ.

Могутъ начаться безконечные дебаты и разговоры, а между тѣмъ, вопросъ надо рѣшить теперь же...

Докладчикъ депутатъ Котляревскій предлагаетъ принять три пункта его доклада относительно способа прекращенія преній. Послѣ оживленныхъ преній, продолжавшихся два часа, Дума приняла проектъ.

Я видѣлъ ироническія улыбки на лицахъ министровъ: они никакъ не могли понять, какъ это громадное учрежденіе въ количествѣ 450 человѣкъ занимается такимъ неважнымъ вопросомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: «принять докладъ сдать въ комиссію—и баста»,—говорятъ ихъ лица.

А, между тѣмъ, они не видятъ, что самыя обычныя поло-

женія регламента должны быть проникнуты духомъ уваженія къ правамъ меньшинства и вообще отдѣльныхъ членовъ палаты. Въ дебатахъ ораторовъ, «завязшихъ», какъ иронически хихикнулъ кто-то изъ министровъ, въ этомъ вопросѣ, проглядывало желаніе составить правила такъ, чтобы не было ни формальнаго, ни матеріальнаго насилія надъ мнѣніями и желаніями отдѣльныхъ членовъ палаты. Тутъ не желаніе скрутить обструкціонистовъ, а уваженіе къ праву отдѣльной личности и въ то же время желаніе наладить парламентскую работу по заранѣе выработаннымъ нормамъ.

У насъ сразу проявилась мягкая тенденція къ правамъ меньшинства, желаніе дать имъ въ руки легальное оружіе для легальной борьбы.

Къ слову сказать, не далѣе какъ сегодня одна газета, которой прекрасно жилось во мракѣ, а теперь ей все не по себѣ, обрушилась и на Муромцева, и на палату, двумя скверными статьями, обвиняя ихъ въ разныхъ грѣхахъ. Если бы авторы этихъ статей, смахивающихъ скорѣе на пасквили, побывали въ палатѣ, въ которой большинство, и большинство подавляющее, принадлежитъ кадетамъ и крайнимъ партіямъ, и увидѣли бы, какъ они не желаютъ использовать своего исключительнаго положенія, а считаются съ правами меньшинства, то они хоть немного устыдились бы своихъ писаній.

Дума принимаетъ регламентъ и переходитъ къ обсужденію отвѣтнаго адреса.

Въ палатѣ министры, И. Л. Горемыкинъ и много членовъ дипломатическаго корпуса. Японскій посланникъ г. Мотоно внимательно вслушивается; онъ довольно часто посѣщаетъ палату—больше, чѣмъ другіе дипломаты, и очень внимательно слушаетъ дебаты. По этому поводу даже подшучиваютъ въ ложахъ журналистовъ, откуда прекрасно можно видѣть и министровъ, и палату, и дипломатовъ, и публику.

В. Д. Набоковъ, немного волнуясь, прочитываетъ отвѣтный адресъ. Онъ производитъ на палату очень хорошее впечатлѣніе и даже правые ему сильно апплодируютъ. Крайніе лѣ-

вые сдержанны и повидимому готовятъ цѣлый рядъ возраженій.

Въ этомъ адресѣ сказано все, но не все высказано. Здѣсь ничего нѣтъ о настроеніи Думы и томъ рѣшеніи народныхъ избранниковъ, если событія толкнутъ ихъ на борьбу.

Приступаютъ къ преніямъ.

Открылъ пренія, какъ извѣстно, Миклашевскій, требовавшій суда надъ виновниками беззаконія. Ораторъ протягивалъ руки къ палатѣ, словно умоляя ее недопустить безнаказанности. Онъ разсказывалъ изъ своей личной жизни случаи возмутительныхъ издѣвательствъ надъ гражданами. Онъ настаивалъ на включеніи въ адресъ ходатайства о судѣ надъ чинами администраціи за всѣ ея беззаконія, которыя творятся даже теперь, преслѣдуютъ даже теперь народныхъ избранниковъ. Онъ говорилъ:

— Если мы не скажемъ, что всѣ власти отвѣтственны передъ закономъ, если не укажемъ этого въ адресѣ, то мы не въ достаточной мѣрѣ охранили и защитили даже наше представительное учрежденіе. Мнѣ думается, что искренность нашихъ отношеній къ Монарху требуетъ, чтобы мы заявили въ адресѣ о необходимости суда.

На трибунѣ Родичевъ. Онъ видимо сдерживаетъ себя, и чувствуется, что онъ самъ не хочетъ дать волю накопившейся у него въ груди ярости и онъ хочетъ въ послѣдній разъ протянуть руку мира.

— Я не возражаю предыдущему оратору. Да будетъ судъ! Я защищаю только нашъ адресъ. Этотъ адресъ не заявленіе партіи: это голосъ всенародный.

Эта первая его большая рѣчь въ палатѣ дышала искренностью и воодушевленіемъ.

— Не исполнивъ нашего дѣла,—говорилъ онъ,—мы возвратиться назадъ не можемъ. Насъ послали затѣмъ, чтобы мы положили начало новому строю, въ которомъ власть является охранителемъ правъ гражданъ.

Ораторъ указываетъ на необходимость устранить средо-

стѣніе между Царемъ и народомъ, какимъ является новосозданный Государственный Совѣтъ. Онъ объясняетъ, почему необходима отвѣтственность министровъ и говоритъ въ заключеніе: «одно, господа, намъ нужно условіе. Одинъ залогъ; это слово у всѣхъ насъ на умѣ, это слово «амнистія». Мы ждемъ ее, какъ ждемъ благой вѣсти, что мы снова можемъ вѣрить и можемъ надѣяться; но, господа, если рушится наша надежда, на насъ останется обязанность осуществить обновленіе Россіи и безъ этого не уходить».

Закончилъ онъ ее словами: «кончая свою рѣчь, я говорю: мы идемъ къ вамъ съ миромъ, мы идемъ за правомъ и свободой... Но уже остановиться мы не можемъ, и мы не остановимся, чтобы ни сулило намъ будущее. Мы здѣсь, — стукнулъ онъ по трибунѣ,—мы здѣсь останемся тверды и непреклонны».

Рѣчь заразила всѣхъ. Послѣ Родичева говорилъ Астафьевъ. И онъ говорилъ о долгихъ ожиданіяхъ Думы, и онъ рисовалъ картину гибели Россіи, если не установятъ согласія и мира. «Дайте намъ амнистію, не убивайте, и васъ не будутъ убивать!»

Не обошлось и безъ раритетовъ... Графъ Потоцкій попытался защитить землевладѣніе, а Способный изъ Екатеринослава—смертную казнь. Г. Способный очевидно юристъ по недоразумѣнію и депутатъ по оплошности. Онъ съ удивительною стойкостью, сильно смахивающей на безнадежное непониманіе, защищалъ это кровавое наслѣдіе средневѣковья.

Аргументы?

Такихъ аргументовъ устыдился бы самъ господинъ палачъ, исполнитель правосудія: тотъ просто не разсуждаетъ, а дѣлаетъ свое «дѣло».

Г. Способный защищалъ ихъ право на ремесло, и палачи могутъ спать спокойно и не бояться, что они лишатся куска хлѣба.

Есть вѣдь люди, которые объ этомъ заботятся.

Палата проводила эти рѣчи гробовымъ молчаніемъ. Во

время рѣчи Способнаго я услышалъ новый видъ обструкціи: на палату напалъ неудержимый кашель. Я не слышалъ еще такого неожиданнаго приступа кашля у сотенъ людей.

Говорилъ, конечно, и графъ Гейденъ. Онъ обидѣлся на Родичева за нападки послѣдняго на земство. Гейденъ не понялъ Родичева: послѣдній нападалъ не на земство, а на его организацію. Но Гейденъ, что называется, вошелъ въ ражъ и сильно разобидѣлся.

Закончилъ пренія сегодня Аладьинъ. Его трубный голосъ гремѣлъ на трибунѣ, словно труба іерихонская. Изъ его рѣчи возьму одно: онъ бросилъ, какъ лозунгъ, слѣдующую фразу: «нашъ адресъ является, съ одной стороны, отвѣтомъ верховной власти, а съ другой—манифестомъ къ странѣ, которая насъ еще не знаетъ, но которая ждетъ отъ насъ многаго».

Глядя на оратора, я находилъ, что онъ сильная боевая натура, которая въ наше время, жадно ищущее героя, можетъ выдвинуться и вести за собою людей.

Масса любитъ смѣлость, а послѣдней у оратора достаточно. У него уже теперь есть и друзья, и—что еще нужнѣе—враги.

II.

Дума продолжаетъ обсужденіе отвѣта на тронную рѣчь. Состояніе большинства депутатовъ напряженное: чувствуется желаніе перейти, наконецъ, отъ словъ къ настоящему дѣлу. Въ кулуарахъ склонны не затягивать обсужденія, и завтра же сдѣлать представленіе въ Петергофъ. «Мы здѣсь законодатели,—горячится Иванъ Петрункевичъ, блестя своими ироническими глазами,—а не ходатаи: просить, указывать, дѣлать представленія—это не наше дѣло... Нужна работа, настоящая работа... Россія ждетъ».

Все-таки рѣчи по поводу адреса имѣютъ свое значеніе, такъ какъ онѣ сразу опредѣляютъ и настроеніе палаты, и группировку партій.

Какъ я вчера писалъ, настроеніе страны не передано въ

отвѣтномъ адресѣ. На это сегодня больше всего и напирали въ рѣчахъ.

Сегодня представители крестьянъ и рабочихъ отвѣчали въ своихъ рѣчахъ какъ бы на затаенный вопросъ: «а что если насъ не послушаютъ, если наши слова останутся безъ отвѣта?»

Представитель отъ Саратовской губерніи говорилъ о лозунгѣ, прозвучавшемъ въ деревнѣ. «Какъ раньше, такъ и теперь, раздаются клики: земли и воли»! «Удовлетворите требованія народа—говорилъ онъ — и вы утѣшите его справедливый гнѣвъ.

Становилось жутко. Ораторъ, человѣкъ небольшого роста, говоритъ тихимъ проникновеннымъ голосомъ. Это—народный учитель, видавшій горе и безправіе крестьянъ, жившій въ одной изъ губерній, потрясенныхъ страшными аграрными безпорядками. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, какъ сама жизнь.

«Что скажетъ мужикъ, когда узнаетъ, какъ мало отвели ему мѣста въ программѣ отвѣтнаго адреса? «А насъ опять забыли!»—скажетъ онъ съ горечью.

Говорилъ и Заболотный; онъ указывалъ на краткость адреса, но, признавая ее, надо все-таки не жертвовать ради краткости нуждами, самыми нашими кровными нуждами.

«Надо высказать все, что у насъ на душѣ».

Когда предсѣдатель объявилъ: «Слово принадлежитъ члену Государственной Думы Щепкину», въ палатѣ произошло движеніе. Въ ложѣ журналистовъ всѣ приготовились писать, но рѣчь Е. Н. была такъ увлекательна, онъ ее произнесъ такъ красиво, что трудно было записывать ее: мы всѣ такъ увлеклись ею, что не записывали ее.

Надо сказать, что по тому воодушевленію, съ которымъ Е. Н. говоритъ въ палатѣ, его можно поставить на ряду съ Родичевымъ и Петрункевичемъ, хотя его отличаютъ отъ нихъ многія особенности его рѣчи. Родичевъ говоритъ, точно бросаетъ вызовъ,—слова его звучатъ силою и воодушевленіемъ. Петрункевичъ—больше критикъ, съ острымъ анализомъ и рѣжущею рѣчью. Онъ не можетъ подняться до пафоса Роди-

чева: юморъ просвѣчиваетъ въ немъ въ самые торжественные моменты его рѣчи. Е. Н. Щепкинъ говоритъ уже третью рѣчь въ палатѣ, съ громаднымъ успѣхомъ. Подкупаетъ картинность, мягкій калоритъ, живыя, образныя сравненія. Его рѣчь красива по построенію, всегда оригинальна и слушается съ интересомъ. Я видѣлъ, съ какимъ оживленіемъ слушали его довольно длинную рѣчь депутаты:

— Отвѣтъ на тронную рѣчь—началъ онъ—указываетъ одинъ опредѣленный путь. Другіе пути—только боковые: пусть каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ и совѣсти посмотритъ на эти пути. Отдадимъ себѣ отчетъ, каждый самому себѣ; пусть онъ себя спроситъ, чего же онъ хочетъ?»

Небольшая пауза. Ораторъ оглядываетъ палату справа налѣво. Палата настораживается, Муромцевъ наклоняется впередъ.

И Е. Н. переходитъ въ оригинальной формѣ къ характеристикѣ правыхъ партій.

— Если вы никогда не тяготились тѣмъ старымъ самовластнымъ строемъ, который такъ быстро ускользаетъ изъ подъ ногъ споткнувшейся бюрократіи, если вы думаете, что это и есть единственно возможный строй для Россіи, который посланъ ей на вѣки вѣковъ судьбой, чуть ли не Провидѣніемъ, если вы равнодушны къ половинѣ населенія Россійской Имперіи, говорящей не на великорусскомъ языкѣ, и готовы спокойно допустить, чтобы всѣ нерусскія народности, входящія въ составъ Россійской Имперіи, продолжали жить подъ страхомъ погромовъ и карательныхъ набѣговъ, какъ вѣчныя жертвы вырождающейся администраціи или буйныхъ припадковъ нравственно павшей черни,—то вы не должны присоединяться къ этому адресу, а выработать новый адресъ по указаніямъ членовъ русскаго собранія.

Если вамъ не надоѣли вторженія въ ваши частныя жилища, ночные обыски, изъ мщенія или по ошибкѣ, безъ вины, высылки вашихъ братьевъ безъ суда, истязанія вашихъ дѣтей безъ закона; если вы каждое собраніе считаете мятежемъ, а

каждый союзъ признаете крамолой; если вы явились, чтобы строить новыя тюрьмы и колонизировать мѣста отдаленныя и не столь отдаленныя, то вы не должны присоединяться къ этому адресу: вы должны выработать свой собственный адресъ на началахъ такъ называемаго правового порядка.

Затѣмъ онъ обратился къ крестьянамъ и рабочимъ, товарищамъ по Государственной Думѣ: «если же вы жаждете свободы, свѣта, свободы печати, слова, стачекъ, передвиженія; если вы хотите расширить свои запашки и надѣлы; если вы, товарищи рабочіе, хотите обезпечить себя на старость; если вы дорожите тѣмъ, чтобы ваши дѣти ходили въ гимназіи и тамъ въ наукахъ обгоняли баричатъ, и пролетаріатъ постепенно обращался бы въ интеллигенцію, то вы должны принять этотъ адресъ».

Горячіе апплодисменты прерываютъ оратора. Голосъ его возвышается, и онъ громко, раздѣльно продолжаетъ: «мы дошли сегодня до того дня, о которомъ мечтали раньше лишь въ бреду, и сегодня мы можемъ—о, нѣтъ, мы должны повѣдать Верховной власти о всѣхъ нуждахъ и надеждахъ трудящейся Руси. Дважды такія минуты не повторятся. Будутъ, быть можетъ, другія, болѣе значительныя, но характеръ ихъ будетъ иной. Кто знаетъ, каковы онѣ будутъ?

Въ словахъ, его объ инородцахъ и иновѣрцахъ, словахъ, продиктованныхъ чистымъ убѣжденіемъ, я воочію увидѣлъ, какъ ошибаются тѣ, которые говорятъ, что только представитель угнетенной національности способенъ отстаивать права своего народа. Сегодня тотъ пылъ, съ которымъ человѣкъ съ характерной московской физіономіей, яркимъ славянскимъ говоромъ, съ дрожью въ голосѣ, говорилъ объ угнетеніи инородцевъ, показалъ лишь, что чистая идеологія способна подсказывать человѣку такіе поступки, какъ и самая дѣйствительность и непосредственность...

Е. Н. закончилъ ярко и красиво сильнымъ сравненіемъ, среди гробовой тишины. Послѣднія слова его были: «мы хотимъ поставить мельничное колесо и урегулировать движеніе

воды. Если волны пойдутъ черезъ плотину, прорвутъ и разобьютъ ее, то мы теперь по крайней мѣрѣ можемъ сказать: «Государь мы ихъ предупреждали».

Чтобы понять послѣднія слова, надо добавить, что Е. Н. сказалъ ихъ, обращаясь къ скамьѣ министровъ.

Громъ грянулъ въ палатѣ. Долгія рукоплесканія гремѣли, провожая оратора до его мѣста.

Говорило въ этотъ день до 50 ораторовъ; записалось еще 25, и каждый вносилъ что-либо новое. Ковалевскій съ его глубокимъ знаніемъ парламентаризма указалъ на рядъ существенныхъ упущеній въ адресѣ. Онъ обратилъ вниманіе на отсутствіе въ адресѣ указанія на внѣшнюю политику, на роспись, на право законодательной иниціативы и на право петицій; онъ говорилъ, какъ истый старый парламентарій, который боролся за конституціонные идеалы тогда еще, когда объ этомъ только думали, но еще не говорили.

Ковалевскій говорилъ толково, дѣльно съ знаніемъ дѣла, и видно, что этотъ старый учитель права принесъ сюда всѣ свои знанія, чтобы учить съ высоты не университетской, а общерусской каѳедры.

Учить—это призваніе такихъ людей.

— «При правильномъ народномъ представительствѣ—сказалъ онъ—миръ будетъ вѣрнѣе обезпеченъ; не будетъ безумныхъ войнъ, кровавыхъ авантюръ, тяжкихъ обидъ нашего національнаго престижа. Не шовинизмъ, а достоинство націи будетъ стимуломъ нашей политики. Мы же и должны указать и на покровительство Россіи славянамъ. Здоровое ясное пониманіе націонализма, покоящагося на культурныхъ началахъ должно начаться въ нашей внѣшней политикѣ».

Говорилъ и представитель казачьяго войска Сѣдельниковъ.

Говорило много ораторовъ, и каждый вноситъ что-либо новое! Вся скорбь, вся горечь, накопившаяся вѣками, сегодня была принесена въ палату. Чувствовалась вѣковая обида въ словахъ бурнаго Ледницкаго, говорившаго о раскрѣпощеніи народовъ, говорилъ Кузьминъ-Караваевъ по вопросу

объ отмѣнѣ смертной казни,—этого стараго остатка кровожадности государства. Увы! Скорбь и горе еще не исчерпаны!

III.

Сегодня же я побывалъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Мирные старички сидѣли въ мягкихъ креслахъ въ залѣ Дворянскаго Собранія и обсуждали вопросъ объ адресѣ. Невольно сравненіе между совѣтомъ и горячей, нервной палатой депутатовъ напрашивалось само собою. Жирные затылки, круглыя фигуры въ солидныхъ сюртукахъ, блестящіе мундиры генераловъ и пергаментныя лица министровъ—настоящихъ и бывшихъ—какая разница между скромными пиджаками, армяками и блузами! Тамъ молодое воодушевленіе, жаръ негодованія, страсть, страда—въ полномъ смыслѣ слова; здѣсь величавое спокойствіе, холодность, чопорность.

Говорятъ съ кресел, не всходя на трибуну, коротко, небрежно; обращаются къ предсѣдателю—и титулъ «ваше высокопревосходительство» виситъ въ воздухѣ и склоняется ежеминутно.

Всѣ старые знакомцы, спасатели Россіи, налицо: Алексѣевъ, Голицынъ, фонъ-Валь, Витте, усталый и блѣдный, скромно сидитъ въ сторонѣ! Усталъ онъ отъ насажденія конституціонализма, а блѣденъ, вѣроятно, отъ спокойной совѣсти.

Вотъ и Дурново, до странности маленькій человѣкъ!

А онъ выдержалъ натискъ ноябрьской и декабрьской волнъ революціи!

Для характеристики совѣта передаю слѣдующую картину обсужденія вопроса о выборѣ комиссіи для отвѣта на тронный адресъ.

Члены едва договорились до количества лицъ въ комиссіи: были перебраны цифры отъ трехъ до тридцати, пока не остановились на 18.

Какъ же ихъ выбирать? — спрашиваетъ предсѣдатель.

Ораторы предлагаютъ... выборы по жребіямъ, Точь въ точь

на крестьянскихъ выборахъ: жребій—et voila tout. Сговорились, наконецъ, на выборахъ по группамъ: отъ каждой по одному члену.

Второй вопросъ: надо ли преподать комиссіи указанія? «Надо,—говоритъ, С. Ю. Витте,—вѣдь члены комиссіи мало знаютъ другъ друга: выборные не знаютъ назначенныхъ. Кто знаетъ,—тонко бросаетъ онъ,—нѣтъ ли между ними еще чего-либо, кромѣ незнакомства?»

— Недовѣріе!»—бурчитъ про себя академикъ Шахматовъ.

Слушалъ я Ермолова, слушалъ Стишинскаго, слушалъ князя Касаткина,—и взяла меня грусть и тоска по милому бѣлому зданію Таврическаго дворца.

Голосовали предложеніе Витте: дать указанія комиссіи или нѣтъ? При открытой баллотировкѣ *за* было приблизительно 75 и противъ столько же. Пустили на закрытую и получилось: *за*—95, *противъ*—45.

Я понялъ все: закрытая баллотировка имѣетъ свои прелести. Валяй въ закрытую!

Послѣ выборовъ старички разошлись.

IV.

Третій день преній по поводу отвѣтной рѣчи. Три дня напряженной атмосферы, въ которую каждый ораторъ вноситъ столько горѣнія и страданія, что и сердце П. Н. Дурново могло-бы размягчиться.

Надо отвѣтить на тронную рѣчь. Первыя слова всегда остаются въ памяти, и въ нихъ нужно вложить душу.

Нужно доказать, что не разрушать, а созидать пришла Государственная Дума.

Земля русская стонетъ!

Стонетъ въ ней каждая былинка, стонетъ человѣкъ, стонетъ, кажется, небо, глядя на безысходное, тяжелое горе великаго, но безталаннаго народа.

И этотъ стонъ принесъ съ собой въ великолѣпный Таврическій дворецъ каждый депутатъ.

«Идите и скажите Царю»... Такъ начинали свои «наказы» членамъ Государственной Думы крестьяне.

Вотъ наступилъ этотъ моментъ, когда надо «пойти и сказать Царю».

И, понятно, хочется сказать все. Хочется, чтобы каждое слово, выстраданное слово народа, какъ таранъ разрушало бы средостѣніе, воздвигнутое «жадною толпой, стоящею у трона».

Каждый изъ депутатовъ старается говорить спокойно, сдержанно, но боль поминутно вырывается наружу, и слова точно съ кровью отрываются отъ сердца...

Говорятъ люди изъ Вологды, изъ Астрахани, изъ Оренбурга и Люблина... Говорятъ интеллигенты, крестьяне, рабочіе, бывшіе ссыльные и люди, только что вернувшіеся изъ тюрьмы и ссылки.

А министры сидятъ въ своихъ креслахъ и безстрастно слушаютъ. Потомъ они лѣниво поднимаются съ мѣстъ и идутъ мимо почтительно склонившихся чиновниковъ и курьеровъ въ свои аппартаменты.

— Я готовъ кричать отъ отчаянія, отъ злости,—говоритъ въ кулуарахъ одинъ изъ депутатовъ,—когда я вижу этихъ холодныхъ людей, у которыхъ нѣтъ сердца... Какъ они умѣютъ все забывать, и ничему не научаться.

Палата неутомима. Уже около шестидесяти ораторовъ говорило, а залъ полонъ, лица напряженныя, всѣ слушаютъ.

Повторяются-ли ораторы? О, нѣтъ, я не могу этого сказать. Каждый вноситъ что-либо новое, каждый указываетъ на необходимость подчеркнуть вопіющее зло русской жизни.

Не говоря уже объ общихъ вещахъ, какъ всеобщее избирательное право, равноправіе, уничтоженіе средостѣнія, гражданскія свободы — говорятъ и о контролѣ, о полиціи, о займахъ, налогахъ, о судѣ... Когда видишь воочію, какъ много зла и всякой неправды обнаружили представители народа въ Думѣ, удивляешься тому, какъ это мы жили до сихъ поръ, какъ это мы дышали зараженнымъ воздухомъ въ затхломъ

казематѣ этихъ обширныхъ арестантскихъ ротъ, въ которую превратилась Россія?

Гляжу на министровъ. Г. Коковцовъ, спокойный, съ размѣренными движеніями, въ перчаткахъ, сидитъ немного откинувшись на креслѣ. Онъ смотритъ прямо передъ собою на правую, которая у него передъ глазами. Тамъ извѣстный Ерогинъ, Крюденеръ-Струве, Способный, эта «опора въ превратной судьбѣ». Усердно посѣщаетъ засѣданія Шванебахъ: на то у него и либеральная репутація, а остальные министры охотнѣе сидятъ въ мирной идиллической обстановкѣ Дворянскаго Собранія, гдѣ засѣдаетъ Государственный Совѣтъ, «такой благовоспитанный и тактичный!».. Нѣтъ тамъ ни скорбныхъ лицъ, неслышно бури въ голосѣ — и главное нѣтъ этихъ не дающихъ покоя тѣней прошлаго и призраковъ будущаго...

Работа все время кипитъ; еще до засѣданія парламентская кадетская фракція уже засѣдаетъ въ клубѣ. Во время большого обѣденнаго перерыва въ кабинетѣ предсѣдателя собираются и столковываются между собою представители фракцій. Предсѣдатель, его товарищи и секретари собираются отдѣльно. Даже въ ресторанѣ В. Н. Набоковъ и М. М. Винаверъ обсуждаютъ тактику дня. Къ нимъ всегда присоединяются П. Н. Милюковъ и П. Б. Струве. Добродушный М. М. Ковалевскій ходитъ по Екатерининскому залу, окруженный крестьянами изъ южныхъ губерній.

— Я убѣдился въ одномъ даже со словъ правыхъ крестьянъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—что народъ не хочетъ быть ни рабомъ, ни опекаемымъ; крестьяне не предадутъ насъ. Они понимаютъ, что это значитъ самимъ сдѣлаться рабами...

Въ кулуарахъ дѣятельно обсуждаютъ адресъ.

— Я всей душой присоединяюсь къ нему,—говоритъ одинъ ярославскій депутатъ: нельзя придумать ничего ни умнѣе, ни лучше.

— А обсуждать все-таки слѣдуетъ замѣчаетъ другой.

— Слѣдуетъ-то слѣдуетъ, но надо умѣть остановиться наче создастся какая-то парламентская толчея... Я не хочу быть сообщникомъ въ этомъ дѣлѣ. Народъ ждетъ.

— Господа, характерный документъ разсказываетъ депутатъ Сеферъ, держа въ рукѣ телеграмму, — посмотрите: это крестьянскій уполномоченный Хотинскаго уѣзда спрашиваетъ меня, покупать ли его обществу землю, которую имъ уступаетъ помѣщикъ, или ждать до 15-го мая, когда они ее получатъ отъ Думы? «Денегъ у насъ нѣтъ, — сообщаетъ уполномоченный, а земля до зарѣзу нужна».

— Неужели-же такими пустяками ваши уполномоченные будутъ сегодня надоѣдать Думѣ?

— Пустяками?—вскакиваетъ депутатъ.—Вы понимаете какіе это пустяки, когда цѣлый «міръ» нуждается въ 15 десятинахъ! Нуждается «до зарѣзу». Это значитъ, что нужда къ горлу подступила, что «курицу, къ примѣру сказать, и ту выпустить негдѣ». Это значитъ, что крестьянинъ умираетъ голодной смертью у порога амбара, наполненнаго хлѣбомъ, увы, не ему принадлежащимъ... Да, сударь мой, пустяки это съ точки зрѣнія сытаго брюха...

— Что-же вы имъ отвѣтили?—интересуется кто-то.

— Я сказалъ имъ: подождите,—многозначительно говоритъ Сеферъ.

— «Терпѣніе, терпѣніе, терпѣніе»... говоритъ, улыбаясь, одинъ изъ «трудовиковъ»: это великія слова для отступающихъ полководцевъ...

Депутатъ Сеферъ рѣзко поворачивается и уходитъ.

Въ кулуарахъ движеніе; распространяется извѣстіе, что убитъ пресловутый приставъ Ждановъ въ Тамбовѣ. Бѣлый листокъ появляется на доскѣ,—и депутаты гурьбой обступаютъ ее. Кто-то прочитываетъ извѣстіе вслухъ.

— Предлагаю заглавіе.—«Еще одно преступленіе министерства»,—говоритъ кто-то изъ депутатовъ,—и на этотъ разъ преступленіе противъ тѣхъ, кто его поддерживаетъ. Вѣдь, если бы оно отдало Жданова подъ судъ, его не казнили-бы теперь.

— Какой это Ждановъ? Что за человѣкъ такой?—спрашиваетъ крестьянинъ.

Ему объясняютъ.

— Д-да... Жалко парня, жалко человѣка... Когда-же всему этому конецъ будетъ?—неожиданно спрашиваетъ онъ.

Я до сихъ поръ не узналъ фамиліи одного изъ депутатовъ, крестьянина изъ Тульской губерніи, очевидно, сильно интерсеующагося нами журналистами: онъ въ перерывахъ частенько подходитъ къ намъ и разспрашиваетъ о томъ, о семъ.

— Друзьямъ свободы! — неизмѣнно привѣтствуетъ онъ насъ.—Что слышно на Руси?

— Да, Русь-то интересуется тѣмъ, что здѣсь слышно?

— Такъ-такъ... А скажите, на милость, неужели освободятъ отъ наказанія всѣхъ, кто на селахъ у насъ измывался надъ нашимъ братомъ? Сердце у меня-то вѣдь нагорѣло... Ужели-же освободятъ, и такая справедливость будетъ?

— Скажите мнѣ про Францію,—остановилъ онъ меня разъ въ кулуарахъ—какъ тамъ первое собраніе началось?

Я разсказываю ему.

Вообще, крестьяне съ большимъ интересомъ слушаютъ все, что касается историческаго прошлаго, и интересуются, такъ сказать, общими мѣстами.

Но чуть зайдетъ рѣчь объ аграрномъ вопросѣ—и съ мѣста его не сдвинешь.

Онъ умѣетъ въ это время какъ-то сосредоточенно молчать, и по глазамъ его видишь, что у него своя непоколебимая теорія и его ничѣмъ не переубѣдишь. Собираются они часто въ кулуарахъ и спорятъ съ нашими доктринерами: тѣ имъ чуть-ли не про Энгельса разсказываютъ, а они крѣпко чтутъ философію фактовъ ихъ собственной деревни или волости.

Украинцы блещутъ своимъ юморомъ. Палата покатывалась со смѣху, когда депутатъ Грабовецкій добродушно началъ подтрунивать надъ Государственнымъ Совѣтомъ: «нехай винъ розыйдится, якъ пришовъ. Его никто не звавъ». Онъ сравнивалъ нашъ строй съ дырявымъ мѣшкомъ, который вещей держать не можетъ, а дыры только больше дѣлаются.

Я присутствовалъ при такомъ разговорѣ:

— Вотъ вы за всеобщее голосованіе,—говоритъ депутатъ одному крестьянину,—за политическое равноправіе женщинъ?

— Такъ, за женщинъ.

— Значитъ,—глубокомысленно говоритъ тотъ,—онѣ, имѣя права, должны имѣть и обязанности? Мы вѣдь служимъ въ войскахъ: такъ и онѣ должны служить? И ходить на войну?

— Зачѣмъ-же? Можно вѣдь и не воевать? Развѣ ужъ такъ необходимо воевать всегда? Развѣ нельзя жить безъ войны? На землѣ всѣмъ хватитъ мѣста... Только трудись. Учись и трудись.

Замѣтно также, что крестьяне прекрасно сошлись съ интеллигентами. Я говорю не объ Аладьинѣ или Аникинѣ, а о рядовыхъ, сѣрыхъ крестьянахъ: они постоянно теперь вращаются въ обществѣ Котляревскаго, Винавера, Максима Ковалевскаго. Бываютъ часто въ кадетскомъ клубѣ, усердно посѣщаютъ не только партійныя собранія, но и рефераты, доклады, митинги...

Сознаніе, какъ мощная волна, наростаетъ среди нихъ. Это уже не ходоки по крестьянскимъ дѣламъ, сидящіе у параднаго подъѣзда сановника часами, а полноправные хозяева, сознательные господа въ своемъ дѣлѣ. Вотъ гуляетъ П. Н. Милюковъ, этотъ парламентскій дѣятель по призванію, лишенный вѣрнаго депутатскаго мандата, благодаря администраціи, привлекшей его по 129-й статьѣ. Съ нимъ крестьяне Романюкъ, Кучеренко, Выровой. Разсуждаютъ спокойно и сдержанно. Нервный П. Б. Струве, не полномочный избиратель, убѣждаетъ какого-то рабочаго депутата въ чемъ-то, а тотъ иронически смѣется.

— Надо принять поправку въ отвѣтной рѣчи насчетъ займа,—говоритъ въ группѣ депутатъ по Екатеринославской губерніи,—надо-же, наконецъ, провѣрить наши кровныя денежки. Куда вы, милыя, течете, въ чьи руки загребущія попадаете...

— А что вѣрно это,—вмѣшивается тамбовскій депутатъ изъ крестьянъ,—что отъ займа-то останутся лишь рожки да

ножки?.. А мы ничего и не получимъ. Примѣрно, народное образованіе, а у насъ ни полушки.

— Да,—говоритъ кто-то,—наслѣдство-то не изъ важныхъ мы принимаемъ теперь... Покойничекъ-то, старый строй, расточителенъ былъ; ничего не оставилъ: все растранжирилъ по заграницамъ, да по роднымъ мѣстамъ.

— Ну, что... какъ вы учитываете настроеніе нашей палаты?—спрашиваетъ представитель большой буржуазной газеты у извѣстнаго писателя, крайняго.

— Что-же сказать! Бѣдные «жирондисты»! Они между молотомъ и наковальней. Не могутъ рѣзко и сильно отвѣтить правительству — и, въ концѣ-концовъ, народъ извѣрится въ нихъ. Провалъ на ближайшихъ выборахъ—дѣло несомнѣнное. Увидите, настроеніе сразу упадетъ. На одномъ настроеніи недалеко уѣдешь. А если они, эти «жирондисты», побѣдятъ, то ихъ положеніе еще трагичнѣе.

— Какъ это такъ?

— Очень просто: кадетское правительство сразу вырветъ изъ ихъ среды массу столповъ. Посудите: придется составить министерство, и возьмутъ изъ палаты лучшее. Уйдетъ Набоковъ въ юстицію, Родичевъ—внутреннихъ дѣлъ, Герценштейнъ — финансовъ, Ковалевскій, Карѣевъ и т. д. Уйдутъ лучшія силы, вся сила оппозиціи, гнѣва, критики. Кто же останется? Рядовые кадеты... Съ тѣми разговоръ будетъ коротокъ.

Несмотря на долгіе дебаты всѣ слушаютъ напряженно рѣчи, въ перерывахъ горячатся и кипятъ...

— Поздно начинаютъ, въ 11 часовъ,—говоритъ одинъ изъ депутатовъ.

— Начать-бы раненько, часочковъ въ семь—дѣло Божье, хорошее, а то изволь-ка сидѣть до ночи, — возражаетъ полтавецъ.

Пришлось посидѣть не до ночи, а до утра. Въ четвертомъ часу кончили чтеніе адреса и поставили на голосованіе

Старикъ Гейденъ, Михаилъ Стаховичъ, прежній «смутьянъ», а теперь правый, все-таки чистосердечны и честны. «Мы

не останемся, такъ какъ всему адресу не сочувствуемъ, а хотимъ, чтобы адресъ былъ единогласный. Мы уходимъ».

Ушли. Торжественный моментъ. Муромцевъ, утомленный, но спокойный и серьезный, читаетъ адресъ. Его принимаютъ единогласно.

Депутаты выходятъ. Въ окно глядитъ бѣлая петербургская ночь.

— Ушелъ-таки, совѣсти мутить своей не хочетъ, нашъ графъ,—говоритъ псковскій депутатъ про Гейдена.

— Характерный старикъ, честный,—рѣшительно говоритъ его сосѣдъ.

Депутаты расходятся. Солдаты дѣлаютъ на-караулъ. Городовые отдаютъ честь.

V.

Какъ и можно было ожидать, старички Государственнаго Совѣта справились съ адресомъ въ одно засѣданіе. Да еще какое короткое! Если бы оппозиція не затягивала преній, я увѣренъ, что въ теченіе получаса все было бы готово! Былъ бы прочитанъ проектъ, составленный комиссіей, а совѣтъ безъ преній принялъ бы его. Да и мудрено не принять, когда сидятъ старички, которые при перекличкѣ отвѣчаютъ слабымъ голосомъ, прерываемымъ старческимъ кашлемъ, и едва могутъ подняться съ мѣста, когда вопросъ рѣшается вставаніемъ.

Все тутъ мягко, все удобно; ораторы говорятъ съ двухъ трибунъ; можно и подремать въ креслѣ и даже въ газетку заглядывать.

На трибунѣ ораторъ. Жесткое, холодное лицо. Это—представитель донского дворянства Денисовъ. Онъ послѣ прочтенія текста отвѣтнаго адреса защищаетъ репутацію казаковъ.

Начинаетъ онъ такъ: «Казачество—свободный народъ, не стерпѣвшій подневольной жизни и удалившійся на вольное житье. Свободная жизнь и самодѣятельность—свойство казацкой натуры».

Дальше пошло уже нѣчто совсѣмъ особое: «Казаки боро-

лись въ послѣдніе годы противъ насилія за свободу, основанной на правѣ»... Почтенный ораторъ, какъ онъ самъ объяснилъ, этою рѣчью захотѣлъ опровергнуть слова казака Сѣдельникова въ Думѣ, что казаки — насильники русской свободы. «Кто такъ разсуждаетъ,—окончилъ ораторъ,—тотъ не казакъ». Старички, что то промямлили и слабо зааплодировали. Немудрено: они защищаютъ казаковъ и казаки защищаютъ ихъ.

На трибунѣ Н. Ѳ. Самаринъ; онъ съ пафосомъ говоритъ, что въ отвѣтный адресъ надо включить просьбу о помилованіи тѣхъ, кто боролся съ революціей и преступилъ законъ. На этотъ проектъ возражалъ даже Манухинъ.

— Сергѣй Сергѣевичъ, вамъ слово?—перегнулся предсѣдательствующій Фришъ къ нему.

— Я не понимаю,—говоритъ бывшій министръ юстиціи,— какъ это люди, стоявшіе за прежній строй и боровшіеся съ революціей, могутъ оказаться вообще въ тюрьмѣ или на каторгѣ? Если за спеціальныя преступленія, то это насъ не касается. Но получить политическую амнистію?.. За что? Развѣ они могли оказаться преступниками? Я не знаю такихъ примѣровъ.

Самаринъ возражалъ,—и такъ фальшиво, такъ крикливо, что это било по нервамъ... Когда онъ говорилъ о «преступникахъ», то даже фешенебельныя дамы изъ публики морщились отъ фальши его паѳоса.

А публика въ Государственномъ Совѣтѣ тоже своеобразная. Все почти дамы съ изнѣженными лицами, проводящія время въ causerie съ кавалерами изъ училища правовѣдѣнія, либо изъ лицея.

Небольшой перерывъ. Особы идутъ въ кулуаръ.

— А знаете,—шамкаетъ одинъ,—въ Думѣ постановили: требовать нашего упраздненія, наши санкюлоты почище заморскихъ будутъ — и онъ нервно хихикаетъ, не то недоумѣвая, не то негодуя на то, что могутъ благополучно существовать такіе люди, которые дерзаютъ требовать упраздненія Государственнаго Совѣта.

— Богъ съ ними, уйдемъ,—говоритъ другой, бывшій министръ при Александрѣ III, холодный и равнодушный,—уйдемъ, пусть сами кашу расхлебываютъ.

Рѣчь, понятно, идетъ о той кашѣ, которую долго, цѣлыми вѣками, заваривали еще дѣды и прадѣды этихъ разсыпающихся старичковъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчаетъ первый,—уйдемъ, пусть всѣ господа бомбисты обрушатъ на нихъ свой гнѣвъ.

А они боятся этого гнѣва. Я въ первый разъ слышалъ такіе мотивы къ предложеніямъ, какъ въ нашемъ Совѣтѣ.

Шелъ вопросъ о томъ: голосовать открыто или закрыто по поводу амнистіи. И одинъ ораторъ изъ правыхъ высказалъ на трибунѣ свои опасенія.

— Хорошо господамъ изъ оппозиціи настаивать на *открытой* баллотировкѣ по вопросу объ амнистіи. Ну, а каково тѣмъ, кто боится высказать свое мнѣніе? Тому угрожаетъ смерть...

Даже Дурново, бывшій московскій генералъ-губернаторъ, не выдержалъ.

— Всякій долженъ имѣть мужество отвѣчать за свое мнѣніе,—говоритъ онъ.

— Да, да... du courage de son opinion,—сочувственно говоритъ за моей спиной сановная дама.

Любопытно было слушать мнѣнія при поименной баллотировкѣ. Рѣшался вопросъ, принять ли поправку къ адресу, предложенную Самаринымъ: отъ наказанія должны быть освобождены и боровшіеся за порядокъ.

Идетъ голосованіе; упоминаются все знакомыя имена:

— Булыгинъ? За поправку!—отвѣчаетъ онъ.

— Гукасовъ — противъ; Гамалѣй—противъ, Витте—за поправку, Ламздорфъ—за поправку, Манухинъ—противъ, Треповъ, Ѳ. Ѳ.—противъ, Таганцевъ—за поправку...

Витте ясно играетъ двойную игру. Заигрываетъ съ оппозиціей, голосуетъ съ нею въ пустякахъ, но противъ—въ серьезныхъ вещахъ. Я понялъ сегодня, какъ это П. Н. Дурново и камарильѣ удалось сломить его слабое сопротивленіе.

Онъ какъ то сказалъ, что не читаетъ ругающихъ его газетъ.

Не знаю, какъ всегда, но сегодня онъ читалъ, и даже читалъ «Дѣло Народа»... Мнѣ извѣстна статья, которую онъ прочиталъ: это была статья по поводу его же рѣчи объ амнистіи. Прочитавъ газету, онъ бросилъ ее въ сторону и съ злой усмѣшкой посмотрѣлъ въ нашу сторону. Онъ насъ, журналистовъ, защищаетъ въ Совѣтѣ; говоритъ, что нельзя назначать негласныхъ засѣданій, говоритъ о роли прессы, но газеты его не хвалятъ...

А въ общемъ, сколько подобострастія передъ невидимымъ, что носится въ воздухѣ, сколько жесткости противъ свободныхъ идей въ рѣчахъ всѣхъ этихъ «особъ».

«Особы» — такъ ихъ и называетъ статсъ-секретарь послѣ подсчета голосовъ.

Столько то «особъ» *за*, и столько то *противъ*—провозглашаетъ онъ.

Два часа всего просидѣли старички, и покончили съ адресомъ.

Быстрота и натискъ!

Эти славныя суворовскія слова всегда были девизомъ нашихъ сановниковъ въ войнѣ... съ народомъ.

ПЕРВЫЙ КОНФЛИКТЪ.

I.

Ожидали, что 8 мая утромъ въ Думѣ будетъ очень неспокойно. Слишкомъ много электричества накопилось въ воздухѣ; но еще вечеромъ 7 мая появились успокоительные симптомы.

Въ клубѣ Народной свободы парламентская фракція тихо и мирно засѣдала; не было ни криковъ, ни горячности. Члены фракціи и центральнаго комитета мирно обсуждали вопросъ, какъ истинно-достойно отвѣтить на отказъ въ пріемѣ парламентскаго бюро, которое должно было вручить адресъ.

На слѣдующій день рѣшеніе ихъ было представлено въ палатѣ и единогласно принято.

Утромъ я поѣхалъ въ Таврическій дворецъ. Если судить по тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты администраціей «на всякій случай», то можно было подумать, что во дворецъ собирается штабъ революціи. Я увѣренъ, что многіе изъ молодыхъ людей изъ лицеистовъ или правовѣдовъ, которые пока исполняютъ обязанности думскихъ приставовъ, не пришли въ этотъ день на засѣданіе, боясь, что имъ можетъ случайно влетѣть. Гдѣ тутъ въ суматохѣ разобрать, гдѣ свой, гдѣ не свой...

— Друзьямъ свободы почтеніе!—привѣтствовалъ меня съ имперіала конки депутатъ-тулякъ.—Будетъ сегодня дѣловъ!

Но ошибся, никакихъ дѣловъ не было. Дума такъ же спокойна, какъ и всегда, но почему то долго не собирается и не открываетъ засѣданія.

Уже 12 часовъ, а знакомаго звонка неслышно.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваю я знакомаго депутата.— Отчего не начинаютъ?

— Совѣщаются, по фракціямъ,—бросилъ онъ на ходу: въ

предсѣдательской—Народная свобода, въ министерской—трудовики... Идите туда: сегодня пускаютъ.

И точно: въ виду важности момента, журналистамъ позволили присутствовать на частномъ совѣщаніи. И не только позволили, но и усадили ихъ за столъ вокругъ предсѣдателя, сами «трудовики» стояли за неимѣніемъ мѣста.

— Мы, молъ, свои, постоимъ.

Вообще, крестьяне выказываютъ очень много вниманія представителямъ прессы, особенно радикальной. Нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ:

— Многихъ изъ насъ «разбудила» только пресса. Правительство всегда вмѣсто народнаго учителя посылало намъ земскаго начальника, вмѣсто книжки—розгу... Одна только пресса, какъ солнышко, старалась проникнуть въ наши темныя окошки. Это грѣшно забывать.

И крестьяне, гдѣ только могутъ, стараются выказать свою предупредительность къ представителямъ прессы.

Предсѣдательствовалъ Аникинъ, плотный, съ открытымъ лицомъ интеллигентъ-крестьянинъ, въ простомъ пиджачкѣ и мягкой цвѣтной рубашкѣ. Лицо его измученное, нервное; въ глазахъ свѣтится выраженіе чистоты и глубокой вѣры. Это настоящій сынъ народа, его цвѣтъ, его надежда. Нѣсколько глухой голосъ и жестикуляція экспансивнаго человѣка. Пользуется большимъ вниманіемъ среди трудовой группы, ея лидеръ и предсѣдатель бюро.

Засѣданіе протекаетъ спокойно, хотя и не такъ академически, какъ у кадетовъ. Видна сдержанность, усиліе надъ собою. Вотъ-вотъ сорвется нотка гнѣва и какъ искра попадетъ въ порохъ.

Говоритъ крестьянинъ, подстриженный, въ кафтанѣ и сапогахъ, отъ Симбирской губерніи; говоритъ просто, но сильно, называя всѣхъ ихъ настоящими именами, безъ обиняковъ, не прикрываясь фразой. Каждое его слово, какъ гвоздь вколачивается въ мозгъ присутствующихъ. Въ минуты, когда голосъ оратора возвышается, всѣ сдерживаются и опускаютъ головы,

точно боясь, что искра, блеснувшая изъ глазъ, передастся всѣмъ... Въ общемъ трудовики противъ того, чтобы создавать по поводу непринятія бюро конфликтъ.

— Дѣло простое,—говоритъ крестьянинъ, — некуда и незачѣмъ намъ больше ходить... Шептуны *тамъ* всякіе и теперь хотятъ насъ заѣсть, — но подавишься, выкуси! Не такой кусъ — нашъ народъ, не съѣшь его, не слопаешь. Будемъ мы себѣ тутъ сидѣть и свое дѣло дальше дѣлать: не затѣмъ посланы мы деревней. Уважьте, господа крестьяне, господа рабочіе, давайте дальше работать...

Аладьинъ тутъ же. Интеллигентъ, съ рѣзкими чертами лица, средняго роста, хорошаго сложенія. Говоритъ сильно, громко.

Я спросилъ какъ то одного крестьянина на съѣздѣ послѣ рѣчи Родичева: «Что, хорошо говоритъ Ѳедоръ Измайловичъ?»—«Хорошо,—отвѣчаетъ,—только нашъ Аладьинъ лучше. Да и голосъ звончѣе; какъ труба серебряная,—такъ и рѣжетъ».

Аладьинъ говоритъ какимъ то рыкающимъ голосомъ: «Не время еще вступать въ конфликты, поэтому теперь постараемся сдержать себя. Есть у насъ два пути: либо борьба сейчасъ же, либо подготовить ее, исподволь, постепенно. Выберемъ же пока послѣднее».

Предлагаютъ резолюціи: ихъ двѣ—одна Ульянова, другая Буслова, обѣ въ сущности не отличаются другъ отъ друга. Смыслъ ея: мы пришли сюда не для пріемовъ, а для дѣла. Ладно, обойдемся и такъ.

Передъ самымъ голосованіемъ въ комнату входитъ М. Винаверъ и предлагаетъ собранію выслушать делегата кадетской фракціи П. Н. Милюкова по поводу совмѣстныхъ дѣйствій въ засѣданіи палаты.

Я лично не соглашаюсь въ очень многомъ съ Милюковымъ но, когда онъ говоритъ, чувствуется, какъ логика охватываетъ тебя желѣзнымъ кольцомъ. Многіе не-марксисты испытываютъ это при чтеніи «Капитала» Маркса. Надо сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы стряхнуть съ себя обаяніе желѣзной логичности его. Милюковъ говоритъ трезво, слишкомъ даже трезво. Онъ

посылаетъ мысли одну за другою, и онѣ создаютъ крѣпкую цѣпь, которой приковывается желаніе и воля другого. Доказательная сила въ его разсужденіяхъ чрезвычайно велика. Она чаруетъ, гипнотизируетъ слушателя. Его внѣшній видъ и манера рѣчи подкупаютъ: онъ теперь одинъ изъ умнѣйшихъ людей современнаго движенія. На лицѣ его видно его происхожденіе: это крѣпкій человѣкъ, съ непоколебимой энергіей, настойчивостью и удивительной работоспособностью. Его участіе въ освободительномъ движеніи уже давно началось, и прошлое Милюкова — надо правду сказать — куда ярче прошлаго многихъ изъ тѣхъ, кто его упрекаетъ въ отсталости и буржуйности. Его міросозерцаніе — это логическая концепція долголѣтняго изученія исторіи и культуры человѣчества. Его идеализмъ тѣмъ искреннѣе, что онъ явился слѣдствіемъ полнѣйшей убѣжденности, выросшей на опытѣ жизни. Это не пылкій народолюбецъ, способный на быструю жертву, не обдумывая и не колеблясь. Это человѣкъ твердаго убѣжденія и готовый на жертву, достойную ея великой цѣли и народнаго блага. Для *своихъ* онъ сила, и имѣетъ авторитетъ, вполнѣ заслуженный.

Въ эпоху освобожденія—онъ стойкій борецъ. А въ бурный же годъ революціи—онъ только вождь кадетовъ.

Когда видишь этого умственнаго богатыря, вышедшаго изъ народныхъ нѣдръ,—я сказалъ бы, вырвавшагося изъ тисковъ народной тьмы—когда онъ говоритъ о долгѣ, взятомъ на себя депутатомъ, болѣе отвѣтственномъ, чѣмъ обязательство погибнуть,—чувствуешь, какія силы таятся въ народѣ и сколько такихъ Милюковыхъ застряло во тьмѣ и безсильно бьются въ неволѣ.

— Мы стоимъ, — говоритъ онъ, — передъ конфликтомъ. Должны ли мы пойти на него? Есть ли теперешній моментъ именно тотъ, когда можно идти на разрывъ? Я полагаю, что нѣтъ; иначе народъ вправѣ будетъ намъ сказать, что мы *главго* не исполнили: мы должны потребовать свободы и земли. Сдѣлали ли мы это? Нѣтъ: я нахожу, что теперь не время

рѣшительныхъ дѣйствій. Если мы порвемъ открыто съ властью, правительство скажетъ: «ихъ надо отправить по домамъ, этихъ революціонеровъ». Народъ спроситъ: «сдѣлали ли вы все, что взяли на себя?» Что мы отвѣтимъ тогда? Намъ, говорятъ бросили вызовъ. Согласенъ, слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны потерять самообладаніе и реагировать крикомъ, какъ нервная женщина? Закрѣпленіе нашей позиціи—вотъ дѣло, достойное перваго русскаго парламента. Знаете ли, что еще приходитъ въ голову при обсужденіи всего этого конфликта? Я начинаю думать объ этикетѣ, который царитъ при Дворѣ и часто диктуетъ свои законы. Помню, что еще 6 іюня, когда представлялась депутація съ Трубецкимъ во главѣ, надо было особымъ путемъ испросить доступъ ко Двору для лицъ, не имѣющихъ на то право. Вѣдь и не всѣ наши члены бюро имѣютъ право на это, кромѣ Муромцева. Кто знаетъ, не играетъ ли этикетъ въ настоящемъ случаѣ бо́льшей роли, чѣмъ мы думаемъ?

Думаю я также о впечатлѣніи за рубежемъ отъ нашего образа дѣйствій: если мы покажемъ сдержанность, это будетъ проявленіемъ силы и, повѣрьте, это будетъ оцѣнено. На Западѣ умѣютъ понимать и событія, и поступки, и побѣды, и ошибки».

Милюковъ предложилъ резолюцію фракціи Народной свободы, которая была согласована съ резолюціей Буслова.

II.

Предварительныя совѣщанія партій Народной свободы и трудовой—пришли къ единодушному соглашенію относительно перехода къ очереднымъ дѣламъ. Рѣшено было отвѣтить короткой и ясной формулировкой.

Новгородцевъ долженъ былъ отвѣтить первымъ. Это прекрасный ораторъ, спокойный и положительный, безъ излишняго паѳоса. Онъ впервые говорилъ сегодня въ Думѣ. Рѣчь его звучитъ большимъ достоинствомъ,

«Ничто не можетъ ослабить значенія отвѣта Думы на трон-

ную рѣчь,—убѣждалъ онъ,—форма имѣетъ такое малое значеніе въ сравненіи съ содержаніемъ, что здѣсь, въ Государственной Думѣ, не мѣсто для продолжительныхъ сужденій по этому поводу. Пусть форма будетъ та или другая, самый актъ вписанъ неизгладимыми буквами на страницы исторіи. Это великій историческій актъ, ослабить который никто не можетъ. Перейдемте,—закончилъ онъ,—къ нашимъ великимъ историческимъ задачамъ». Голосъ оратора звучалъ такою искренностью и убѣжденіемъ, что чувствовалось, какъ этотъ искренній ораторъ вѣрилъ въ правоту своего предложенія и говоритъ по убѣжденію, чуждому всякаго политическаго разсчета.

Какъ рѣшено было, представители партій должны были сказать каждый свое слово...

На трибунѣ Аладьинъ. Его звонкій голосъ раздается по всей палатѣ; говоритъ онъ съ жаромъ, съ сильнымъ подъемомъ и экспрессіей; онъ обращается къ министерской сторонѣ и къ правой, потому что рѣчи его носятъ всегда обличительный характеръ. Изрѣдка онъ обращается къ «горѣ», какъ называютъ уже мѣста крестьянъ, сидящихъ на верхнихъ креслахъ амфитеатра. И «гора» откликается бурными аплодисментами. «Нашъ первый шагъ затрудненъ. Я обращаюсь къ народу и говорю: смотрите, ваши представители будутъ продолжать работу, но ихъ работа встрѣчаетъ препятствія. Пусть это видитъ народъ».

Послѣ бурнаго оратора, академическая рѣчь Максима Ковалевскаго дополняетъ впечатлѣніе. Добродушное, веселое лицо его потемнѣло; какая то тѣнь страданія легла на доброе лицо стараго учителя жизни.

Въ палатѣ онъ выступаетъ довольно часто и его охотно и внимательно слушаютъ. Его рѣчь всегда блещетъ профессорской эрудиціей и онъ словно поучаетъ своихъ товарищей и даетъ имъ наглядныя уроки. Онъ приводитъ примѣры изъ исторіи парламентаризма въ Англіи, гдѣ адресъ принимается придворными, а также Пруссіи, гдѣ его посылаютъ по почтѣ. Торжественность и помпа не являются необходимыми аксессуарами отвѣтнаго адреса.

«Насъ, лучшихъ людей, спросили, и мы не только, какъ лучшіе, но и какъ вообще порядочные люди, отвѣтили Государю все, что мы думаемъ о современномъ положеніи Россіи и какіе пути мы считаемъ соотвѣтсвующими нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Государь получилъ отъ насъ то, чего ждалъ: честный искренній совѣтъ о томъ, въ какихъ условіяхъ можетъ быть возвращенъ миръ государству. Мы исполнили нашу обязанность. Мы можемъ перейти къ нашимъ очереднымъ дѣламъ».

Рѣчи продолжались всего 20 минутъ и палата большинствомъ противъ 3 голосовъ приняла резолюцію перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Такъ закончилось засѣданіе, изъ котораго многимъ хотѣлось создать конфликтъ. Былъ ли тутъ причиной этикетъ? Быть можетъ... Но отъ такого этикета сильно пахнетъ провокаціей.

III.

— Амнистію! Амнистію!

Какимъ воплемъ вырвались эти слова изъ груди тысячной толпы 27-го апрѣля.

— Амнистію! Амнистію!..

Широкой волной пронесся этотъ вопль отъ Зимняго дворца, далеко, далеко, по холоднымъ волнамъ Невы, докатился до Петропавловской крѣпости, ударился въ сырыя стѣны «Крестовъ» и эхомъ отозвался по всей Россіи.

— Амнистію! Амнистію!—гремѣлъ съ трибуны Петрункевичъ. Амнистія—это должно быть первое слово, которое услышатъ въ обновленной странѣ стѣны перваго русскаго парламента.

Но амнистіи еще нѣтъ!

Депутаты никогда не отличались особеннымъ довѣріемъ къ министерству, но теперь нѣтъ буквально ни одного члена Думы, который не сознавалъ бы, что голосъ народныхъ представителей долженъ идти внизъ.

— «Правда и личность не тамъ, гдѣ ее ищутъ, и ищу

напрасно — сказалъ сегодня на собраніи депутатъ, принадлежащій къ союзу 17-го октября.

Надо, кстати, отмѣтить, что Гейденъ, Стаховичъ и Волконскій, уходя изъ зала во время голосованія отвѣтнаго адреса, мотивировали уходъ «нежеланіемъ нарушить единодушіе палаты». Они по чисто формальнымъ причинамъ, по существу довольно неважнымъ, не захотѣли присоединиться открыто къ адресу, но въ душѣ и они поражены отсутствіемъ до сихъ поръ амнистіи.

— Да развѣ можно такъ подкапываться подъ то, чему служишь?—говоритъ кн. Волконскій одному изъ нашихъ товарищей-журналистовъ, какъ это теперь дѣлаютъ?

Возможно, что амнистія будетъ все-таки дана 14-го мая или въ годовщину Цусимы.

Недаромъ адресъ говоритъ: «Есть моменты, когда нельзя отказать».

Отказать нельзя. Но, когда? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Эти два дня, когда народные избранники должны были такъ много горькаго пережить, несомнѣнно скажутся впослѣдствіи. Самые хладнокровные кипятъ и волнуются; вышколенные политическіе дѣятели, какъ Милюковъ или Ковалевскій, теряютъ все свое политическое равновѣсіе...

Сейчасъ въ клубѣ кадетовъ идетъ обсужденіе вопроса: какъ быть? Обсужденіе длится уже два дня. Пока мы знаемъ только, что положеніе очень серьезно. Часть кадетовъ, изъ числа самовлюбленныхъ, повѣсила носъ. Другіе говорятъ задорно. Многіе возмущены. Ждутъ боя—и его надо дать.

Приходится тутъ считаться и съ обществомъ, и съ крайними; очевидно одно: конфликтъ начался—и это не одинъ, не единичный случай, а эпоха.

Чѣмъ кончится этотъ конфликтъ?

Ясно, что народъ и бюрократія уже стали въ боевой порядокъ другъ противъ друга.

Кто только сдѣлаетъ первый выстрѣлъ?

Кажется, бюрократія...

«Насъ, лучшихъ людей, спросили, и мы не только, какъ лучшіе, но и какъ вообще порядочные люди, отвѣтили Государю все, что мы думаемъ о современномъ положеніи Россіи и какіе пути мы считаемъ соотвѣтсвующими нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Государь получилъ отъ насъ то, чего ждалъ: честный искренній совѣтъ о томъ, въ какихъ условіяхъ можетъ быть возвращенъ миръ государству. Мы исполнили нашу обязанность. Мы можемъ перейти къ нашимъ очереднымъ дѣламъ».

Рѣчи продолжались всего 20 минутъ и палата большинствомъ противъ 3 голосовъ приняла резолюцію перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Такъ закончилось засѣданіе, изъ котораго многимъ хотѣлось создать конфликтъ. Былъ ли тутъ причиной этикетъ? Быть можетъ... Но отъ такого этикета сильно пахнетъ провокаціей.

III.

— Амнистію! Амнистію!

Какимъ воплемъ вырвались эти слова изъ груди тысячной толпы 27-го апрѣля.

— Амнистію! Амнистію!..

Широкой волной пронесся этотъ вопль отъ Зимняго дворца, далеко, далеко, по холоднымъ волнамъ Невы, докатился до Петропавловской крѣпости, ударился въ сырыя стѣны «Крестовъ» и эхомъ отозвался по всей Россіи.

— Амнистію! Амнистію!—гремѣлъ съ трибуны Петрункевичъ. Амнистія—это должно быть первое слово, которое услышатъ въ обновленной странѣ стѣны перваго русскаго парламента.

Но амнистіи еще нѣтъ!

Депутаты никогда не отличались особеннымъ довѣріемъ къ министерству, но теперь нѣтъ буквально ни одного члена Думы, который не сознаҍ бы, что голосъ народныхъ представителей долженъ идти внизъ.

— «Правда и личность не тамъ, гдѣ ее ищутъ, и ищутъ

напрасно — сказалъ сегодня на собраніи депутатъ, принадлежащій къ союзу 17-го октября.

Надо, кстати, отмѣтить, что Гейденъ, Стаховичъ и Волконскій, уходя изъ зала во время голосованія отвѣтнаго адреса, мотивировали уходъ «нежеланіемъ нарушить единодушіе палаты». Они по чисто формальнымъ причинамъ, по существу довольно неважнымъ, не захотѣли присоединиться открыто къ адресу, но въ душѣ и они поражены отсутствіемъ до сихъ поръ амнистіи.

— Да развѣ можно такъ подкапываться подъ то, чему служишь?—говоритъ кн. Волконскій одному изъ нашихъ товарищей-журналистовъ, какъ это теперь дѣлаютъ?

Возможно, что амнистія будетъ все-таки дана 14-го мая или въ годовщину Цусимы.

Недаромъ адресъ говоритъ: «Есть моменты, когда нельзя отказать».

Отказать нельзя. Но, когда? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Эти два дня, когда народные избранники должны были такъ много горькаго пережить, несомнѣнно скажутся впослѣдствіи. Самые хладнокровные кипятъ и волнуются; вышколенные политическіе дѣятели, какъ Милюковъ или Ковалевскій, теряютъ все свое политическое равновѣсіе...

Сейчасъ въ клубѣ кадетовъ идетъ обсужденіе вопроса: какъ быть? Обсужденіе длится уже два дня. Пока мы знаемъ только, что положеніе очень серьезно. Часть кадетовъ, изъ числа самовлюбленныхъ, повѣсила носъ. Другіе говорятъ задорно. Многіе возмущены. Ждутъ боя—и его надо дать.

Приходится тутъ считаться и съ обществомъ, и съ крайними; очевидно одно: конфликтъ начался—и это не одинъ, не единичный случай, а эпоха.

Чѣмъ кончится этотъ конфликтъ?

Ясно, что народъ и бюрократія уже стали въ боевой порядокъ другъ противъ друга.

Кто только сдѣлаетъ первый выстрѣлъ?

Кажется, бюрократія...

«Насъ, лучшихъ людей, спросили, и мы не только, какъ лучшiе, но и какъ вообще порядочные люди, отвѣтили Государю все, что мы думаемъ о современномъ положенiи Россiи и какiе пути мы считаемъ соотвѣтсвующими нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Государь получилъ отъ насъ то, чего ждалъ: честный искреннiй совѣтъ о томъ, въ какихъ условiяхъ можетъ быть возвращенъ миръ государству. Мы исполнили нашу обязанность. Мы можемъ перейти къ нашимъ очереднымъ дѣламъ».

Рѣчи продолжались всего 20 минутъ и палата большинствомъ противъ 3 голосовъ приняла резолюцiю перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Такъ закончилось засѣданiе, изъ котораго многимъ хотѣлось создать конфликтъ. Былъ ли тутъ причиной этикетъ? Быть можетъ... Но отъ такого этикета сильно пахнетъ провокацiей.

III.

— Амнистiю! Амнистiю!

Какимъ воплемъ вырвались эти слова изъ груди тысячной толпы 27-го апрѣля.

— Амнистiю! Амнистiю!..

Широкой волной пронесся этотъ вопль отъ Зимняго дворца, далеко, далеко, по холоднымъ волнамъ Невы, докатился до Петропавловской крѣпости, ударился въ сырыя стѣны «Крестовъ» и эхомъ отозвался по всей Россiи.

— Амнистiю! Амнистiю!—гремѣлъ съ трибуны Петрункевичъ. Амнистiя—это должно быть первое слово, которое услышатъ въ обновленной странѣ стѣны перваго русскаго парламента.

Но амнистiи еще нѣтъ!

Депутаты никогда не отличались особеннымъ довѣрiемъ къ министерству, но теперь нѣтъ буквально ни одного члена Думы, который не сознавъ бы, что голосъ народныхъ представителей долженъ идти внизъ.

— «Правда и личность не тамъ, гдѣ ее ищутъ, и ищутъ

напрасно — сказалъ сегодня на собраніи депутатъ, принадлежащій къ союзу 17-го октября.

Надо, кстати, отмѣтить, что Гейденъ, Стаховичъ и Волконскій, уходя изъ зала во время голосованія отвѣтнаго адреса, мотивировали уходъ «нежеланіемъ нарушить единодушіе палаты». Они по чисто формальнымъ причинамъ, по существу довольно неважнымъ, не захотѣли присоединиться открыто къ адресу, но въ душѣ и они поражены отсутствіемъ до сихъ поръ амнистіи.

— Да развѣ можно такъ подкапываться подъ то, чему служишь?—говоритъ кн. Волконскій одному изъ нашихъ товарищей-журналистовъ, какъ это теперь дѣлаютъ?

Возможно, что амнистія будетъ все-таки дана 14-го мая или въ годовщину Цусимы.

Недаромъ адресъ говоритъ: «Есть моменты, когда нельзя отказать».

Отказать нельзя. Но, когда? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Эти два дня, когда народные избранники должны были такъ много горькаго пережить, несомнѣнно скажутся впослѣдствіи. Самые хладнокровные кипятъ и волнуются; вышколенные политическіе дѣятели, какъ Милюковъ или Ковалевскій, теряютъ все свое политическое равновѣсіе...

Сейчасъ въ клубѣ кадетовъ идетъ обсужденіе вопроса: какъ быть? Обсужденіе длится уже два дня. Пока мы знаемъ только, что положеніе очень серьезно. Часть кадетовъ, изъ числа самовлюбленныхъ, повѣсила носъ. Другіе говорятъ задорно. Многіе возмущены. Ждутъ боя—и его надо дать.

Приходится тутъ считаться и съ обществомъ, и съ крайними; очевидно одно: конфликтъ начался—и это не одинъ, не единичный случай, а эпоха.

Чѣмъ кончится этотъ конфликтъ?

Ясно, что народъ и бюрократія уже стали въ боевой порядокъ другъ противъ друга.

Кто только сдѣлаетъ первый выстрѣлъ?

Кажется, бюрократія...

Аладьинъ точно хотѣлъ броситься съ трибуны на министерскую скамью. Правая, не выдерживавшая его рѣчей, полныхъ угрозъ, кричала ему: «довольно», но онъ продолжалъ...

Говорилъ Аникинъ, пользующійся почти исключительнымъ вниманіемъ и вліяніемъ среди крестьянъ. Говорилъ о томъ, сколько крестьяне претерпѣвали отъ гнета безотвѣтственности бюрократіи.

— Уйдите отсюда—закончилъ онъ,—ваше мѣсто должны занять люди наши, изъ среды народныхъ избранниковъ.

Ледницкій, яркій и красочный ораторъ, лучшій въ Думѣ— и даже единственный, — владѣющій своею рѣчью, какъ рыцарь шпагой, былъ разъяренъ.

«Здѣсь ни слова не сказано объ угнетенныхъ народахъ, въ этой деклараціи права и требованія нерусскихъ народностей не составляютъ даже предмета заботъ. Не надо намъ такихъ правителей!»

Въ залѣ становилось душно. Атмосфера была преисполнена грозы. Объявили на полчаса перерывъ.

— Сегодня Горемыкинъ увидѣлъ тѣхъ, о которыхъ онъ говорилъ, что треть изъ нихъ просится на висѣлицу—говоритъ въ перерывѣ одинъ членъ Государственнаго Совѣта.

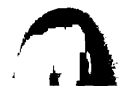
— Да, но это значитъ, что и треть Россіи надо перевѣшать.

Какъ ни отказывались ораторы отъ своего права голоса, ихъ все таки говорило до 20 человѣкъ.

Говорилъ и министръ юстиціи, Щегловитовъ, очень несчастливо, и получилъ отповѣдь отъ Гредескула.

— Нѣтъ, ужъ лучше откровенная декларація предсѣдателя совѣта министровъ, прямая и откровенная, чѣмъ извороты г-на министра юстиціи, — закончилъ свою рѣчь Гредескулъ.

Говорилъ съ жаромъ, оригинально и сильно, Е. Н. Щепкинъ, депутатъ отъ Одессы. Онъ доказалъ, что министры не знаютъ основныхъ законовъ...

Бурю восторженныхъ апплодисментовъ вызвалъ М. Ковалевскій своей смѣлой мужественной рѣчью. Ему выпало на долю повторить въ русской палатѣ слова Мирабо:

— Насъ разгонятъ только силою штыковъ!

Винаверъ негодовалъ по поводу «фигуры умолчанія», употребленной въ деклараціи. «Министры — говорилъ онъ—не всегда знаютъ о чемъ говорятъ, но хорошо знаютъ, о чемъ имъ слѣдуетъ молчать... На требованіе Думы гражданскаго равноправія министры отвѣчаютъ пустопорожнимъ молчаніемъ мы вправѣ пригвоздить ихъ къ позорному столбу за ихъ трусливое молчаніе».

Честный старикъ Гейденъ трогательно признался, что послѣ этой деклараціи и его надежды рухнули, что такое министерство должно уйти, что съ нимъ работать нельзя.

Вся палата бурно апплодировала.

Негодованіе выкипѣло. На трибунѣ Жилкинъ читаетъ резолюцію о выраженіи палатой полнаго недовѣрія министрамъ и предложеніе уйти въ отставку.

Баллотируютъ. «Кто за нее — сидитъ, кто противъ, встаетъ»,—говоритъ Муромцевъ.

Встаетъ одиннадцать человѣкъ. Между ними Стаховичъ, Способный, Сухотинъ, Скирмунтъ.

Требованіе немедленной отставки покрывается бурными одобреніями.

Расходятся.

— Отчего это Стаховичъ голосовалъ противъ отставки?— спрашиваю я депутата кн. В. Оболенскаго,—неужели онъ, бывшій въ оппозиціи, можетъ стоять за подобную декларацію и подобное министерство?

— Зарвался человѣкъ,—отвѣчаетъ Оболенскій,—высказался онъ въ дебатахъ, во время преній объ адресѣ, противъ отвѣтственности министровъ, а теперь приходится стоять и за такое министерство...

— Какъ однако все неожиданно,—говоритъ возлѣ меня кто то обращаясь къ Н. И. Карѣеву,—мы лишь говорили объ отвѣт-

ственности министровъ, а сегодня и покончили совсѣмъ съ этимъ вопросомъ. Неожиданно все подошло.

— Неожиданно-то, оно неожиданно,—говоритъ, улыбаясь одними только глазами, одинъ изъ крестьянъ,—но какъ бы не вышло такъ, что гг. министры неожиданно останутся...

— Все у насъ теперь неожиданно,—замѣчаетъ другой депутатъ-крестьянинъ,—сегодня Иванъ, завтра панъ, а послѣ завтра хулиганъ. Вотъ хотя бы...

И депутатъ называетъ имя, ставшее за послѣдніе полтора года самымъ извѣстнымъ въ Россіи, извѣстнѣе, чѣмъ Малюта Скуратовъ...

А по улицѣ уже бѣгутъ разносчики газетъ, крича: «отставка»—и суютъ въ руки депутатовъ свѣжіе отпечатанные листки.

Депутаты съ любопытствомъ читаютъ ихъ, скептически качая головой.

ПОСЛѢ БУРИ.

«Послѣдняя туча разсѣянной бури»—такъ можно охарактеризовать сегодняшнее настроеніе Думы.

Чувствуется, что пронеслась освѣжающая гроза, очистившая воздухъ. Слишкомъ много упрековъ, подозрѣній, жалобъ и обвиненій висѣло въ воздухѣ надъ партіей Народной свободы; слишкомъ много угрожающихъ слуховъ, бряцанья оружіемъ раздавалось съ бюрократическаго Олимпа; слишкомъ рвались въ бой крайніе изъ трудовиковъ,—чтобы вся исторія съ декларацiей не приняла характера бурной, внушительной грозы.

Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ—это спасительная временная пристань, въ которую устремилось парламентское большинство. Она нисколько не выражаетъ настроенія палаты въ настоящую минуту, настроенія, все еще таящаго въ себѣ бурю. Можетъ ли теперь палата спокойно приступить къ дальнѣйшей работѣ? Можетъ ли она обсуждать всѣ законопроекты о неприкосновенности личности, о свободѣ совѣсти, о гражданскомъ равноправіи?

Думаю, что нѣтъ.

И это происходитъ не отъ упадка духа, на что указывали съ злорадствомъ нѣкоторыя газеты.

Спрашивается, для кого и для чего будутъ разрабатываться всѣ эти законопроекты?

Программа министевства ясна, какъ Божій день. Какая же судьба можетъ постигнуть эти проекты отчужденія земли, отмѣны исключительныхъ законовъ? Слишкомъ все это ясно для депутатовъ.

Дифференцировка партій совершается съ лихорадочной политностью. Чуется что-то близкое, которое съ силой ударитъ ъ депутатовъ—и въ ожиданіи этого они сплачиваются.

Трудовики уже образовали партію, самую сильную; сильнѣе всѣхъ она потому, что партія кадетовъ уменьшается. Для многихъ «народная свобода» была первымъ лозунгомъ.

Теперь они кое въ чемъ разобрались.

Намѣчается значительная группа безпартійныхъ, съ «равненіемъ налѣво».

Но что интереснѣе всего, это внутри-партійная борьба Въ національномъ вопросѣ отдѣльные представители національностей сплочены; во всѣхъ другихъ вопросахъ они расходятся, и создается разногласіе.

Я поинтересовался вопросомъ, почему это Скирмунтъ былъ въ числѣ одиннадцати, голосовавшихъ за правительственную программу.

— Допустимъ, что онъ правый по своимъ убѣжденіямъ— говорилъ одинъ журналистъ депутату, поляку, принадлежащему къ «коло»,—но вяжется ли это съ его польскими тенденціями и требованіями?

— Представьте себѣ, какъ сильна классовая подоплека у человѣка, который, казалось бы, долженъ думать не о себѣ, не о личныхъ выгодахъ и не о классовыхъ, а о національныхъ... Вѣдь вопросъ о его голосованіи имѣетъ двѣ стороны: депутатъ принесъ національные интересы въ жертву классовымъ. Онъ, будучи противникомъ отчужденія земли, стоитъ за министерство, настаивающее на исключительныхъ законахъ, на неравенствѣ инородцевъ... Вотъ, когда очевидно, что русская свобода—это и польская свобода...

— Налагаетъ ли на него національная организація обязательство голосовать извѣстнымъ образомъ въ такихъ случаяхъ?

— Пока еще нѣтъ... Но скоро мы опредѣлимъ другъ друга... Я лично также не принадлежу къ демократической группѣ, но все-таки подобное голосованіе меня поражаетъ. Вѣроятно, мы разойдемся въ очень многихъ вопросахъ.

Разъ уже пришлось говорить о причинахъ голосованія знаменитыхъ отнынѣ «одиннадцати», то я поинтересовался узнать

причину, почему это М. Стаховичъ голосовалъ за министерство.

— Нѣтъ, нѣтъ — говоритъ волнуясь гр. Гейденъ, — вы не такъ ставите вопросъ. Его голосованіе—это не одобреніе министерству, или согласіе съ нимъ; это просто несогласіе съ резолюціей трудовиковъ. До согласія съ министрами еще далеко... Несомнѣнно, что онъ голосовалъ бы противъ декларацiи, но въ болѣе умѣренной резолюціи... Иначе и быть не можетъ: выходитъ, что крестьянинъ Ильинъ—противъ земли, полякъ Потоцкій противъ отмѣны исключительныхъ законовъ и военнаго положенія, либералъ Стаховичъ—за политику всего теперешняго правительства.

А крестьянинъ Назаренко, тотъ просто отрубилъ по поводу Ильина, голосовавшаго за правительство:

— Что же скажу? Вредный мужикъ, все въ карманъ свой смотритъ. Много ихъ у насъ на деревнѣ... Только времена не тѣ, не осилятъ насъ.

Такъ отнеслась палата къ «одиннадцати», голосовавшимъ за декларацію. И имъ не ловко теперь. Стаховичъ даже осунулся за эти два дня.

Я прохожу черезъ баллотировочный залъ.

Сидитъ Стаховичъ одинъ и... задумался.

Со стороны его политическихъ друзей ни слова упрека, конечно, но нѣмой укоръ свѣтился у всѣхъ въ глазахъ

— Оставьте, господа, не говорите о немъ въ такомъ тонѣ,— говоритъ въ комнатѣ журналистовъ одинъ коллега,—у Стаховича все-таки чуткая совѣсть, онъ не за такую декларацію. Увидите—все разъяснится.

И, дѣйствительно, Стаховичъ сегодня началъ печатно объясняться. Этого надо было ожидать отъ столь недавняго еще крамольника эпохи Плеве.

Кто, впрочемъ, тогда, не былъ крамольникомъ?

А палата? Палата дальше себѣ работаетъ, увѣренная въ себѣ, властная и спокойная. Идетъ разработка законопроекта

о неприкосновенности личности, о свободѣ совѣсти, о равноправіи гражданъ.

Сегодня опять Щегловитовъ былъ въ палатѣ, говорилъ не то робко, не то почтительно по поводу законопроекта о неприкосновенности личности. Странное впечатлѣніе производилъ представитель исполнительной власти. Вѣдь это такой представитель, который пользуется недовѣріемъ палаты. Ледяной холодъ молчанія встрѣтилъ его рѣчь и проводилъ до конца ее. Это было, такъ сказать, пустое мѣсто во время всѣхъ дебатовъ сегодняшняго дня. Словно что-то прожужжало въ воздухѣ и смолкло—палата даже не сморгнула. Его замѣчаніе о законопроектѣ и предложеніе министра народнаго просвѣщенія ассигновать изъ бюджета будущаго года сорокъ тысячъ съ чѣмъ-то рублей, да еще съ сорока девятью копейками (все копейки!) на оранжерею при Юрьевскомъ университетѣ—это въ такое-то время!—произвели впечатлѣніе какого-то курьеза.

Пахнуло вдругъ въ залѣ чѣмъ-то затхлымъ, архаическимъ временами стараго подъячества, фамусовщины.

Точно сразу на цѣлое пятидесятилѣтіе отодвинули назадъ Россію, къ чиновничьимъ смѣтамъ, бюджетамъ и тратами громадныхъ суммъ на пустяки.

«ЗЕМЛЯНОЙ» ВОПРОСЪ.

I.

Почти всѣ крестьяне такъ его и называли: «земляной» вопросъ...

Въ теченіе многихъ дней нескончаемыхъ дебатовъ, столкновеній на каѳедрѣ въ самомъ залѣ засѣданій и въ кулуарахъ, надъ всѣми висѣлъ онъ, огромный и сложный, точно громадная тяжелая цѣпь—вопросъ о землѣ. На трибунѣ смѣнялись министры, профессора, крестьяне, земцы, народные учителя. Говорили поляки, латыши, мусульмане, башкиры. Говорили о строѣ земельныхъ отношеній Украйны, Сибири, Крыма, Урала, Кавказа, Польши. Говорили о земельныхъ отношеніяхъ крестьянъ, казаковъ, колонистовъ инородцевъ. Даже вопросъ объ еврейскихъ колоніяхъ, какъ онъ ни малъ, былъ затронутъ. Пестрая и яркая картина многосложнаго земельнаго строя всей великой матери Россіи выступила наружу и болѣзненная мысль — какъ-бы не ошибиться, какъ-бы не забыть чего, какъ-бы не сдѣлать ложнаго шага, сверлила мозгъ. Когда палата добралась до вопроса о землѣ, тогда лишь воочію можно было убѣдиться, какое колоссальное значеніе имѣетъ этотъ вопросъ. Какъ земля онъ тяжелъ и необъятенъ.

Чувствовалось, что ничто не сдвинетъ теперь палату съ мѣста, никакія событія, никакіе призывы не заставятъ ее отступиться отъ того, чтобы не заглянуть въ глубь этой зіяющей бездны, которая все ширится и захватываетъ край за краемъ нашу родину... Свыше четырехсотъ «лучшихъ людей» Россіи стоятъ на краю этой бездны и глядятъ въ нее. Вотъ одинъ за другимъ спускаются они въ нее, изслѣдуютъ ее и скоро скажутъ намъ, что нужно сдѣлать, наконецъ, чѣмъ помочь отъ грозящаго провала...

Залъ засѣданія полонъ; скамьи Государственнаго Совѣта тоже. Масса публики; набитыя трибуны журналистовъ; пришли сюда всѣ выдающіеся знатоки аграрнаго вопроса: Черновъ, Мякотинъ, Пѣшехоновъ. Пришли и Анненскій, Короленко, Елпатьевскій. На министерской скамьѣ извѣстный Стишинскій, осанистый баринъ съ увѣренными нотками барскаго голоса, размѣренными движеніями и строгими глазами. Рядомъ съ нимъ товарищъ министра Гурко, насмѣшливо глядящій на палату, немного крикливый, развязный и на видъ не солидный. Видна самоувѣренность, даже больше: самовлюбленность. Въ своей рѣчи онъ, подававшій проекты чуть-ли не о возстановленіи крѣпостного права и объ усиленіи власти земскихъ начальниковъ, обращается къ правымъ крестьянамъ съ видомъ яраго защитника ихъ мужицкихъ интересовъ. «Гора» (крестьяне трудовой группы на верхнихъ скамьяхъ) демонстративно ушла изъ зала въ кулуаръ.

Первыя пренія по аграрному вопросу!

Когда слушаешь пренія по аграрному вопросу, тогда только сознаешь, какой это трагическій моментъ нашей исторіи. Историческая судьба Россіи сдѣлала ее страной, гдѣ этотъ вопросъ долженъ быть поставленъ на первую очередь. Безъ его разрѣшенія съ мѣста сдвинуться нельзя.

Стонетъ сто милліоновъ крестьянъ, у которыхъ единственное средство къ жизни—трудъ. И приложить этотъ трудъ они могутъ только къ землѣ.

Аграрный вопросъ является еще очень острымъ потому, что промышленность не развивалась у насъ нормальнымъ путемъ и она не въ состояніи поглотить излишка населенія.

Землеробъ былъ предметомъ вѣковой исключительной эксплоатаціи—и это создало земельный вопросъ въ его острѣйшей формѣ.

Профессоръ Локоть, представитель трудовой группы, далеко не сторонникъ націонализаціи, развилъ въ палатѣ по поводу внесенныхъ записокъ въ аграрную комиссію слѣдующія положенія.

Острая земельная нужда крестьянства должна быть разрѣшена въ возможно полной мѣрѣ. Земледѣльческое населеніе наше, въ силу общихъ экономическихъ условій развитія Россіи, въ настоящій переходный моментъ является безусловно лишеннымъ другихъ средствъ приложенія труда, кромѣ земли.

Земля въ настоящее время единственное спасеніе земледѣльческаго населенія Россіи отъ голодной смерти. Будемъ ли мы рѣшать вопросъ только для даннаго момента, будемъ ли рѣшать для болѣе отдаленнаго будущаго, во всякомъ случаѣ надо сказать, что въ настоящее время основное положеніе, на которомъ можетъ быть сколько-нибудь правильно, сколько-нибудь удовлетворяющимъ образомъ для всего земледѣльческаго населенія рѣшенъ вопросъ земельный, это основное положеніе должно быть таково, что *вся земля* должна принадлежать земледѣльческому населенію, *вся земля* должна находиться въ пользованіи земледѣльческаго населенія Россіи. Это первое положеніе, съ которымъ надо приступить къ рѣшенію земельнаго вопроса, даже если смотрѣть на него, какъ на вопросъ переходнаго историческаго момента, переживаемаго Россіей въ настоящее время.

Это—основныя черты тѣхъ положеній, которыя съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ развивали въ защиту своей записки представители трудовиковъ.

Кадетовъ упрекаютъ почему-то въ томъ, будто въ ихъ проектѣ содержится національзація земли.

Львовъ въ довольно талантливой рѣчи обрушился на эту «ересь», и больше всего на деспотизмъ государства, которое возьметъ на себя эту задачу. Онъ говорилъ о сосредоточеніи всей или части земли въ рукахъ государства.

«Для того, чтобы законъ провести въ жизнь»,—говорилъ онъ—нужна страшная власть. Въ Петербургѣ вы должны создать огромную земельную канцелярію, которая измѣряла бы, распредѣляла, переселяла изъ одного конца Россіи въ другой, изрѣзывала бы всю Россію на продовольственные квадраты.

Въ каждомъ уголкѣ для такой коренной ломки всего хозяйственнаго быта, вы должны держать цѣлый штатъ чиновниковъ, создать новыхъ земельныхъ начальниковъ, взамѣнъ упраздненныхъ земскихъ начальниковъ, снабженныхъ не меньшею властью, не меньшими полномочіями карать и награждать населеніе.

Законы, пропитанные духомъ деспотизма, проникнувъ въ эту залу, повлекутъ за собой всѣ послѣдствія.

Это заставитъ васъ составить новые, еще болѣе суровые, еще болѣе жестокіе, еще болѣе безпощадные къ жизни законы.

Но что же станется тогда со свободой, съ свободными учрежденіями, въ преддверіи которыхъ мы находимся?

Для такихъ задачъ, для такой ломки жизни, вамъ нужна не Государственная Дума, а диктатура, власть деспотическая! Какая страшная сила будетъ сосредоточена въ рукахъ государства, когда все благосостояніе населенія, участь послѣдняго изъ арендаторовъ казенной земли, будетъ зависѣть отъ приказа центральной власти!

Такому положенію можетъ позавидовать любой изъ деспотовъ! Я думаю, что не свобода будетъ добыта для русскаго народа, а прежняя старая кабала, которая низвергла всѣхъ, всѣхъ уравнивала въ общей нищетѣ и приниженности. Бойтесь деспотизма, бойтесь самаго худшаго изъ нихъ—деспотизма голыхъ формулъ и отвлеченныхъ построеній».

Содержался ли проектъ національзаціи въ запискѣ 42-хъ? Думается, что нѣтъ.

Начало націонализаціи земли предполагаетъ дѣйствительную передачу, такъ называемой земельной ренты въ руки государства. Земля — это то орудіе, средство производства и труда, которое обладаетъ особеннымъ свойствомъ—свойствомъ давать такъ называемую ренту, являющуюся продуктомъ общаго роста культуры. Рента при всякомъ распредѣленіи землевладѣнія, конечно, поступаетъ именно только тѣмъ, кто обладаетъ землею. Отсюда, изъ факта существованія земельной ренты, и происходитъ та вѣковая борьба за землю, которая характери-

зуетъ экономическую исторію почти всѣхъ странъ, и которая существуетъ, имѣетъ мѣсто въ настоящее время и въ Россіи. Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія полной справедливости, эта земельная рента, которая является не продуктомъ личнаго труда землевладѣльца, а продуктомъ лишь общаго экономическаго развитія, общаго культурнаго развитія, несомнѣнно, должна бы принадлежать всему народу, и только при такомъ обращеніи земельной ренты въ собственность всего народа земельный вопросъ и могъ бы считаться дѣйствительно рѣшеннымъ. И проекты національзаціи земли, лучше сказать проекты, которые вытекаютъ изъ сущности будущаго соціалистическаго устройства государства, только такіе проекты передачи всей ренты, какъ и всѣхъ вообще средствъ и продуктовъ народнаго производства, народнаго труда въ руки трудящихся, составляютъ справедливое рѣшеніе земельнаго вопроса. Это было ли въ проектѣ кадетовъ?

Нѣтъ, съ нихъ надо снять обвиненіе въ «ереси».

Горячую рѣчь произнесъ Аникинъ, этотъ несомнѣнный главарь трудовиковъ. Онъ не аргументировалъ, онъ заявлялъ.

Онъ говорилъ: «передъ нами великая задача русской исторіи, тотъ рѣшительный шагъ, который неизбѣжно будетъ сдѣланъ русскимъ народомъ. Я говорю о переходѣ всей земли въ руки трудящихся. Не остановятъ русскій народъ въ его движеніи за землю и волю запоздалые отклики «недопустимо», которые раздаются съ скамей министровъ и никакіе уговоры, никакія убѣжденія пѣвцовъ помѣстнаго землевладѣнія. Мы, трудовой народъ, говоримъ: какъ въ свое время кончилась барщина, какъ въ свое время народъ порѣшилъ съ крѣпостнымъ правомъ, угрожая разрѣшить его съ низу, такъ падутъ и цѣпи, сковывающіе матушку-землю».

Это былъ крикъ измученнаго крестьянства, крикъ отчаянія передъ тѣмъ моментомъ, какъ сомкнется стѣна передъ нимъ и онъ пойдетъ на бунтъ, русскій бунтъ «безсмысленный и безпощадный».

II.

Во время перерыва всѣ уходятъ въ кулуаръ и тутъ образуются оживленныя группы.

Надо сказать, что кулуаръ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе, пожалуй не меньшее, чѣмъ залъ.

Здѣсь бьется пульсъ Думы, здѣсь неприкрашенная правда, истинное настроеніе обрисовывается во-всю.

Здѣсь ораторы не стѣснены торжественностью зала засѣданія, говорятъ не съ этой внушительной каѳедры передъ тысячью внимательныхъ глазъ. Тамъ каждое его слово вносится въ отчетъ и передается на всю Россію; надо слѣдить за собою, за своими жестами, интонаціей, чтобы не сорвалось слово, о которомъ послѣ пожалѣешь.

Здѣсь-же истинное настроеніе палаты; ничѣмъ неприкрашенные интересы ярко выступаютъ наружу и противорѣчія этихъ интересовъ никѣмъ не скрываются. Здѣсь видно, кто какой шаръ положитъ въ закрытой баллотировкѣ, а не въ открытой. Здѣсь знаешь цѣну и значеніе и аппиодисментовъ, и молчанія.

Это маленькіе митинги, гдѣ каждый высказываетъ свое мнѣніе, гдѣ всѣ говорятъ сразу и горячатся, гдѣ всѣ равны другъ передъ другомъ.

Ушедшая изъ зала группа сейчасъ-же собралась у любимаго мѣста въ кулуарахъ. Идутъ оживленные толки.

— Не разберусь никакъ,—говоритъ одинъ депутатъ профессоръ, принадлежащій къ трудовой партіи, про только что произнесенную рѣчь Гурко,—что это онъ пропагандируетъ? Демагогія это или просто зубатовщина? Увѣряетъ крестьянъ-собственниковъ, что ихъ ограбятъ, а другимъ, говоритъ, что «съ землею» имъ будетъ хуже.

— Старыя крѣпостническія замашки,—отвѣчаетъ другой,— не узнали вы развѣ ихъ? Говорятъ-же и теперь крѣпостники, что при крѣпостномъ правѣ мужичкамъ лучше жилось-бы.. Старое, крапивное сѣмя...

— И чего *они* приходятъ сюда? Сказано имъ вѣдь было: не вашего ума дѣло, сами разберемся, сами все порѣшимъ,— говоритъ крестьянинъ-депутатъ.

— А второй-то, второй, что помоложе, все о насъ, крестьянахъ, печется... Допекли уже, нечего сказать! Мѣднолобые!—вставляетъ неожиданно тихо стоявшій тутъ-же крестьянинъ—ходокъ, пришедшій въ Думу и тоже вышедшій изъ зала «со своими».

Ходоковъ въ кулуарахъ все больше и больше.

Съ каждымъ днемъ прибываютъ въ столицу провѣдать и прослѣдить своихъ избранниковъ, напомнить имъ о клятвѣ, данной міру.

Вотъ два вотяка сидятъ на бархатномъ диванчикѣ и оживленно говорятъ со своимъ депутатомъ Цѣлоусовымъ, читаютъ ему какія-то письма. Ходоки старые, почтенные, съ морщинистыми лицами, въ своихъ національныхъ костюмахъ и съ бѣлыми повязками на головѣ.

У стола, гдѣ обычно засѣдаетъ IX отдѣлъ, импровизированный митингъ. Собралось около двадцати депутатовъ и пятидесяти человѣкъ публики, большею частью журналистовъ. Споръ идетъ по поводу несогласія польскаго коло съ аграрнымъ законопроектомъ.

— Скажу вамъ, господа, прямо,—заявляетъ одинъ депутатъ, — нельзя разрѣшать тутъ вопросъ одинаково для всѣхъ.

— Извините, — прерываетъ другой, — не одинаково для всѣхъ: издается только общій законъ, а распредѣленіе земли совершается на мѣстахъ.

— Ну, хорошо, общій законъ... Такъ я говорю, нельзя издавать общаго закона объ образованіи фонда и роздачѣ земли крестьянамъ во владѣніе, а не въ собственность... Когда будете у насъ отнимать земли сверхъ трудовой нормы у всѣхъ собственниковъ, Польша отвѣтитъ на это революціей... Пойдетъ тогда братъ на брата. Нельзя этого допускать.

— Такъ и видно, что министрамъ еще вѣрятъ. Да вѣдь

ясно, что земли, надѣльныя и пріобрѣтенныя крестьянами, не отчуждаются. Не повторяйте-же лжи, раздавшейся сегодня съ трибуны.

— Ага, значитъ только у помѣщиковъ отнять, говоритъ представитель польской газеты,—ну, а культура вѣковая, а интенсивная обработка земли, все это на смарку? А что будутъ дѣлать всѣ помѣщики, все шляхетство, которымъ держится Польша?

— Полноте, collega,—успокоительно говоритъ А. И. Новиковъ,—полноте: вы и до шляхетства договорились... Вѣдь мы тутъ о польскомъ народѣ говоримъ: онъ вѣдь не то-же, что шляхетство. Вы знаете мои взгляды: для меня нѣтъ ни поляка, ни татарина; но для меня есть польскій хлопъ — и польскій панъ. И я люблю и я забочусь о польскомъ хлопѣ, а панъ довольно до сихъ поръ пановалъ.

— Этого не будетъ... рѣшительно отрубаетъ собесѣдникъ.

Все-таки можно сказать, что всѣ поляки единодушно противъ націонализаціи, противъ рѣшенія аграрнаго вопроса въ Петербургѣ.

Надо замѣтить, что въ этой сложной игрѣ карты смѣшались до-нельзя.

Я болѣе двухъ недѣль внимательно изучалъ политическую группировку палаты и уже началъ приходить къ результатамъ. Аграрный вопросъ все перепуталъ, всѣхъ смѣшалъ.

Кадетъ Петражицкій противъ проекта кадетовъ.

Кадетъ Львовъ горячо возражаетъ противъ предположенной продовольственной нормы. «Это—право на голоданіе» — говорилъ онъ. Онъ противъ земельнаго фонда.

Поляки-кадеты противъ проекта. Трудовики имѣютъ свой проектъ—націонализацію. Трудовики областные, изъ національныхъ группъ, (латыши, поляки) противъ него. Нѣкоторые украинцы слободскіе противъ. Стоящіе за крупныя землевладѣнія Волконскій и Сухотинъ съ ихъ группой противъ проекта, но не знаютъ, за кого голосовать: не дать голосовъ кадетамъ значитъ трудовики побѣдятъ. Нѣкоторые ерогинскіе крестьян

за трудовиковъ. Часть мусульманъ за націонализацію. Часть казаковъ противъ. Словомъ, вся бывшая до сихъ поръ группировка партій спутана.

Вотъ стоитъ чисто-крестьянская группа.

— Что это за продовольственная норма такая?—спрашиваетъ прибывшій изъ Воронежской губерніи ходокъ.

— А это надѣлъ, достаточный, чтобы крестьянинъ былъ сытъ, обутъ, училъ дѣтей въ школѣ, платилъ исправно подать.

— Такъ,—въ раздумьи говоритъ ходокъ,—ужели-же не хватитъ всей земли, чтобы поболѣе надѣлить каждаго. Только-бы не померъ мужикъ съ голодухи, да въ казну денежки несъ... Невзгодно намъ это... Намъ лучше подай.

Въ другомъ кружкѣ ораторствуетъ Д. И. Назаренко. Высокій, сухой, съ тонкимъ лицомъ, до невѣроятія нервнымъ, цыганскаго типа—онъ говоритъ съ рѣзкостью, подчеркивая слова:

— Надо тяготы съ насъ снять... Надо съ малыхъ крестьянскихъ участковъ подать снять. Надо школы, агрономовъ завести, земскіе магазины съ машинами, а то живо землю слопаемъ. Надо, чтобы ни засухи не бояться, ни вреднаго жука, чтобы всегда запасъ былъ. Будетъ ученье, будетъ и хлѣбъ. Научится мужикъ,—культуру не хуже барина заведетъ. Не понимаемъ пользы своей? Ума барскаго не требуемъ, свой есть; а землицы подай, мы тебя кормили—поили долгіе годы, отцы, дѣды наши въ гробъ ложились, такъ ты намъ и отдай землю-то. Не твоя она, а Божья. Всѣмъ пользоваться ею надо... Есть еще время одуматься, когда народъ еще изъ себя не вышелъ.

Назаренко протянулъ руку, словно хотѣлъ ею схватить невидимаго врага. Онъ былъ страшенъ и напоминалъ собою картину дрезденской галлереи, рисующую одну изъ сценъ крестьянской войны.

— Господа!—прибѣгаетъ кто-то, — Гурко кончилъ говорить; сейчасъ будетъ говорить Герценштейнъ.

Всѣ спѣшатъ въ залъ.

— Онъ ему припишетъ!—говоритъ кто-то за моей спиной.

И подлинно, прописалъ!

Острой и рѣжущей ироніей Герценштейнъ разбивалъ всѣ положенія Гурко, эту «жалкую ариѳметику, когда отъ министровъ можно ожидать знанія политической экономіи». Неумолимыя цифры и факты разбивали всѣ производимыя вычисленія.

— «Помѣщики вкладываютъ трудъ и знаніе въ землю? — спрашивалъ онъ, обращаясь къ министерской скамьѣ.—Что-же именно вкладываютъ въ землю всѣ помѣщики, живущіе въ Петербургѣ? А вѣдь здѣсь владѣльцы многихъ милліоновъ десятинъ земли».

Палата бурно апплодируетъ.

Многіе, читая о Герценштейнѣ, могли-бы подумать, что это—сухой ораторъ, содержащій въ себѣ только цифры и формулы. Ничуть не бывало. Его рѣчь живая, образная, увлекательная. Цифры только подтверждаютъ его мысль и вѣнчаютъ весь смыслъ фразы. Это не профессорскій багажъ, это -- блестящая эрудиція, легкая и доступная своею образностью даже мало развитымъ членамъ палаты. Надо было видѣть лица крестьянъ, когда они слушали Герценштейна! Ни словечка они не проронили въ теченіе его длинной рѣчи, и, даже не соглашаясь вполнѣ съ его программой по проекту 42-хъ, они съ чувствомъ полнѣйшей удовлетворенности апплодировали ему.

Герценштейну суждено, очевидно, стать грозою министра финансовъ. Гейне разсказываетъ, что въ англійскомъ парламентѣ былъ депутатъ Іосифъ Юмъ, котораго боялся даже величайшій изъ министровъ Каннингъ. Когда онъ произносилъ какую-либо цифру, то неизмѣнно обращался глазами къ Юму, какъ-бы спрашивая: «вѣрно-ли»?

И Юмъ, вѣрный своимъ цифрамъ, въ моментъ остраго конфликта съ короною, взошелъ на трибуну и сказалъ четыре слова, относящіяся къ цифрамъ-же: «надо не платить податей».

Такую роль сыграетъ у насъ Герценштейнъ.

Когда надобно будетъ сразиться на полѣ цифръ, выступитъ Герценштейнъ, подобно тому, какъ въ «сильныхъ» мѣстахъ выступаетъ Родичевъ и Петрункевичъ.

Палата расходилась, оживленно разговаривая. Два дня дебатовъ никого не утомили, до того всѣхъ живо захватило колесо исторіи, которая несомнѣнно витала сегодня въ палатѣ. Рѣчи всѣхъ этихъ депутатовъ, владѣльцевъ земли, готовыхъ первыми-же отдать ихъ, знаменательны и вводятъ насъ въ новую эру глубокаго проникновенія идеалами справедливости.

Выходила и публика изъ зала, и хмурые владѣльцы, чувствовавшіе, что новое не только надвинулось, но уже торжествуетъ. Среди публики были многіе изъ привиллегированно-попавшихъ туда, спеціально пришедшихъ послушать, какъ «порѣшатъ ихъ судьбу». Съ потемнѣвшими отъ злобы лицами они шли среди толпы армяковъ, рубашекъ, куртокъ, брезгливо сторонясь. Глаза ихъ сверкали недобрымъ огнемъ.

«Погодите, вамъ еще покажутъ, голубчикамъ»!—такъ и читалось въ нихъ.

Палата разошлась на два дня праздниковъ. Но только засѣданія въ Таврическомъ дворцѣ прекратились. Внутренняя, междупартійная работа продолжается и дальше. Засѣдаютъ фракціи и отдѣлы, комиссіи и подкомиссіи.

Жизнь-созидательница поворачиваетъ колесо исторіи.

ВТОРАЯ СХВАТКА.

Очевидно, такъ оно и будетъ продолжаться: чуть министръ на трибунѣ появится, опять пойдетъ склока въ палатѣ. Очевидно, кто-то за кулисами, точно режиссеръ, инспирируетъ эти выходы и этимъ самымъ разряжаетъ каждый разъ думскую атмосферу. Накопляется негодованіе—и появляются министры, которые получаютъ основательную головомойку и исчезаютъ на два дня. Засѣданіе идетъ тихо, мирно; одинъ изъ 125 ораторовъ смѣняетъ другого; сороковой уже повторяетъ всѣмъ извѣстные доводы. Сорокъ первый дѣлаетъ всѣмъ извѣстныя опроверженія—и вдругъ предсѣдатель объявляетъ: «г. министръ проситъ слова»—и въ палатѣ движеніе, шумъ, точно громадный улей зашевелился.

Я уже начиная думать, что кто-то нарочно арранжируетъ всѣ эти полукомическіе выходы.

Каждый день поступаетъ до десятка запросовъ. Тамъ казни, здѣсь высылки. Летятъ со всѣхъ сторонъ въ Думу жалобы, крики отчаянія, просьбы о заступничествѣ. Газеты пестрятъ сообщеніями о поступающихъ къ депутатамъ телеграммахъ.

«Въ Оренбургѣ застрѣлили двухъ гражданъ»—докладываетъ Сѣдельниковъ.

«Въ Севастополѣ стрѣляли въ заключенныхъ»—докладываетъ Сипягинъ.

«Въ Кіевѣ арестуютъ стачечниковъ, участниковъ мирной экономической стачки»—докладываетъ баронъ Штейнгель».

«Въ Полтавѣ высылаютъ народныхъ учителей—докладываетъ Шрагъ.

«Въ Саратовѣ не раздаютъ хлѣба, отпущеннаго голодающимъ—докладываетъ Ширковъ.

И отовсюду, изъ селъ и городовъ, съ заводовъ и школъ, изъ больницъ и тюремъ—летятъ въ Бѣлый залъ крики, мольбы, проклятія.

— Какой-то дождь крови и слезъ,—говоритъ, самъ чуть не плача, Сѣдельниковъ.

Тамъ убили, здѣсь разогнали, засѣкли, засадили, выслали, издѣвались,—словомъ произволъ и безправіе по всей линіи. «L'ordre regne à Varsovie».

Такъ и у насъ: порядокъ царитъ по всей линіи.

Положеніе страны создаетъ какое мученическое настроеніе среди членовъ думы и они мятутся, точно ихъ совѣсть громко подсказываетъ имъ, что «все не то», что должно быть. Думали, дорваться до 27-го апрѣля—и все перемѣнится. А тутъ все по прежнему идетъ, какъ будто законодатели Россіи не собрались уже и не сидятъ представители державной власти народа въ Думѣ.

Это чувствуется въ каждой рѣчи, въ каждомъ словѣ депутатовъ—и несомнѣнно, это настроеніе чревато послѣдствіями.

Взрыва, или вѣрнѣе окончанія терпѣнія у народныхъ избранниковъ, можно ожидать съ минуты на минуту,—и это не будетъ неожиданностью.

И вотъ опытный режиссеръ разряжаетъ понемногу атмосферу. На головы министровъ сыплются первые удары—и надо отдать имъ справедливость—они переносятъ ихъ стоически и даже улыбаются.

Улыбки—я замѣтилъ—довольно неестественныя, но всетаки улыбки...

Прерванный въ прошлый разъ, довольно откровеннымъ заявленіемъ Ѳедота Онипко о разговорахъ, которые ведутъ въ Думу «посторонніе лица», сегодня г. Гурко, явно сражающійся ради чьихъ-то прекрасныхъ глазъ, или быть можетъ—болѣе существеннаго, чѣмъ глазки,—снова говорилъ.

Непроницаемость этого человѣка удивила меня! Явно неблагодарная аудиторія. Даже тѣ «одиннадцать», которые голосовали якобы за министерство, оказалось, были только про-

тивъ резолюціи, но не за министерскую декларацію. И не только въ вопросахъ общей политики, но и въ аграрномъ. Всѣ, даже консерваторы, съ тенденціями прусскаго юнкерства, не сходятся съ министерской программой, которую можно охарактеризовать словами Гл. Успенскаго: *«никому, никогда, ничего»*. Въ этомъ и вся программа—и это, главное отстаиваютъ теперь г.г. Стишинскій-Гурко, эта родственная—по ясности и сжатости программы—пара.

Опять повторяется то же, что и въ прошлый разъ; опять часть трудовиковъ уходитъ, а часть проситъ честью министровъ уйти въ отставку. Трудовики между собою еще не условились; ближайшему министру предстоитъ получить бенефисъ. Либо всѣ трудовики уйдутъ, либо всѣ останутся и устроятъ ему обструкцію. Это будетъ первою обструкціей въ русскомъ парламентѣ.

Г. Стишинскаго встрѣчали, прерывали, проводили криками: «въ отставку!» Среди рѣчи его, словно нарочно безцѣльной и посвященной апологіи покупки крестьянскимъ банкомъ имѣнія какого-то сіятельства за несоразмѣрно высокую цѣну, онъ началъ фразу такъ: «надо, господа, вѣдь подумать и объ...»

Его прерываютъ крики: «объ отставкѣ».

— О судьбѣ сельско-хозяйственной культуры—процѣживаетъ министръ сквозь зубы.

Гвоздемъ дня была рѣчь Ивана Ильича Петрункевича.

Я слышалъ его одинъ разъ. Это было 27-го апрѣля, въ первое засѣданіе Думы. Его слова звучали тогда торжественно: онъ говорилъ объ амнистіи.

«Первое наше слово должно принадлежать тѣмъ, кто пострадалъ за свободу Россіи».

Тогда было не до впечатлѣній дня и не до Петрункевича. Тогда же и говорили, что Петрункевичъ не на своемъ мѣстѣ: онъ не для торжественныхъ моментовъ, а для случаевъ, когда надо раскритиковать кого-либо, осмѣять, вышутить.

И Петрункевичъ оправдалъ себя. Это была рѣчь съ рѣжущимъ сарказмомъ, хлесткимъ юморомъ, яркая и блестящая,

какъ отточенная шпага. Круглая фигура Петрункевича поворачивалась на трибунѣ, описывая дугу — отъ министровъ до скамьей крайней лѣвой,—а рука протягивалась впередъ точно для лучшаго выпада.

Петрункевичъ, блестя ироническими глазами и съ усмѣшкой, подчеркивалъ: «я долженъ выразить свое живое удовольствіе, что мы выслушали таки гг. Стишинскагѣ и Гурко, такъ какъ они помогли намъ, вопреки собственному желанію, стать на подлежащую почву.

Та аргументація, которую они даютъ, и съ которою знакомится вся страна, будетъ свидѣтельствовать о томъ, что министерство въ такомъ колоссальной важности вопросѣ, какъ аграрный, не располагаетъ никакими данными».

У министровъ вытягиваются лица. Даже Шванебахъ, который никакого участіи во всей этой исторіи не принимаетъ, морщится отъ набѣжавшаго непріятнаго чувства.

«Мало того—безжалостно впивается въ нихъ Петрункевичъ—аргументація министерства свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи того положенія, въ которомъ находится страна, и это еще разъ свидѣтельствуетъ, что она занимаетъ эти мѣста напрасно».

Срываются апплодисменты.

Гора кричитъ: «въ отставку!» Крики нѣсколько разъ возобновляются и когда наступаетъ тишина послѣ звонка предсѣдателя, вдругъ, точно тяжелый камень срывается басъ:

«Въ отставку!»

Петрункевичъ хмурится, точно котъ передъ тѣмъ, какъ изловчится и прыгнетъ на мышку, и вкрадчиво продолжаетъ:

«Министерство не довольствуется только своими отрицательными положеніями и отрицательнымъ отношеніемъ къ нашему проекту. Оно, такъ сказать, переходитъ въ наступленіе.

Товарищъ министра — ехидничаетъ ораторъ — попытался перейти въ наступленіе.

Онъ вообразилъ себя полководцемъ, попытался раздѣлить Думу на части и нанести ударъ одной части, а затѣмъ и

другой». Министръ потерпѣлъ неудачу: увы! не всякій полководецъ умѣетъ раздѣлять на части и побѣждать. Г. товарищъ министра не только не раздѣлилъ насъ, и не побѣдилъ, но самъ проигралъ сраженіе».

Надо было видѣть лишь Петрункевича, чтобы понять всю глубину намека на нашихъ полководцевъ-побѣдителей вообще.

Но особенно хорошъ онъ былъ, когда заговорилъ о патріотизмѣ.

Онъ громилъ тогда министровъ съ трибуны со всей силой, честнаго негодованія истиннаго патріота.

«Благодаря вашимъ призывамъ,—бросалъ онъ имъ,—мы утратили даже право сказать: я патріотъ.

Вы призываете насъ къ патріотизму, но вы не знаете, что патріотизмъ заключаетъ въ себѣ нѣчто большее: онъ заключаетъ въ себѣ самопожертвованіе, способность забыть свои интересы во имя интересовъ родины. И если бы тѣ, кто призываетъ насъ къ патріотизму, имѣли бы его, то они не сидѣли бы на этихъ скамьяхъ». Онъ указываетъ на министерскую ложу рукой и сходитъ съ трибуны. Громъ апплодисментовъ провожаетъ его до мѣста.

«Да,—говоритъ возлѣ меня кто-то,—я понимаю, почему Дурново клялся, что Петрункевичу и Родичеву не быть въ Думѣ... Ничего не подѣлаешь—судьба!»..

Въ этотъ день министрамъ досталось и отъ Герценштейна.

Отъ министерскихъ рѣчей ничего не осталось.

Впрочемъ, они ничего и не принесли съ собою

ЗАПРОСЫ.

Не проходитъ дня, чтобы не сыпался дождь запросовъ... Запросы безъ конца.

Смотришь иной разъ на залъ засѣданій, а тамъ ходитъ всегда кто-либо изъ депутатовъ и собираетъ подписи подъ запросы. Большею частью подписываются партійные же товарищи, или же земляки.

Выслали изъ Полтавы въ мѣста не столь отдаленныя учителя—подписываются украинцы.

Разстрѣлы въ Ригѣ—подписываются латыши, литовцы.

Насилія въ Польшѣ—поляки.

Курьезные бываютъ иногда эти запросы! Хотя каждый изъ нихъ таитъ въ себѣ море скорби и слезъ, много горя, а то и рядъ молодыхъ человѣческихъ жизней... Палата, дѣлая всѣ эти запросы, неизмѣнно признаваемые срочными и принимаемые почти единогласно, палата хочетъ этими запросами дискредитировать министерство въ странѣ, какъ будто оно само себя давно уже не дискредитировало.

«Посмотрите, какое у насъ министерство»—говорятъ всѣ эти запросы—посмотрите-же на всѣ эти беззаконія, насилія, нарушенія даже примитивныхъ гражданскихъ правъ, которыя имѣли даже русскіе обыватели и не имѣютъ русскіе граждане».

Напрасный трудъ! г.г. министры не стѣсняются, они показываются во всей своей красотѣ. Нѣтъ фразъ, нѣтъ экивоковъ. Грубая откровенность, цинизмъ безъ граціи, желѣзный кулакъ, не скрытый уже подъ лайковой перчаткой. А ихъ желаютъ еще дискредитировать!

Да они смѣются надъ этимъ!

Вѣдь это у насъ правилъ страной въ бурные революціонные мѣсяцы министръ, уличенный на весь міръ въ исторіи

съ овсомъ. Маски сняты, полночный часъ пробилъ и передъ зарей еще ожесточеннѣе идетъ адская пляска!

Все таки въ области запросовъ бываютъ и курьезы. Такой курьезъ проскочилъ вчера. Трезвые трудовики, эти реальные политики, безъ всякихъ дипломатическихъ уловокъ и колебаній оппортюнизма, они поддались соблазну и вчинили министру запросъ.

Запросъ этотъ обращенъ къ министру внутреннихъ дѣлъ Столыпину и касается... бывшаго саратовскаго губернатора Столыпина. Послѣдній обвиняется въ томъ, что воспрепятствовалъ избирателю Чулаевскому исполнить обязанности избирателя. Губернаторъ держалъ его подъ стражей.

Запросъ гласитъ: «полагаетъ-ли г. министръ, что разъ существуетъ противорѣчащіе другъ другу Высочайшій указъ и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ — г.г. губернаторамъ надлежитъ руководиться послѣднимъ?

Если же г. министръ отдаетъ предпочтеніе первому, то не признаетъ-ли онъ для себя обязательнымъ предать бывшаго саратовскаго губернатора Столыпина суду за нарушеніе Высочайшаго Указа отъ 8 марта 1905 года»?

Недурно? Внесшіе запросъ трудовики стоятъ на строго формальной точкѣ зрѣнія и правы, конечно. Но врядъ-ли они сами вѣрятъ въ возможность самокритики со стороны министра и въ возможность самобичеванія. Любопытно, что сдѣлаетъ министръ съ этимъ запросомъ? Продержитъ его мѣсячный срокъ, а потомъ?

Впрочемъ, есть выходъ: г. министръ поручитъ своему товарищу выступить въ палатѣ и дать объясненіе. Придетъ г. Макаровъ, процѣдитъ нѣсколько словъ сквозь зубы, ввернетъ фразу о закономѣрности, или о необходимости поддерживать порядокъ и — какъ это ни грустно министерскому сердцу — иной разъ переступить законъ... Но все ради блага, только ради блага!

Засѣданіе сегодняшняго дня болѣе чѣмъ оправдало эти опасенія. Сегодня чувствовалось повышенное настроеніе депута-

товъ; сегодня опять мучилась совѣсть нардныхъ избранниковъ, болѣла душа, что все еще идетъ по старому. Здѣсь въ этомъ Бѣломъ залѣ мучительно горятъ люди желаніемъ помочь родинѣ,—а кровь льется изъ ранъ истерзанной страны. Кругомъ царитъ единеніе правосудля съ палачами, каждый день падаютъ жертвы...

Мнѣ кажется иной разъ—и я провѣряю свое впечатлѣніе у товарищей и они подтверждаютъ его—что сейчасъ въ палатѣ совершается какая-то громадная, адская провокація. Провоцируютъ народныхъ избранниковъ на какіе-либо рѣзкіе шаги.

Сколько самообладанія и такта нужно для того, чтобы удержаться отъ того естественнаго крика, который рвется изъ груди--и не пойти на такіе отчаянные шаги, которые приводятъ къ катастрофѣ!

Сегодняшній день, день когда впервые трудовики голосовали противъ кадетской резолюціи, показалъ, какъ терпѣніе палаты начинаетъ истощаться.

Сколько было говорено по поводу отмѣны смертной казни. Я не беру уже въ свидѣтельницы ни науки, ни прессы, ни общественнаго мнѣнія. Но сами министры! Вѣдь они высказывались противъ казни. Почему же теперь тормазится этотъ вопросъ?

«Это только обструкція, ничего больше—говоритъ депутатъ-трудовикъ—хотятъ измором взять насъ».

Весьма вѣроятно. Видъ законопроекта кратокъ и содержится въ слѣдующемъ положеніи: «смертная казнь отмѣняется безусловно и навсегда». Простая и ясная формула, а между тѣмъ министры потребовали мѣсячнаго срока для обсужденія этого вопроса.

«Я скажу вамъ, отчего это по моему мнѣнію произошло—говоритъ депутатъ-профессоръ. Министры хотѣли бы примириться пока, какъ они наивно еще думаютъ,—признавъ срочность законопроекта о смертной казни и уступивъ намъ. Бюрократическая канитель протянулась бы не цѣлый мѣсяцъ, а только недѣлю.

— Но вотъ мы начинаемъ исправлять параграфы 55—57 статьи, говорящей именно о срокахъ—и министры, словно на зло намъ, говорятъ: если такъ, то мы будемъ настаивать на мѣсячномъ срокѣ. Вы этого страстно хотите, ну-съ, а мы посмотримъ... Даже щедринскій волкъ великодушнѣе ихъ: тотъ даетъ надежду, у него есть еще проблескъ волчьей совѣсти. «А можетъ быть, ха-ха и помилую». Министры же чопорно и холодно говорятъ: а мы воспользуемся мѣсячнымъ срокомъ. Что за бѣда, что за этотъ мѣсяцъ вынесутъ еще два-три десятка смертныхъ приговоровъ.

И ихъ вынесутъ на нашихъ фабрикахъ ангеловъ».

Трудовики сегодня попытались сбросить «иго кадетское», какъ нѣкоторые изъ нихъ выражались. Аладьинъ, Аникинъ, Сѣдельниковъ, Михайличенко—заговорили уже боевымъ тономъ.

Предупредительно гремѣли съ трибуны призывы не искушать такъ долго терпѣнія народнаго, не подрывать его вѣру въ то, что Дума *борется* за землю и волю.

«Если схватятся два врага, одинъ изъ нихъ долженъ пасть мертвымъ»—грозно напомнилъ Аладьинъ—и вызвалъ этимъ рѣзкую остановку архи-корректнаго Муромцева. «Вы потеряете сочувствіе народныхъ массъ, вы покажете свое безсиліе, если не начнете рѣшитильнаго выступленія»—напомнилъ Аникинъ.

Михайличенко откровенно и ясно напомнилъ объ Учредительномъ Собраніи, о томъ, что только оно одно можетъ дать успокоеніе странѣ.

Учредительное Собраніе! Словно чѣмъ-то забытымъ пахнуло на палату. Гдѣ то они, эти былыя резолюціи про учредительныя функціи? Вмѣсто него переходъ къ очереднымъ дѣламъ да апологія законодательной, органической работы?

Трудовики волнуются. Когда Сипягинъ сообщаетъ о трупахъ, которые вновь будутъ преподнесены народнымъ представителямъ въ Севастополѣ, о жизняхъ, которыя безжалостно оборвутся—и въ тотъ самый моментъ, когда палата почти приняла законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, трудовик заволновались.

Резолюцію Набокова, въ отвѣтъ на заявленіе министерства не только не приняли, они негодовали на нее!

— «Какъ—говорили они въ кулурахъ—теперь голая резолюція? Теперь переходъ къ дѣламъ? Надо принять немедленно законъ объ отмѣнѣ смертной казни—и пусть министерство осмѣлится явно пойти противъ закона, принятаго Думой! Тогда будетъ уже не отписка, тогда будетъ нарушеніе воли народныхъ представителей, воли, однозначущей съ закономъ... У нихъ за спиною матеріальное соотношеніе силъ, это правда. Ну, а за нами—народъ».

Резолюція кадетовъ палатой принята, но трудовики голосовали противъ нея. Въ первый разъ на разныхъ концахъ палаты преимущественно на верхнихъ скамьяхъ стали группы трудовиковъ.

Такъ отвѣтили крестьянскіе представители на казни, готовыя свершиться на нашихъ глазахъ.

Послѣ этой первой размолвки въ кулуарахъ шумъ, оживленіе. Собираются въ разныхъ мѣстахъ Екатерининскаго зала группы. Говоритъ большею частью Сѣдельниковъ.

«Эхъ, да что вы мнѣ все о тактѣ — огрызнулся онъ на одного кадета... Я его понималъ и принималъ, но теперь нѣту силъ. Понимаете? Въ субботу я получилъ телеграмму, что въ тюрьмѣ голодаютъ уже пятый день. Пишутъ: спасите, добейтесь амнистіи. Добейтесь! Просто сказали бы: бейтесь. Лучше было бы... А дальше что случилось? Пошла толпа на тюрьму, начальство думало, что освобождать идутъ—и приказало стрѣлять... Нѣсколько труповъ, ручья крови... Думалъ было запросъ внести—да раздумалъ: не стоитъ осквернять памяти убитыхъ!

Эхъ, господа, мы все боимся крови, а она-то льется. Въ этомъ то и трагизмъ нашъ. Ну что же? Пусть совершится то, что должно совершиться... Пойдемъ стѣнка на стѣнку... Какъ въ старину».

Повсюду кучки, повсюду толки. Видно, что выступаетъ ктивно новая сформировавшаяся группа.

«Мы устроимъ здѣсь все, что надо... Пусть разгонятъ... Посмотримъ. Все равно, только измотаешься—говоритъ кто-то.

— Понимаю я,—говоритъ Сѣдельниковъ—наказъ: лучше здѣсь погибнуть со славою, чѣмъ дома съ позоромъ. И теперь я полагаю, что скоро настанетъ время осуществить свое обѣщаніе... Авось хоть послѣ насъ народъ не выдастъ.

Вѣдь онъ у нáсъ, въ моей округѣ то не обстрѣлянный... Знаете, какъ у утокъ? Здѣсь на петербургскихъ болотахъ, онѣ чуть шорохъ услышатъ, снимаются... А у насъ можно подходить близко. Ничего не боятся, не пуганныя... Вы вотъ, товарищъ,—замѣтилъ онъ—папироску-то не съ того конца закуриваете... Такъ и все дѣло ваше... Надо теперь съ другого конца начинать».

И, пожалуй, начнутъ.

ХОДОКИ.

Невидимыя нити протягиваются теперь все больше и больше между депутатами и населеніемъ. Всѣ эти многочисленныя письма и телеграммы, наивныя просьбы и грозныя требованія, резолюціи и приговоры сельскихъ обществъ—показываютъ, что Дума пустила уже корни въ землю.

Пока въ залѣ идутъ дебаты по поводу тонкостей наказа, и депутатъ Острогорскій распинается за отдѣльные параграфы, крестьянскіе депутаты выходятъ въ кулуаръ и присаживаются къ землякамъ.

А на земляковъ стоитъ посмотрѣть! Три совершенно бѣлыхъ старика-костромича, въ рваныхъ зипунахъ и дырявыхъ сапогахъ; лица въ морщинистыхъ складкахъ, глаза скорбные и печальные. Сидятъ они на бархатномъ диванчикѣ и глядятъ на снующую толпу, а толпа смотритъ на нихъ.

Они—точно эмблема русскаго горя крестьянскаго, которое и безъ словъ ясно:

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная...

Когда я смотрѣлъ на этихъ типичныхъ крестьянъ, мнѣ показалось, что это тѣ самые некрасовскіе мужички, которые толклись у параднаго подъѣзда вельможи.

Когда я на нихъ взглянулъ, точно все несчастье деревни встало передо мною—и я живо представилъ себѣ, какъ гуторили на сходѣ, выбирая ходоковъ въ Думу. Какъ обсуждали, доказывали, что «дядя Степанъ—лучше докажетъ... всю правду выложитъ». Достаточно было посмотрѣть только на ихъ серьезныя лица, чтобы понять все, понять напряженіе деревни...

За этотъ слишкомъ мѣсяцъ можно было наслушаться доста-

точно о положеніи деревни,—но здѣсь эта живая иллюстрація говорила ярче всего.

Я видѣлъ, съ какимъ любопытствомъ посмотрѣлъ итальянскій посолъ на нихъ, проходя по залу; какъ онъ нагнулся къ своему спутнику, какому-то чину изъ министерства, о чемъ-то спросилъ его и опять обернулся на ходоковъ. Тѣ неподвижно сидѣли на бархатномъ диванѣ и упрямо смотрѣли впередъ.

Мои коллеги, точно чуя что-то, вертѣлись вокругъ нихъ.

Подошли и ихъ земляки костромскіе депутаты, поздоровались съ ходоками и сѣли рядомъ.

Крестьяне молчатъ, пытливо глядя на насъ.

— Ничего, при нихъ говорить можно,—разрѣшаетъ депутатъ,—они передадутъ по Россіи все, что скажете...

— Сказало намъ наше кологривское общество—началъ самый старый—такъ и такъ, придете вы въ Питеръ, и скажите нашимъ выборнымъ, Ивану Егорычу и Ѳедору Иванычу, на счетъ всего, что на сходѣ рѣшили: чтобы крѣпко стояли на чемъ посланы.—Опять-таки выгоны и сѣнокосы, чтобы назадъ отдать намъ: нашимъ отцамъ, они, еще какъ воля была, дадены были... И чтобы они, выборные наши, противъ Божескаго установленія не шли, чтобы ни казней, ни мучительства не допустить. Чтобы отъ земскихъ міръ ослобонить. А что ежели опричь того противъ выборныхъ нашихъ пойдутъ, то вертаться имъ домой. Дома сами все порѣшимъ.

— Вотъ вамъ и простѣйшее рѣшеніе: дома все порѣшатъ,—говоритъ кто-то.

— Да еще,—добавляетъ второй старикъ,—чтобы на счетъ школъ побольше ихъ построить, и потомъ, чтобы жалованье попу изъ казны платить—и вообще на счетъ неправды...

— Вотъ такъ формула, говоритъ неизмѣнный А. И. Новиковъ, — вообще на счетъ неправды! Да вѣдь въ этомъ вся суть!

Четверть часа разговора и эти безыскусственныя, народныя души, совсѣмъ не затронутыя освободительнымъ движеніемъ, высказали цѣлый рядъ пожеланій, какъ бы подъ общим

заглавіемъ, «чтобы такъ оно впредь было», гдѣ коснулись: отвѣтственности министерствъ, одной палаты, всеобщаго обученія и націонализаціи земли. Подъ простыми формулами выливались всѣ эти народныя желанія. Въ ихъ жалобахъ была и тѣснота земельная, и обиды отъ земскихъ начальниковъ, и кулачество, и пьянство, и темнота...

Въ ихъ словахъ и обращеніяхъ звучала такая непреклонная вѣра въ Думу и ея силу, что невольно думалось:

«Да, прошлаго уже не вернуть! Безъ Думы уже не просуществуешь!»

Удивительная вещь! Къ Думѣ обращаются со всѣхъ концовъ, съ вѣрою въ ея всемогущество. Въ кулуарахъ, Кузьминъ-Караваевъ читалъ намъ письма, полученныя имъ изъ деревни.

Одна крестьянка проситъ его устроить ей поскорѣе разводъ, который тянется уже нѣсколько лѣтъ.

Крестьянинъ проситъ ходатайствовать на счетъ «коровы, которую забрали за неплатежъ недоимки».

— Удивительна вѣра у народа въ Думу—говоритъ почтенный профессоръ — и я боюсь, что мы не сумѣемъ удовлетворить всѣхъ народныхъ желаній... Я смотрю на себя, смотрю на товарищей и спрашиваю, сумѣемъ ли мы это сдѣлать?

Эти факты изъ жизни такой сравнительно развитой деревни, какъ деревня Тверской губерніи. Тамъ десятилѣтіями шло сознаніе земщины въ массу, тамъ въ рѣдкой деревнѣ не слышали про дѣятельность теперешнихъ депутатовъ: Родичева, Петрункевича, и многихъ другихъ. Тамъ знаютъ и понимаютъ суть переворота, совершающагося теперь въ Россіи. И тѣмъ не менѣе такія просьбы!

Немудрено послѣ этого, что изъ темныхъ угловъ Россіи просятъ и иногда и требуютъ отъ Думы чуть-ли не моментальнаго прекращенія всѣхъ напастей и золъ.

Я ѣхалъ однажды съ депутатомъ отъ Полтавской губ. Геслей. Разговорился съ нимъ по вопросу объ ожиданіяхъ и чаяніяхъ деревни. Вмѣсто отвѣта онъ вытащилъ изъ бокового

кармана цѣлую груду писемъ, приговоровъ, резолюцій. Въ одномъ просятъ денегъ на поправку школы, въ другомъ—жалуются на высокія арендныя цѣны; одни пишутъ о своей готовности поддержать Думу только тогда, когда она рѣшитъ уничтоженіе частной собственности.

— «Я, говоритъ депутатъ,—изъ этихъ писемъ выкроилъ шесть запросовъ министру и передалъ ихъ въ парламентскую комиссію. Что прикажете дѣлать? Здѣсь крестьянъ держатъ въ острогѣ, тамъ учителя высылаютъ, даже священника арестовываютъ. Вотъ вамъ, посмотрите: мать и отецъ просятъ за ссылаемаго въ Якутку сына... Завѣдомо невиновнаго человѣка... Читаешь и едва собою владѣешь. Тогда лишь начинаешь видѣть, какъ грозно наше будущее: не приведи Богъ, если народъ увидитъ себя обманутымъ...

Запросы сыплются, какъ вода изъ прорвавшейся плотины: со всѣхъ концовъ Россіи точно тучки ползутъ и собираются надъ Бѣлымъ домомъ.

Въ то время, когда въ залѣ засѣданія обсуждается какой-либо пунктъ, либо идутъ нескончаемые дебаты по аграрному вопросу, въ кулуарахъ людно и оживленно. Вотъ бѣжитъ Жилкинъ, какъ всегда волнующійся, въ чайную комнату Тамъ за столикомъ уже возсѣдаютъ: буйный Аладьинъ, непримиримый и рѣзкій ораторъ лѣвой, Сѣдельниковъ, энергичный, живой казакъ, Аникинъ, идейный народный учитель, съ большимъ даромъ слова. Все—лидеры трудовиковъ.

Я подхожу къ нимъ вмѣстѣ съ Жилкинымъ; хочу спросить ихъ мнѣнія на счетъ министерства.

— Слышали про уходъ министровъ?—спрашиваю я.

— Слухомъ слыхать,—отзывается Сѣдельниковъ, — только врядъ-ли это истинно... Куда-жъ! Испугаются они нашихъ словъ, что-ли?

— Да что съ того, что уйдутъ эти? Небось, другіе придутъ,—говоритъ Аникинъ, — всякъ изъ нихъ матку пососать не прочь... Ну, и сосутъ Россію-то.

— Бойтесь данайцевъ, даже приносящихъ дары—настави-

тельно прерываетъ Аладьинъ.—Даже если они уйдутъ, то это не спроста. Что-либо затѣяли тамъ.

— Позвольте, господа,—говорю я,—допустите, что они ушли. Отчего-же имъ и не уйти? Если не подъ вліяніемъ желанія, то просто по логикѣ вещей. Вѣдь ожидали же вы 13-го, что они уйдутъ.

— Ну, ладно, ушли министры,—баситъ Сѣдельниковъ,—вы спрашиваете что дальше?

— Дальше составляется новый кабинетъ. Уходятъ мужи совѣта и разума. Лишаемся сразу Θедора Измайловича Родичева, Ивана Ильича Петрункевича и другихъ возсѣдающихъ съ ними. Выпускаются человѣки изъ тюремъ и такъ далѣе. По программѣ, по кадетской. Затѣмъ ужъ потруднѣе, да поважнѣе. Пріемлется аграрная реформа, по какой, позвольте спросить, программѣ? По кадетской? Ого! Мы не согласны. Мы за свой проектъ. Мы за начало націонализаціи, конечно, и мы стараемся выяснить истинно-народное мнѣніе въ этомъ по этому вопросу. Пусть народъ рѣшитъ, за чей онъ проектъ. За нашъ или за кадетскій? Только новое правительство должно дать высказаться народу.

— Да, конечно, правительство дастъ выходъ народному мнѣнію, — говоритъ Аладьинъ, — только это насъ не остановитъ. Я уже теперь вижу, чего хотятъ кадеты, и чего они чураются. И говорю: мы будемъ оппозиціей до конца...

— Соціальное реформаторство это у кадетовъ, соціальная реформа—это мы.

Въ кулуарахъ уже летала утка, касающаяся С. А. Муромцева. Говорили, что ему именно поручается составленіе кабинета; объясняли этимъ его отсутствіе изъ Думы.

— Муромцевъ въ Петергофѣ, съ нимъ теперь совѣщаются, очевидно дѣлались догадки.

Корреспонденты, особенно иностранные, ходили, точно заговорщики.

Каждый изъ нихъ точно хранилъ какую-то спеціально-корреспондентскую тайну.

Когда С. А. Муромцевъ, какъ всегда ровный и спокойный, появился въ совѣщательной комнатѣ, къ нему подошли съ осторожными вопросами:

— Нѣтъ-ли у васъ свѣдѣній по поводу министерской отставки?

— Нѣтъ, никакихъ.

И только.

Журналисты волновались, и даже депутаты зашевелились.

— Неужели ничего ему неизвѣстно? — шли догадки. Это его парламентскія привычки. Ничего не говорить.

С. А. сжалился наконецъ. Онъ понималъ, что это не простое любопытство, а законное желаніе общественнаго мнѣнія.

И онъ передалъ депутату-журналисту, а тотъ намъ.

Передалъ, что ему ничего неизвѣстно болѣе того, что всѣ знаютъ. Если же ему было бы предложено составить кабинетъ, то онъ взялъ бы на себя эту посредническую миссію между палатой и Верховной властью. Но стать во главѣ кабинета онъ не станетъ.

Вотъ и все, что онъ сказалъ.

Правительство постаралось опровергнуть всѣ эти «слухи». Но для всѣхъ ясно, что эти слухи предупредили событія только на нѣсколько дней.

Отставка министерства неминуема. Другой исходъ—дать отставку Думѣ—немыслимъ. Когда правительство хочетъ признать негоднымъ народъ, это значитъ, что народъ долженъ признать негоднымъ правительство.

ПЕРВЫЙ ЗАКОНОПРОЭКТЪ.

Томительный перерывъ думскихъ засѣданій оконченъ и работа опять возобновилась.

Время для этого самое подходящее. Очевидно, и въ той бурѣ, которая поднялась за послѣдніе дни, наступилъ перерывъ.

Послѣдніе дни принесли такое настроеніе съ собою, что врядъ-ли могла совершаться спокойная законодательная работа. Депутаты были сильно взвинчены — и даже спокойные и академическіе парламентаріи наши, и они сильно волновались. Дѣло въ томъ, что набѣгала бурная волна рѣзкихъ лозунговъ, призывовъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, протестовъ противъ умѣренныхъ дѣйствій Думы. Въ радикальной печати, въ газетахъ крайняго направленія «кадеты съ ихъ парламентаризмомъ» раздѣлывались, что называется подъ орѣхъ.

На митингахъ въ народномъ домѣ гр. Паниной, въ Соляномъ Городкѣ, на засѣданіяхъ Вольно-экономическаго общества, въ союзѣ союзовъ—вездѣ раздавалось самое рѣзкое порицаніе руководителямъ кадетской партіи за то, что они не повысили, а понизили революціонное настроеніе въ странѣ. Раздавались не только упреки, но и угрозы, что «улица скоро заставитъ Думу» пойти на рѣшительныя дѣла. Въ чемъ должны были заключаться эти рѣшительныя дѣла—никто не говоритъ. Но тѣ, кто вдумывался въ положеніе вещей и оцѣнивалъ создающееся положеніе не съ точки зрѣнія своего темперамента и психологическаго момента», — о чемъ очень кричали многіе, — а съ точки зрѣнія реальнаго соотношенія силъ въ странѣ—для тѣхъ ясно было, что Думу приходится толкнуть на зывающія дѣла почти съ такою же стремительностью, какъ его добивались... и правящіе круги. Приходилось почти на-

сильно это дѣлать: до такой степени эта умѣренность и аккуратность была жалка, до такой степени видно было недовѣріе главенствующей партіи къ активнымъ дѣйствіямъ. Въ центрѣ кадетской позиціи было выкинуто знамя съ надписью: только не революція! Они боялись революціи, и это было бы забавно, если бы не было такъ грустно!

Какъ будто не смута и революціонная буря вынесла ихъ въ Думу!

А правящіе круги въ свою очередь грозили бурей. Угрозы оттуда внушали кадетамъ большія опасенія и звучали очень и очень внушительно, и нужно правду сказать, куда внушительнѣе угрозъ «улицей». Это было уже для всѣхъ этихъ людей, такъ гордящихся своимъ трезвымъ пониманіемъ вещей, не легкомысленные толки, не быхвальство и бряцанье оружіемъ— а самые угрожающіе симптомы coup d'etat. Назывались открыто имена, которыя давали сами по себѣ гарантіи того, что *все возможно*. Русское общество знаетъ эти имена—и что носители ихъ способны на все—ни для кого не составляло сомнѣнія.

Угроза военнымъ заговоромъ противъ Думы подтверждалось еще тѣмъ ироническимъ отношеніемъ, которое встрѣчалось по отношенію къ Думѣ въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ. Ихъ отношеніе можно характеризовать такъ: «погодите—молъ, вамъ покажутъ—дайте срокъ».

Кабинетъ молчалъ; его въ шутку уже называютъ «великій молчальникъ». Ни звука, ни намека. Какъ будто это не правительство въ бурную историческую эпоху, а канцелярія, да и то не изъ важныхъ. Министры отсутствовали въ палатѣ и даже не принимали участія въ засѣданіяхъ совѣта.

И вотъ среди раздававшихся со всѣхъ сторонъ угрозъ, криковъ и молчанія, изъ которыхъ каждое само по себѣ было знаменательно, жили народные представители. Они не оставались равнодушными къ тому, что совершалось внѣ Думы и болѣзненно прислушивались къ крикамъ «друзей слѣва» и къ угрозамъ справа.

Внутри ихъ шла партійная дифференцировка; соціалъ-демо

краты, которыхъ въ палатѣ 17 человѣкъ, обособлялись въ отдѣльную партію; трудовики объединялись. Среди нихъ также не было единодушія. Часть соглашалась съ кадетскимъ комитетомъ, часть готовила ему рѣзкую оппозицію въ самой палатѣ. Получалось впечатлѣніе, что никто еще ничего не успѣлъ сдѣлать, а всѣ уже разошлись между собою, стали другъ противъ друга и готовы въ дальнѣйшемъ начать партійную борьбу.

Сразу вдругъ все перемѣнилось. Когда угрозы справа стали звучать черезъ-чуръ уже внушительно, всѣ опомнились и вспомнили.

Вспомнили и ноябрь, и декабрь, и январь съ ихъ уроками. Вспомнили, кто выигрываетъ отъ ссоры двухъ друзей. Вспомнили, наконецъ, что если сферамъ не удалось отдѣлить крестьянъ отъ интеллигенціи и кадетовъ отъ лѣвыхъ, то нечего теперь *имъ* дѣлать. И поднятая буря улеглась. Сбавили тонъ газеты, спокойнѣе заговорили въ соціально-политическомъ клубѣ и вольно-экономическомъ обществѣ—и все немного улегло. А это дѣйствовало на депутатовъ.

— «Помилуйте,—говорилъ мнѣ одинъ,—тебя тутъ дергаютъ во всѣ стороны; вдумываешься, взвѣшиваешь каждое слово, слѣдишь за собою, день и ночь засѣдаешь, — а тутъ въ тебя бросаютъ камнемъ: измѣна народу! Мы за народъ жизнь-то положить желаемъ, но не безъ толку. И кричатъ это все люди, которыхъ уважаешь».

Это спокойствіе теперь принесло свои плоды при обсужденіи вопроса о неприкосновенности личности. Спокойно, образцово, можно сказать академически, прошло засѣданіе, въ которомъ принятъ очень важный законопроектъ—о неприкосновенности личности.

Но жизнь безпощадна; она врывается въ каждую щель и своимъ шумомъ даетъ вѣчное напоминаніе и предостереженіе.

Только что хотѣли приступить къ обсужденію законопроекта акъ группа депутатовъ изъ Прибалтійскаго края внесла за-осъ о неотложности обсужденія вопроса о присужденіи къ

смертной казни 8 рабочихъ военнымъ судомъ въ Ригѣ. Это извѣстіе, переданное срочной депешой, явилось грознымъ memento о смерти.

Она неожиданно вошла въ палату и, словно глумясь надъ желаніями цѣлаго народа, разинула свою пасть и засмѣялась своею отвратительною улыбкой.

Восемь человѣческихъ жизней требовала она! Восемь жертвъ— послѣ того какъ изъ этого зала понеслись уже проклятія смертной казни! Картина была полна трагизма и поучительности.

450 представителей народа тщетно пытались изгнать эту страшную гостью, а она стояла у свободныхъ министерскихъ скамей и презрительно издѣвалась надъ палатой.

Было предложено предъявить запросъ предсѣдателю совѣта министровъ И. Л. Горемыкину немедленно же, не дожидаясь даже печатнаго текста запроса. С. А. Муромцевъ прочиталъ текстъ и срочную телеграмму, гласящую, что прибалтійскій генералъ-губернаторъ отвергъ кассаціонную жалобу, и казнь можетъ совершиться каждую минуту.

— «Итакъ палата настаиваетъ на неотложности запроса?— говоритъ предсѣдатель.—Кто противъ, тотъ встаетъ».

Никто не встаетъ.

— Принято!—провозглашаетъ С. А.

— Желаетъ кто-либо дополнить запросъ, — спрашиваетъ предсѣдатель.

Никто не заявляетъ желанія.

— Я ставлю запросъ на голосованіе: кто за предъявленіе его — сидитъ, кто противъ—встаетъ.

Никто не встаетъ.

— Палата единогласно принимаетъ, — объявляетъ С. А. (Пауза).

— На очереди докладъ о неприкосновенности личности— объявляетъ предсѣдатель.

Начинаются пренія. Говоритъ Новгородцевъ. Говоритъ живо, увлекательно; говоритъ о томъ безправіи, которое ц ритъ по отношенію къ личности, объ усмотрѣніи каждаго ме

каго полицейскаго агента, о томъ, какъ гражданинъ и его права отдаются всецѣло въ руки любого администратора.

Становится душно, начинаешь чуть ли не задыхаться, когда воочію видишь, какимъ ты дышешь воздухомъ, въ какой отравленной атмосферѣ проводишь жизнь. Предложеніе законопроекта передается въ комиссію.

Мы выходимъ въ большой кулуаръ. Слышу разговоръ коллеги-журналиста В. Г. Короленко.

— «Вы изъ Одессы—спрашиваетъ онъ. — Скажите, это у васъ одинъ адвокатъ провелъ параллель между habeas corpus у англичанъ и у насъ?»

— Какъ же, у насъ,—говоритъ тотъ съ нѣкотораго рода гордостью.

Я слышу, какъ они вспоминаютъ съ В. Г. это сравненіе адвоката въ судѣ. — У англичанъ, — сказалъ защитникъ,— habeas corpus означало: неприкосновенность личности. Никто тебя не смѣетъ тронут ь У насъ habeas corpus — означаетъ другое: это значитъ въ грубомъ переводѣ — ты имѣешь тѣло для того, чтобы всякій колотилъ по немъ кулаками.

Собесѣдники смѣются, вспоминая это сравненіе.

Рѣчь Новгородцева въ защиту законопроекта мнѣ очень понравилась. Она была сдержанна и обоснована.

Я читалъ какъ-то, что одинъ журналистъ недавно писалъ въ одной газетѣ, будто всѣ рѣчи въ палатѣ это «лекціи и сентенціи политическихъ и соціальныхъ наукъ». Да, быть можетъ, рѣчи Новгородцева, Петражицкаго, Ковалевскаго, это лекціи. Но это лекціи жизни, лекціи, примѣры которой опираются на реальную дѣйствительность. Они говорятъ о дѣйствительности, печальной русской дѣйствительности.

Я слушалъ въ этомъ засѣданіи Новодворскаго изъ Варшавы. Это маленькаго роста, живой, подвижный человѣкъ, съ сильнымъ польскимъ акцентомъ. Въ его рѣчи пробивалось негодованіе, скорбь и мольба—прекратить страданія несчаст-.го края и доставить, наконецъ, тишину и умиротвореніе ранѣ, на которую надавили солдатскимъ сапогомъ. Когда

онъ говоритъ о необходимости снять военное положеніе, чувствуется, что это крикъ жизни. Всѣ мелкія и крупныя ограниченія полицейскіе скорпіоны, на которые онъ указываетъ, за все это заплачено дорого польскимъ народомъ. И эти произвольные аресты, и штрафы, и придирки, и тайное обученіе польскому языку, за которое наказывали, какъ за преступленіе,—все это исторія, скорбная лѣтопись болѣзни живого народа. Личная неприкосновенность въ Польшѣ! Объ этомъ тамъ давно забыли!

Выработка законопроекта передана въ комиссію и онъ будетъ принятъ во второмъ чтеніи.

Это пока отдаленный проэктъ закона.

— А пока что теперь еще творится на Руси?

О КАЗАКАХЪ.

Дебютъ представителей казачества былъ изъ удачныхъ. У нихъ нѣсколько интересныхъ представителей: священникъ Афанасьевъ, Араканцевъ, Бородинъ.

На дняхъ пріѣхали депутаты кубанцевъ. Ихъ можно было принять за офицеровъ: шашка, эполеты, черкеска.

Когда слушаешь всѣхъ этихъ депутатовъ отъ мѣстъ, гдѣ комплектуются полки усмирителей, то диву даешься отъ противорѣчія:

Что же означаетъ это явленіе?

Большинство представителей казаковъ принадлежитъ къ Народной Свободѣ. Есть нѣсколько трудовиковъ.

— «Ваша платформа была знакома избирателямъ?—спрашиваю я у одного кубанца.

— Была, я открыто примкнулъ къ Народной Свободѣ... Повѣрьте, гиканье казаковъ, бросающихся на гражданъ, это не свободный голосъ казачества. Свободный голосъ его, это—избирательная записка.

Засѣданіе и рѣчи были поучительны: ихъ не мѣшало-бы кое-кому прослушать. Конечно, эти рѣчи были прочитаны, кѣмъ слѣдуетъ, но при картинѣ присутствовать далеко не мѣшало-бы...

Одинъ за другимъ восходили на трибуну депутаты, рисовавшіе тяжелое положеніе казаковъ и ту кабалу, которая создалась среди нихъ, какъ опора гнета.

Депутатъ Крюковъ нарисовалъ такую картину:

«Сотни казачьихъ семей и десятки тысячъ дѣтей ждутъ отъ Думы возвращенія домой ихъ отцовъ. Казаки несутъ ярмо, которое и ихъ покрыло позоромъ. Дѣло, вмѣненное имъ, ъ обязанность, есть страшно позорное дѣло, но они его должны сполнять. Отчего же это?»

Крюковъ нарисовалъ всю казарменную обстановку, безпощадную муштровку, соединенную съ развращенной атмосферой, гдѣ на людей, простыхъ и открытыхъ, дѣйствуютъ путемъ какого-то гипнотическаго процесса. Это по мнѣнію депутата живая машина, въ которую превратился человѣкъ, подвергающійся непрерывному вліянію въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Далѣе слѣдуетъ маленькая справка о прежней роли казаковъ, о тѣхъ временахъ, когда казачество любило свободу и отстаивало грудью не только свои права, но и права всѣхъ угнетенныхъ.

Времена перемѣнились до неузнаваемости.

Стерто воспоминаніе о временахъ рыцарской отваги, гордой независимости! Теперь въ пѣсняхъ казаковъ раздаются лишь слабые отзвуки утраченной свободы. О славѣ и вольностяхъ позабыто.

Теперь казакъ расписываетъ обывательскія спины нагайками.

Чѣмъ превратило его правительство въ это состояніе? Спаиваньемъ, натравливаніемъ, попустительствомъ.

Въ рѣчахъ казацкихъ депутатовъ звучало неподдѣльное горе.

Стыдъ за дѣянія этой темной силы, не понимающей, гдѣ ея другъ и гдѣ врагъ, мучилъ совѣсть ихъ.

Священникъ Афанасьевъ, депутатъ Донской области, говорящій отъ имени Бога любви и равенства, призывалъ съ этой трибуны къ общей работѣ на обновленіе Россіи.

«Будемъ же дружны и едины»!

Палата бурно апплодировала.

Весь запросъ носилъ характеръ не порицанія казакамъ за ихъ постоянное насиліе противъ гражданъ, но характеръ заступничества и объясненія причинъ, отчего все это зло происходитъ и кто въ этомъ виноватъ?

И картина получилась интересная.

Для тѣхъ, кто захочетъ разобраться въ причинахъ и слѣдствіяхъ всякаго явленія, предстанетъ картина закрѣпощеі человѣческаго духа въ сторону служенія его злу.

Гибнетъ совѣсть и честь людская.

Душа загрязняется налетомъ всей ненавистной пропаганды злобы и вражды.

Человѣкъ превращается въ слѣпое орудіе разрушенія.

Можетъ ли продолжаться долго такое положеніе?

На это дали отвѣтъ казацкіе депутаты.

Они всѣ тутъ побывали передъ лицомъ представителей русскаго народа: и съ тихаго Дона, и съ буйнаго Терека, съ Урала, и съ Кубани. И всѣ они сказали: «мы пробуждаемся: слышите ли вы наши голоса»?

Ихъ услышитъ теперь вся Россія—и вмѣстѣ съ депутатами отъ казаковъ она проникнется теплой вѣрой, что правда уже намѣтила пути своего торжества.

Въ одной этой вѣрѣ торжество уже началось!

О ПЕЧАТИ.

«Нечего пенять на зеркало, коли рожа крива»,—эти слова депутата Сѣдельникова, сказанныя въ палатѣ при обсужденіи запроса о печати, я взялъ бы эпиграфомъ отчета о сегодняшнемъ засѣданіи Думы.

О заслугахъ печати говорилось въ Думѣ не разъ: къ ней обращались спеціально, даже съ парламентской трибуны. О ней не одинъ разъ говорили ораторы.

«Что мы безъ печати», — говорилъ мнѣ одинъ депутатъ,—кучка заговорщиковъ, или же люди, говорящіе въ пустомъ пространствѣ! Печать передаетъ наши слова по всей Россіи, отразитъ и сформируетъ общественное мнѣніе, соединитъ милліоны русскихъ гражданъ единствомъ чувствъ и мыслей... Надо дорожить ею, надо оберегать ее, а не отдавать ее на расправу».

Глубокій интересъ сегодняшняго запроса объясняется не только тѣмъ фактомъ, что въ Думѣ очень много депутатовъ журналистовъ.

Можно смѣло сказать, что четвертая часть депутатовъ участвуетъ въ повременной прессѣ, а половина изъ этой части журналисты по профессіи.

Помню, что еще до открытія Думы собрались мы по своему профессіональному дѣлу въ Государственномъ Совѣтѣ. Насъ встрѣчали ливрейные лакеи въ чулкахъ, провожали на-верхъ важные курьеры. На каждаго изъ насъ приходилось чуть-ли не по два лакея. Шли мы по пышнымъ лѣстницамъ Маріинскаго дворца и засѣданіе устроили въ залѣ очень роскошномъ и красивомъ, за громаднымъ столомъ.

— Знаете, что это за комната?—спросилъ меня сосѣдъ, это залъ для совѣщанія министровъ.

— Ого, значитъ я сижу...

— На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пару дней тому назадъ изволилъ сидѣть трудно забываемый Петръ Николаевичъ Дурново.

Съ нами тогда очень нѣжничали и даже кокетничали. Совѣщанію нашему дали права Учредительнаго Собранія: намъ предоставили право самимъ разрѣшать наши профессіональныя дѣла въ Думѣ.

Я тогда еще замѣтилъ, что на этомъ чисто-профессіональномъ собраніи очень много депутатовъ журналистовъ.

Предсѣдательствовалъ Максимъ Ковалевскій. Пришли туда: Набоковъ, Іоллосъ, Якушкинъ.

Есть въ палатѣ еще журналисты: князь Оболенскій, Щепкинъ, Котляревскій, Жилкинъ, Ульяновъ, Бондаревъ.

Послѣ недавнихъ покойниковъ, газетъ трудовой партіи, получилась цѣлая группа привлекаемыхъ къ суду лицъ съ предвкушеніемъ сладости литераторскихъ скорпіоновъ.

Такъ что, каждый говорившій по поводу преслѣдованій печати, говорилъ, такъ сказать, по личному горькому опыту.

Исторію преслѣдованій печати депутатъ Недоносковъ удачно назвалъ «очеркомъ разбойничьихъ нападеній на печать». Приведенные факты о насиліяхъ надъ петербургскими газетами являютъ примѣръ полнаго произвола и неуваженія даже къ тому закону, который власти сами же издали.

Любопытнѣйшее словцо сказалъ главный инспекторъ типографій одному депутату на вопросъ, что значатъ эти мѣры.

Онъ изрекъ:

«Война, такъ война»!

Газетчики дѣйствуютъ при помощи слова, а онъ при помощи городовыхъ.

Депутаты читали нѣкоторыя статьи, въ которыхъ блѣдными красками передано то, что происходитъ въ Государственной Думѣ, а они между тѣмъ подверглись гоненію.

— «Пусть г. министръ скажетъ, что дѣлаетъ онъ лѣвой укой, когда правую онъ протягиваетъ палатѣ въ знакъ при-

миренія,—негодовалъ одинъ депутатъ,—онъ хватаетъ за горло печать и душитъ ее».

Въ этихъ дебатахъ прорвалось все: травля редакторовъ, конфискаціи газетъ и главное, полнѣйшая неувѣренность въ томъ, что можно и чего нельзя.

Говорили представители Кавказа, Польши, Юга, Украйны. Разсказывались факты голаго безудержнаго произвола.

Кто-то изъ администраторовъ добрался даже до телеграфнаго агентства: и ея благонадежность оказалась въ подозрѣніи.

Вотъ уже дѣйствительно: сколько ни старайся, ни лакействуй, а въ результатѣ подъ твоей личиною раба увидятъ лукавца.

Максимъ Ковалевскій съ своей стороны заговорилъ объ унизительномъ положеніи печати. Даже этотъ умѣренный конституціоналистъ, желающій только закономѣрной свободы для печати, съ отвѣтственностью ея передъ судомъ, констатировалъ тотъ фактъ, что «какъ-бы добросовѣстно редакторъ ни исполнялъ своихъ обязанностей, всегда найдется три-четыре повода для привлеченія къ отвѣтственности по любой статьѣ, охраняющей россійскій порядокъ»...

Стоитъ только захотѣть! А ужъ наши ли администраторы не охочи до этого.

Сильнѣе всѣхъ говорилъ Сѣдельниковъ, берущій постоянно быка за рога. Онъ всегда подходитъ къ вопросу вплотную.

«Печать,—говорилъ онъ,—это по выраженію Михайловскаго—тотъ камень, которымъ народъ защищается отъ бюрократической собаки и понятно, почему послѣдняя такъ губитъ одну газету за другой. Бюрократія прекрасно понимаетъ, что при наличности свободной печати она не сумѣетъ спокойно и чисто обдѣлывать свои дѣлишки».

Мы съ интересомъ слушали этого живого какъ ртуть, боевого депутата, съ пламенной вѣрой въ успѣхъ борьбы. Сѣдельниковъ всегда заражаетъ своимъ настроеніемъ.

«Не смѣйте прикасаться своими грязными руками к чистому печатному слову! Печать поможетъ намъ расколотит

тотъ пустой, но крѣпкій орѣхъ, который представляетъ бюрократія».

Да, надѣемся: зубы у насъ крѣпкіе!

Набоковъ съ обычною своею степенностью и разсудочностью обѣщалъ скорое измѣненіе закона о печати.

Если Набоковъ обѣщаетъ, то можно вѣрить. Это признано. У него солидность будущаго министра.

Итакъ, будемъ ждать.

БОЕВОЙ ДЕНЬ.

Сегодня неожиданно выдался яркій боевой день.

До перерыва говорили объ аграрномъ вопросѣ; тянули скучно, вяло, передъ половиной депутатовъ.

Повторяли всѣмъ надоѣвшія общія мѣста—и говорили не для полаты, а для избирателей.

Но затѣмъ, слава Богу, сегодня начались уже и отказы отъ права слова... Отказался одинъ, за нимъ другой, третій... Также повально начали отказываться, какъ и записываться.

Дотянули до 2 часовъ и назначили перерывъ.

Еще во время перерыва я подошелъ къ любимому мѣсту кулуарныхъ митинговъ, у шестой колонны.

— Ого, барометръ показываетъ бурю!

Трудовики переглядываются. Проходитъ торопливо Жилкинъ, Бочаровъ, Недоносковъ... Вотъ и Аладьинъ, этотъ Неистовый Орландъ палаты.

— Долго говорить не стоитъ!—бросаетъ онъ кому-то на ходу.

— Будете говорить?—спрашиваю его.

— Нѣтъ. Аникина просили мы говорить, да Недоноскова.

Въ кулуарахъ передаютъ объ извѣщеніи, посланномъ прокуроромъ Муромцеву, относительно привлеченія къ суду Ульянова. Обвиняется онъ по «литературнымъ» статьямъ 129 съ ея неизмѣнными пунктами, 128 и 103.

Его могутъ выхватить изъ среды палаты и посадить въ крѣпость.

Только дастъ-ли его палата въ руки правосудія?

Предсѣдатель читаетъ предварительно о срочномъ законопроектѣ: неприкосновенности личности депутатовъ.

Чувствуется, что надо непремѣнно провести этотъ законъ иначе черезъ 2 — 3 недѣли съ крайними расправятся оче

простымъ образомъ: привлекутъ ихъ всѣхъ къ суду. Однихъ— за редакторство, другихъ — за сотрудничество, третьихъ—за митингъ. И пойдетъ писать губернія.

Способъ простой и, надо признаться, совершенно оригинальный.

Что называется: взять правильной осадой...

Теперь обсуждается вопросъ о выдачѣ Ульянова, редактора покойнаго «Народнаго Дѣла».

По «Горѣ» точно волненіе пробѣгаетъ; депутаты наклоняются другъ къ другу, шепчутъ что-то. Въ дебатахъ по дѣлу Ульянова поговорили на тему судъ и политика.

Въ рѣчахъ досталось уже суду вообще; припомнили ему все. И приговоры по приказу начальства, и политику въ правосудіи, и стѣсненіе печати.

Во время рѣчи Аникина, который цитировалъ по газетѣ «Народное Дѣло» инкриминируемыя статьи, ему пришлось обмолвиться. Вмѣсто судьи — онъ сказалъ: «эти чиновники... впрочемъ, да они дѣйствительно чиновники».

Его прерывалъ громъ аплодисментовъ.

Хорошо говорилъ И. В. Жилкинъ! Онъ говорилъ больше, какъ журналистъ, чѣмъ депутатъ, и его рѣчь дышала всѣмъ тѣмъ озлобленіемъ, которое переживаетъ журналистъ, чующій на себѣ жало всевозможныхъ скорпіоновъ.

Говорилъ и депутатъ Араканцевъ, бывшій товарищъ прокурора. И онъ обрушился на то правосудіе, которое держитъ въ цѣпяхъ свободное слово, и послѣ манифеста 17 октября сажаетъ гражданъ въ тюрьмы за тѣ самыя идеи, которыя оно должно прежде всего оберегать.

И всѣ ораторы заканчивали свои рѣчи словами: «нѣтъ, мы не отдадимъ нашего товарища для одной только расправы. *Этотъ* судъ—сторона въ общей политической борьбѣ. Будемъ бороться и не уступать».

Я смотрѣлъ на Ульянова; онъ сидѣлъ спокойный и ровный.

Впослѣдствіи, послѣ засѣданія, когда единогласно было рѣшено не выдавать его, онъ говорилъ: «печальнѣе всего то,

что мы очень горячо отстаиваемъ нашу неприкосновенность. Надо, чтобы каждый гражданинъ ее имѣлъ и чтобы наше личное депутатское право потонуло въ правѣ отдѣльнаго гражданина... За каждаго гражданина надо бороться съ такою-же страстностью, какъ сегодня за меня».

Но вопросъ объ Ульяновѣ — только увертюра. Она дала настроеніе. Настоящая-же музыка только впереди.

На очереди въ палатѣ—запросъ по поводу казней въ Ригѣ.

На трибуну выходитъ генералъ Павловъ, главный прокуроръ военнаго суда.

Я узналъ его. Нѣсколько дней тому назадъ я встрѣтилъ его въ думской канцеляріи, и мнѣ бросилась въ глаза еще тогда особая жесткость его тяжелаго взгляда и темное, нервное лицо. На шеѣ висѣлъ золотой орденъ; въ петлицѣ другой. Генералъ говорилъ сухо и рѣзко съ какимъ-то полицейскимъ чиномъ, стоявшимъ на вытяжку и уснащавшимъ свой отвѣтъ поминутными: «ваше высокопревосходительство».

«Навѣрное какой-нибудь манчжурскій побѣдитель»—подумалъ я, уловивъ пристальное выраженіе его глазъ и видя массу орденовъ на мундирѣ.

Такъ должны глядѣть люди, не считающіеся съ человѣческими жизнями, люди, для которыхъ человѣческая кровь простая жидкость. Это былъ онъ «знаменитый Павловъ»!..

Вотъ онъ поднялся на трибуну. Его жесткое лицо кажется сегодня еще жестче. Тяжелый холодный взглядъ на мгновенье останавливается на депутатахъ. Отъ этого взгляда невольно становится жутко и какъ-то хочется уйти отъ него, спрятаться. Вотъ онъ заговорилъ, при чемъ мускулы нервно задвигались на его пожелтѣвшихъ щекахъ, заговорилъ, какъ-то пристально глядя на депутатовъ. Сухимъ, даже надменнымъ голосомъ прочелъ свою отписку. Именно: отписку. Онъ даже заглядывалъ въ какую-то бумажку, составленную, очевидно, въ министерствѣ въ соотвѣтствующемъ «столѣ отношеній и сообщеній».

И тутъ-то началось... Были уже бури въ нашемъ парламентѣ но такой еще не видали стѣны Таврическаго дворца. Этотъ

рѣзкій голосъ, увѣренный и холодный, падалъ точно ударъ топора.

«Все по закону сдѣлано»—раздавался холодный голосъ—и точно вколачивалъ гвоздь въ крышу гроба.

«Все по закону сдѣлано»!..

Точно волна пробѣжала по палатѣ и съ бѣшенной силой подхватила все кругомъ и завертѣла въ бѣшенномъ водоворотѣ. Уже при первыхъ словахъ военнаго прокурора произошло движеніе.

Съ верхнихъ ступенекъ спускаются безшумно трудовики. Вотъ они: десять, двадцать, тридцать,..

«Уходятъ, трудовики уходятъ»—слышится возлѣ меня...

Но нѣтъ, они только столпились у нижнихъ ступенекъ и молча слушаютъ Павлова.

Я вижу какъ загораются у нихъ глаза. У одного крестьянина, остриженнаго подъ кружокъ, сильно краснѣетъ шея.

Когда генералъ Павловъ кончилъ, точно вздохъ нѣсколькихъ сотенъ грудей раздался. Снова скорбныя тѣни ворвались въ Бѣлый залъ!

Съ верху раздается явственный крикъ: «убійца! вонъ! убійца»! Десятки голосовъ подхватываютъ: «вонъ, убійца».

Павловъ покидаетъ трибуну.

Павловъ уже внизу—и уходитъ черезъ залъ совѣщаній. Крики: «палачъ!» несутся вдогонку.

Тутъ вступается Муромцевъ: «если еще разъ раздадутся подобные крики, я закрою засѣданіе».

Ему часто приходится ограждать, какъ онъ всегда любитъ выражаться, «достоинство Государственной Думы». И ему не мало приходится воевать съ депутатами, особенно съ Михайличенко и Аладьинымъ. Тѣ въ своихъ рѣчахъ употребляютъ не мало выраженій, отъ которыхъ корректный Муромцевъ волнуется.

По мнѣнію искреннаго Михайличенко, его рѣзкія слова это только «названіе вещей ихъ собственнымъ именемъ», а Аладьнъ всегда исправно беретъ слово обратно, прибавляя: «вы ›ю мысль понимаете, конечно, господа!»

По поводу обрыванія Муромцева не разъ уже пришлось слышать недовольство.

«Помилуйте,—говорятъ иные депутаты,—онъ вѣдь насъ не только поправляетъ, но и учитъ: читаетъ цѣлыя сентенціи».

Но надо отдать справедливость его умѣнію: его наставленія нисколько не посягаютъ на свободу слова. Онъ вліяетъ на оборотъ рѣчи, ея внѣшнюю часть, мыслей-же онъ не трогаетъ.

Послѣ объявленія Муромцева, перваго въ практикѣ нашего парламента, шумъ стихаетъ, хотя и не сразу.

То здѣсь, то тамъ еще раздаются негодующіе голоса. Военнаго прокурора давно уже нѣтъ—онъ немедленно ушелъ изъ зала, какъ увѣряютъ, жаловаться министру...

Но негодующіе крики еще раздаются по его адресу, и только наступаетъ полная тишина, когда на трибунѣ появляется Кузьминъ-Караваевъ.

Это очень сильный ораторъ, живой и интересный. Говоритъ громко, звучно, съ легкой картавостью.

«Вся рѣчь главнаго прокурора,—говоритъ Кузьминъ-Караваевъ,—сводится къ положенію: все совершено по закону. Но мы не объ этомъ дѣлали свой запросъ. Если-бы казни совершались не по закону, то мы спросили-бы преданъ-ли суду генералъ-губернаторъ, казненъ-ли онъ уже?»

Увы! умная, яркая рѣчь Кузьмина-Караваева, къ сожалѣнію, уже не достигаетъ слуха военнаго прокурора. А жаль! Истина можетъ иногда проникнуть въ душу прокурора... Авторитетный юристъ, даже въ глазахъ военныхъ прокуроровъ, онъ доказалъ, какъ послѣдніе служатъ правосудію, которое они отождествляютъ съ прохожденіемъ службы.

Грозную рѣчь произнесъ Ледницкій. Какъ рокъ, онъ обращался къ министерской скамьѣ съ предупрежденіемъ: «пока еще не поздно, отмѣните казнь: никто не знаетъ грядущаго».

Но,.. министерская скамья была пуста.

Говорилъ священникъ Аѳанасьевъ, говорилъ во имя Бог. свободы и любви. Ряса милосерднаго священника и мундиг

суроваго обвинителя сошлись здѣсь вмѣстѣ, чтобы высказать то, чему они оба служатъ.

Полагаю, какъ это должно было дѣйствовать на крестьянъ, оставшихся еще безпартійными: лучшаго, болѣе нагляднаго, урока нельзя было придумать.

Не даромъ палата такъ бѣшенно апплодировала священнику...

Говорилъ и Аладьинъ обычно рѣзко и былъ обычно остановленъ предсѣдателемъ. Все-таки ему удалось «пригласить министерство на скамью подсудимыхъ».

Палата выразила въ резолюціи перехода къ очереднымъ дѣламъ свое глубокое негодованіе.

Глубокое негодованіе! Кажется, это рѣдкій примѣръ парламентской резолюціи, но этого можно было, очевидно, ожидать.

Изъ этого засѣданія можно сдѣлать выводъ. Никто не ожидалъ бурнаго дня: думали, что придетъ бумага—и пояснитъ все.

Но Павловъ добивался права говорить съ палатой и бросить ей вызовъ. О, этотъ вызовъ не первый—и не послѣдній.

Никто не знаетъ, чѣмъ чревато ближайшее будущее: тучи, очевидно, собираются. Это ясно для всѣхъ и каждаго. Ясно потому, что члены правительства выступаютъ противъ Думы.

Хватитъ-ли у нея самообладанія удержаться на теперешнемъ пути? А если самообладанія хватитъ, то есть-ли это воздержаніе настоящій путь?

Многіе, очень многіе, уже переоцѣниваютъ и эту цѣнность.

Будущее таитъ въ себѣ много грознаго...

НОВАЯ СХВАТКА.

Сегодня въ Думѣ, кажется, «все обстоитъ благополучно». Я уже хотѣлъ уйти изъ засѣданія, когда мой сосѣдъ по ложѣ указалъ мнѣ на Родичева, подозрительно-внимательно вслушивавшагося въ рѣчь Столыпина, и на Аладьина, торопливо что то записывавшаго.

И я остался. Я понялъ, что тихо и мирно начавшееся засѣданіе окончится далеко не мирно. Но того, что произошло, никто не ожидалъ.

Столыпинъ довольно бодро взошелъ на трибуну, принялъ почтительную позу, громко и внятно произнесъ свою рѣчь, изрѣдка поглядывая въ сторону Гурко. Его рѣчь была, что называется, «прилична» во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ ней была приличная доза законности, по крайней мѣрѣ, кокетничанья съ ней; въ ней было указано, что Дума сотворитъ новые законы, а онъ, министръ, будетъ исполнять эти законы и охранять ихъ.

Въ тонѣ его рѣчи была дружелюбная нотка: такъ и казалось, что онъ протянетъ съ трибуны руку примиренія и скажетъ: «ну, поссорились, поругались — и довольно... Будемъ друзьями».

Намекъ на это слышался въ словахъ министра о томъ, что въ будущемъ всѣ желательныя мѣры будутъ имъ приняты.

Значитъ, человѣкъ разсчитываетъ на будущее и разсчитываетъ еще и впредь «принимать мѣры». Оптимизмъ, какъ извѣстно, довольно значительный.

Какъ бы то ни было, его рѣчь не предсказывала никакихъ осложненій—и можно было надѣяться, что засѣданіе пройдетъ тихо, и Дума перейдетъ къ обычнымъ дѣламъ, принявъ какую либо формулу порицанія.

Но видъ Аладьина и Родичева внушалъ опасенія. Что-то слишкомъ внимательно слушали они министра.

— Я,—разсказывалъ потомъ въ кружкѣ нашемъ Аладьинъ,—почувствовалъ, какъ мое сердце начинаетъ усиленно колотиться въ груди. Какъ? У меня въ рукахъ *документы*, что бабамъ и ребятамъ отказывали въ помощи, а министръ утверждаетъ обратное. Да я этихъ документовъ могу возъ цѣлый привезти министру... Да, наконецъ, надо было высказать наше заключеніе. Помните Катоновское «Delenda est Karthago». Такъ мы и постановили, заканчивать рѣчь словами: «когда же вы, министры, найдете въ себѣ столько порядочности и честности, чтобы убраться съ этихъ мѣстъ?»

И, дѣйствительно, Аладьинъ сказалъ со всей рѣзкостью своего громового голоса.

Да и вообще въ его рѣчи были не однѣ обычныя рѣзкости, на которыя Аладьинъ такой мастеръ, тутъ былъ и масса горечи, злой правды.

Я убѣжденъ, что нѣкоторыя слова не были обычнымъ полемическимъ пріемомъ, а искреннимъ изумленіемъ:

— Какъ,— говоритъ онъ, подчеркивая каждое слово,— какъ, мы будемъ отпускать деньги въ распоряженіе министра не пользующагося нашимъ довѣріемъ? Вѣдь мы ему не довѣряемъ?

И онъ выразительно отчеканивалъ слово: «*не до-вѣ-ря-емъ*!»

Его рѣчь прерывалась криками, которыми нашъ парламентъ еще не оглашался. Быть можетъ, будутъ еще большіе крики, и болѣе рѣзкіе, но до сихъ поръ такихъ еще не было.

Вся палата подхватываетъ, точно бросаемый ей лозунгъ наиболѣе рѣзкое слово какого-либо оратора.

Послѣ рѣчи Кузьмина-Караваева по поводу казней кричали имъ:

«Убійцы»!

Послѣ словъ кн. Урусова кричали министрамъ:

«Погромщики»!

Послѣ рѣчи Рамишвили, употребившаго новый лозунгъ, имъ кричали:

«Враги народа»!

И такъ дѣло пойдетъ дальше.

Рѣчи Аладьина и Родичева прерывались криками «Вѣрно, Позоръ! Враги народа»!

Вокругъ министерской скамьи бушевало море. Даже у Гурко не было обычно-самоувѣреннаго вида: онъ все больше блѣднѣлъ и лицо его искажалось въ то время, когда Столыпинъ все больше краснѣлъ и терялъ свой солидный барскій видъ. Мы глядѣли на нихъ и зорко слѣдили за выраженіемъ ихъ лицъ, когда съ трибуны слышались комплименты, въ родѣ того, что три четверти продовольственныхъ денегъ остается въ кар манахъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Не щадилъ ихъ и старичекъ Гейденъ: онъ съ своимъ обычнымъ англійскимъ юморомъ выговаривалъ министру отрицательное отношеніе всѣхъ его предшественниковъ къ земству. Послѣднее—любимое дѣтище этого стараго земца, и когда рѣчь заходитъ о немъ, Гейденъ готовъ сражаться съ пыломъ юноши.

— Вѣдь вы принимаете, г. министръ, всю политику въ продовольственномъ дѣлѣ вашихъ предшественниковъ и будете продолжать ихъ дѣло?—не удержался и онъ отъ сарказма.

Послѣ всѣхъ рѣчей Столыпинъ не выдержалъ. Онъ взошелъ на трибуну, чтобы отвѣтить. Сначала все шло хорошо: онъ расшаркивался передъ Львовымъ и Волконскимъ, но, когда рѣчь зашла объ ораторахъ слѣва, онъ началъ волноваться. Его волненіе точно передалось палатѣ: поднялись крики, да какіе!

Среди страшнаго шума и гула голосовъ не то, что оратора, но и криковъ другихъ депутатовъ нельзя было слышать. Я разслышалъ только крики кавказцевъ, сидящихъ сейчасъ же передъ нами.

Они кричали почему то: «Каинъ, долой его»!

Министръ позаботился подлить масла въ огонь.

Съ его устъ слетѣло слово: «клевета» по адресу Аладьина, и крики усилились.

Столыпинъ что то говорилъ, но что именно—никто, даже Муромцевъ не слышалъ.

Съ внѣшней стороны видъ былъ такой: на трибунѣ стоитъ министръ, красный, возбужденный и рѣзкимъ визгливымъ голосомъ точно хочетъ перекричать палату. Слышали только стенографы, и слова его передаются только по стенограммѣ.

Онъ, какъ извѣстно, сказалъ: «на угрозы захвата власти, я, законный представитель власти, министръ внутреннихъ дѣлъ—отвѣчать не буду».

Онъ покинулъ трибуну при общемъ возбужденіи.

Даже олимпійски-спокойный Стаховичъ досадливо теребилъ свою пышную бороду...

— Да-съ, покричали-таки сегодня,— сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ изъ безпартійныхъ: начали трудовики... А мы за ними.

— Вы? И вы кричали?

— А какъ же не кричать? Закричишь... Словомъ, мира нѣтъ и не будетъ.

— Что это за странное положеніе! — говорилъ коллега— корреспондентъ большой англійской газеты.—Я постигъ даже противорѣчія русской жизни. Но теперешнее положеніе,—это не противорѣчіе.Это какой-то хаосъ... Знаете,— продолжалъ онъ,— я больше всего по личнымъ взглядамъ сочувствую кадетамъ, но не имѣю и сотой доли ихъ оптимизма. Они думаютъ строить мостъ на рѣкѣ, которая не сегодня—завтра должна тронуться. Развѣ возможна такая работа? Я не помню въ исторіи народа такого нелѣпаго положенія. Припомните 48-й годъ въ Пруссіи или Австріи. И тамъ оттягивали рѣшительный моментъ, и тамъ обѣщанія смѣнялись угрозами, уступки шли за репрессіями. Но никогда страна не стояла передъ такимъ ужаснымъ моментомъ, какъ теперь ваша родина. Слѣпые насильно ведутъ за собою рячихъ.

— Ну, а зрячіе?

Онъ попрощался и ушелъ. Въ душѣ этого типичнаго англичанина, сотрудника буржуазной приличной газеты, произошелъ переворотъ. Быть можетъ, только относительно русскихъ дѣлъ, но, во всякомъ случаѣ, это характерно.

Да съ нимъ ли однимъ? Я увѣренъ, что министры съ каждымъ днемъ, каждою рѣчью и неуступчивостью своею, въ такомъ живомъ вопросѣ, сами доказываютъ многимъ и многимъ абсурдность и противорѣчіе того, что они первые должны были охранять. Они первые подкапываются подъ то, чему они, якобы служатъ.

И такихъ людей пугаютъ словами. Начинаешь чувствовать, что всѣ слова уже сказаны.

Лидеры палаты это поняли: это видно по ихъ рѣчамъ.

Скажу кстати нѣсколько словъ о двухъ лидерахъ въ палатѣ.

Ѳ. И. РОДИЧЕВЪ.

Ѳедоръ Измайловичъ занимаетъ второе послѣ Муромцева мѣсто.

Съ внѣшней, конечно, стороны.

Муромцевъ вліяетъ на порядокъ преній и создаетъ строгую дисциплину палаты; Родичевъ вліяетъ на настроеніе и создаетъ всегда повышенную атмосферу.

Родичева сравнивали съ Дантономъ, но это, по моему, иронія; Родичевъ, вообще, не парламентскій, а митинговый ораторъ.

Я помню, что еще на III-мъ съѣздѣ партіи Народной свободы онъ своими страстными, полными огня рѣчами, рѣзко поднималъ настроеніе съѣзда, но оно опускалось тотчасъ же послѣ того, какъ ораторъ покидалъ трибуну.

Родичева, мнѣ кажется, не трудно разбить, но на энтузіазмъ массы, который онъ вызываетъ, никто посягать тогда не вправѣ. Онъ часто говорилъ на петербургскдхъ митингахъ, и красиво, ярко, образно отстаивалъ Народную свободу. Онъ до того захватывалъ толпу, что даже крайніе, которые ни передъ кѣмъ не стѣсняются и не щадятъ «буржуазныхъ краснобаевъ», не нападали на него.

Родичевъ никогда не подготовляетъ своихъ рѣчей. Онъ готовитъ ихъ тутъ же на трибунѣ. Онъ часто отвлекается отъ основной мысли неожиданными соображеніями и потому его рѣчь теряетъ цѣльность и является нѣсколько отрывистой.

Вѣра въ свои слова у него необыкновенная и эта вѣра передается слушателямъ, но живетъ она только до тѣхъ поръ, пока мучительный славянскій анализмъ ее не вытѣсняетъ.

Я помню, какъ Родичевъ, сотрясаясь отъ охватившаго его чувства, словно озаренный какимъ то откровеніемъ, гремѣлъ съ трибуны:

— «Дума разогнана быть не можетъ! Дума сдѣлаетъ свое дѣло».

И залъ бѣшено рукоплескалъ, отвѣчая на свою собственную вѣру, вдругъ поселившуюся или вѣрнѣе завладѣвшуюся душою каждаго...

А потомъ слышу я:

— Отчего же имъ и не разогнать насъ? Что же они постѣсняются съ нами, или будутъ опасаться впечатлѣнія на страну, эти отпѣтые?

Это говорилъ аналитикъ изъ перваго ряда, яростнѣе всѣхъ апплодировавшій.

Родичева вдругъ осѣнила мысль—и онъ обращается совершенно неожиданно къ скамьѣ министровъ и говоритъ имъ серьезно и проникновенно.

— Если у васъ есть совѣсть, уйдите!

Видимо, онъ искренно предполагалъ, что во имя требованій, возставшей подъ вліяніемъ его рѣчи, совѣсти, «они» уйдутъ.

Увы! Черезъ двѣ недѣли онъ уже съ горечью восклицалъ по прежнему же адресу:

— Какое ничтожество совѣсти управляетъ Россіей!

Рѣчи Родичева не имѣютъ цѣльности; онъ самъ гипнотизируется какой-либо эффектной фразой и теряетъ дальнѣйшую нить. Рисуетъ онъ ярко и сильно, картина даетъ настроеніе и на митингахъ онъ можетъ довести толпу до высшей мѣры экзальтаціи.

Годится ли это въ парламентѣ?

Думаю, что нѣтъ. Вотъ почему изъ оратора Родичева не выработается парламентарія Родичева.

У него преинтересное лицо, не русскаго, а скорѣе романскаго типа; сѣрые глаза горятъ воодушевленіемъ и немного смѣются. Сѣдѣющая голова съ коротко-остриженными волосами, острая французская бородка, пенснэ, за которое онъ ежеминутно хватается, усаживая его плотнѣе; длинная фигура съ длинными руками, которыя онъ то простираетъ къ палатѣ, словно хочетъ ими схватить министра съ его скамьи и вы

лочить на судъ народныхъ представителей—такова его внѣшность.

Когда онъ кончаетъ свою рѣчь, видимо онъ измученъ и выгорѣлъ отъ собственнаго огня. Посидитъ на своемъ мѣстѣ нѣсколько минутъ и выходитъ изъ зала засѣданій. Лицо его тогда задумчивое и печальное.

Ѳ. И. необщителенъ и, несмотря на бурную натуру трибуна, довольно замкнутъ въ себѣ.

Передъ преніями о смертной казни, я его спросилъ:

— Будете говорить сегодня?

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ.

Тогда уже заранѣе было намѣчено, что онъ то и будетъ говорить.

— Да, конечно, будетъ,—заявилъ Петрункевичъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ.

Это его «не знаю» надо приписать не одной только его сдержанности. Онъ и впрямь, пожалуй, не зналъ, будетъ ли говорить.

А подхватила его волна, услышалъ онъ ревъ бури—и присоединилъ и свой зычный голосъ.

А голосъ у него великолѣпный. Звучный, немного низкій, но стального тембра. Держится онъ на трибунѣ свободно, привычно. Смотритъ всегда на правую сторону или на министровъ, рѣдко поворачиваясь на лѣво. Тамъ ему некого убѣждать, а создавать настроеніе тѣмъ паче.

Тамъ всегда что то кипитъ, что то бурлитъ и вѣчно неспокойно.

Точно буря бьется на привязи на желѣзныхъ цѣпяхъ, грохочетъ ими и вотъ-вотъ сорвется и пойдетъ по залу...

Родичевъ это не тотъ человѣкъ, котораго нѣмцы называютъ «der Kommende Mann», ожидаемый министръ. Портфеля онъ не возьметъ. Созидательства у него нѣтъ; у него неспокойный духъ критики, сомнѣнія, стремленія къ не-реальному

Взять въ руки матеріальную силу—власть, чтобы быть вынужденнымъ пускать ее въ ходъ для страданій и слезъ дру-

*

гихъ—эта задача ему не по силамъ. Въ немъ чувствуется глубочайшая жалость и размягченное сердце слишкомъ страдающаго человѣка, чтобы доставлять страданія еще другимъ.

А послѣднее неизбѣжно.

А. Ф. АЛАДЬИНЪ.

Кто онъ?

Я много разъ слышалъ А. Ѳ. Аладьина въ Думѣ, неоднократно бесѣдовалъ съ нимъ въ кулуарахъ и внѣ кулуаровъ; но признаюсь, для меня до сихъ поръ остался загадкой, сфинксомъ.

Когда Аладьинъ появлялся на трибунѣ всѣ знали о чемъ, и даже въ какой формѣ онъ будетъ говорить.

Министры знали, что ихъ будутъ ругать; предсѣдатель зналъ, что онъ будетъ останавливать оратора; лѣвые знали, что будутъ апплодировать; правые—что они будутъ кричать: «довольно»!

Но тѣмъ не менѣе появленіе Аладьина на трибунѣ всегда поднимало интересъ къ засѣданію, даже вызывала нервное напряженіе, волненіе.

Можно-ли назвать Аладьина ораторомъ? Нѣтъ!

Въ немъ нѣтъ настоящаго огня, какъ, напримѣръ, у Родичева; нѣтъ краснорѣчія, нѣтъ красоты въ формѣ, какъ у Набокова, Петрункевича, Ледницкаго.

Аладьинъ рубитъ сплеча. Первое попавшее ему на языкъ слово, онъ, какъ полѣно, бросаетъ то въ залъ, то на скамью министровъ.

Можетъ-ли Аладьинъ сдѣлаться вождемъ партій?

Безусловно нѣтъ!

На одно мгновенье Аладьинъ можетъ возвыситься надъ толпой, но удержаться на этой высотѣ—нѣтъ.

Изъ такого тѣста, какого сотворенъ Аладьинъ, исторія печетъ Муціевъ Сцеволлъ, но не Цезарей.

Увлечь за собой толпу, пойти во главѣ ея на безумно опасное дѣло—на это Аладьинъ, несомнѣнно, способенъ.

Но поставить его во главѣ арміи—это значило-бы погубить ее.

Въ средніе вѣка, во время рыцарства, Аладьинъ былъ бы несомнѣнно, лихимъ паладиномъ.

Бросаться въ самый адъ битвы, подъ самымъ носомъ у врага выкинуть какую-то безумно смѣлую штуку—на это Аладьинъ былъ бы первымъ мастеромъ.

Но вести сраженіе—никогда!

Между трудовиками Аладьинъ довольно крупная величина.

Но мнѣ кажется, что онъ только почитается, и цѣнится, какъ таранъ, какъ двѣнадцати-дюймовая пушка.

Планъ сраженія съ бюрократіей вырабатывается сообща, но атаку поручаютъ вести Аладьину.

Къ какой партіи принадлежитъ Аладьинъ?

Оффиціально онъ соціалъ-демократъ.

Но мнѣ кажется, что Аладьинъ одинаково принадлежитъ и къ эсъ-эрамъ.

Онъ вообще принадлежитъ ко всѣмъ лѣвымъ партіямъ, къ тѣмъ, которыя борятся.

Борьба—стихія Аладьина. Это природный боецъ, смѣлый до безумія, не знающій страха, и пожалуй, упрека.

Въ переходное время такіе борцы необходимы.

Они являются предтечею настоящаго вождя.

БОЛЬНОЙ ВОПРОСЪ.

«Больной вопросъ въ палатѣ депутатовъ», такъ можно озаглавить сегодняшній день.

Обсуждается вопросъ о гражданскомъ равноправіи. Не смотря на томительное настроеніе, вызываемое всѣми обстоятельствами парламентской жизни, на конфликтъ съ правительствомъ, дѣлающійся уже, очевидно, затяжнымъ—настроеніе немного приподнятое. Да и не мудрено: всѣ заинтересованы этимъ закономъ, всѣхъ онъ касается.

Этотъ всеобщій интересъ уже съ самаго начала виденъ: на законопроектѣ въ качествѣ его иниціаторовъ подписано 153 депутата вмѣсто требуемаго по закону количества—тридцати. Всѣ читаютъ бѣлые листочки «основныхъ положеній» этихъ законовъ о гражданскомъ равенствѣ. Крупнымъ шрифтомъ на нихъ выведены въ качествѣ пароля и лозунга: «всѣ граждане обоего пола равны передъ закономъ». Листки эти розданы всѣмъ депутатамъ и журналистамъ; кромѣ основныхъ положеній они содержатъ краткое объясненіе, какимъ образомъ гражданское неравенство проникло въ наше законодательство до такой степени, что его невозможно отмѣнить единымъ законодательнымъ актомъ.

Крестьяне затронуты этимъ законопроектомъ потому, что они стѣснены своими особыми учрежденіями, особой юрисдикціей, ограниченіями по службѣ и по образованію. Ограниченія по національности и религіи общеизвѣстны. Ограниченія для лицъ женскаго пола давно уже взываютъ къ отмѣнѣ. Наконецъ, сюда-же отнесли и привиллегіи дворянства, по образованію, государственной службѣ, по участію въ самоуправленіи.

Ораторы—представители національностей, готовятся выступить съ цѣлымъ арсеналомъ доказательствъ, но лидеры ихъ

успокоивають. «Господа, не слѣдуеть *этого* доказывать въ первомъ русскомъ парламентѣ».

Какимъ-то образомъ проникли въ кулуары женщины.

Полагая, что будутъ говорить о правахъ женщинъ—онѣ и пришли. Какимъ образомъ всѣ онѣ проникли въ палату—это ихъ тайна. Но онѣ оживленно бесѣдовали съ депутатами, особенно съ крестьянами, считая, что они явятся противниками женскаго равноправія.

Ничуть не бывало! Крестьяне лучше ихъ поняли, чѣмъ кто-либо другой.

«Да что вы, развѣ мы не понимаемъ—говорилъ типичный крестьянинъ бородачъ—что баба и мужикъ равны передъ Богомъ, ежели по божески разсуждать... Работаемъ и голодаемъ вмѣстѣ... И помираемъ—добавилъ онъ печально—тоже вмѣстѣ. Вы не намъ говорите про долю женскую, а тѣмъ барамъ; они то работницы—бабы и не знавали никогда».

Сыплются обычные доводы, довольно тривіальные. Кто-то изъ журналистовъ убѣждаетъ упрямца.

— «Возьмите у насъ, развѣ эта дама корреспондентка хуже работаетъ? Нисколько: даже лучше. Она усидчивѣе, болѣе дорожитъ своимъ дѣломъ. А стенографистки? Хуже своихъ товарищей? А на почтѣ? Вотъ вамъ три категоріи женскаго труда я насчиталъ вамъ, не выходя отсюда, изъ зданія Думы А внѣ этого зданія сколько ихъ? Вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ, труда встрѣтите женщину работницу.

— Не всѣ таланты бабѣ Богомъ дадены,—слабо возражаетъ депутатъ.

Заволновались мусульмане въ вопросѣ о женскомъ равноправіи. Подходитъ ко мнѣ знакомый депутатъ, татаринъ изъ Казанской губерніи.

— А у насъ, у нѣкоторыхъ по двѣ, по три жены,—говоритъ онъ—какъ же быть съ предоставленіемъ имъ, напримѣръ, избирательнаго права?

— Что же за бѣда? Пусть всѣ три и выбираютъ. Разсказываю объ этомъ А. И. Новикову, а онъ отвѣчаетъ:

— А вы не разговаривайте съ человѣкомъ, имѣющимъ трехъ женъ.

Мусульмане собираются отдѣльно, и о чемъ-то горячо спорятъ.

Алкинъ, мусульманскій Аладьинъ, убѣжденный человѣкъ съ богатымъ прошлымъ, скитавшійся по тюрьмамъ и пользующійся неограниченнымъ вліяніемъ среди своихъ, говоритъ:

— Мы не должны ни на минуту останавливаться на этомъ вопросѣ въ нерѣшимости. Кто не за свободу другихъ, тотъ самъ рабъ... Небудемъ, братья-мусульмане, даже говорить объ этомъ. Будемъ къ тому же дебатировать на русскомъ языкѣ, чтобы присутствующіе здѣсь русскіе журналисты поняли насъ.

Другой депутатъ отъ Уфы поддерживаетъ его:

— Здѣсь говорятъ объ уровнѣ пониманія мусульманской массы и о взглядѣ его на женщину... Но не забудемъ-же, что мы должны внести свѣтъ и право въ эту массу, а не потонуть въ ней. Освѣтимъ эту тьму свѣтомъ истины и права: каждый *человѣкъ* имѣетъ разныя права.

Въ другихъ группахъ вопросъ этотъ поднимался, но быстро всѣ приходили къ заключенію: выработать основной законъ равенства всѣхъ гражданъ.

Это уже третій законопроектъ, который палата обсуждаетъ и принятіе его—это, конечно, вопросъ времени.

Меня интересовалъ другой вопросъ.

Отлично: палата выскажется по всѣмъ законопроектамъ. Она приметъ ихъ. Что-же дальше? Какъ выйти изъ теперешняго положенія?

Я замѣчалъ этотъ вопросъ на лицахъ всѣхъ депутатовъ. Чтобы ни говорили о сдерживаніи, тактѣ и прочемъ, но надо вѣдь прійти къ какому-либо концу. Вопросъ этотъ мучаетъ всѣхъ.

Вотъ группа въ Екатерининскомъ залѣ; четыре крестьянина, писатель А. И. Новиковъ, Максимъ Ковалевскій и П. Н. Милюковъ.

Счастливый случай свелъ сразу чуть-ли не всѣ оттѣнки

политической мысли. Изъ крестьянъ одинъ «дикій», трое трудовики.

— Что-же теперь—сумрачно спрашиваетъ одинъ—господа министры продолжають все по своему... Казнили рижскихъ рабочихъ вѣдь.

— Неужели?—восклицаетъ Ковалевскій—быть не можетъ? А впрочемъ—добавляетъ онъ печально—все возможно... Вызовъ, вызовъ, это несомнѣнно... Ахъ, какъ они зло шутятъ съ исторіей, и какъ она еще злѣе подшутитъ надъ ними!

— Вы говорите: казнены—вмѣшивается Новиковъ,—но вѣдь сегодня только предсѣдатель Думы сообщилъ намъ, что вашъ запросъ переданъ военному министру, и предсѣдатель даже прочиталъ это донесеніе...

— Да, это «бумага» пришла: отписались, что называется; а тамъ свое сдѣлали.

Тягостное молчаніе.

— Какъ же теперь быть, а?—прерываетъ молчаніе «дикій»—ничего, значитъ, ни земли, ни свободы, такъ-таки ничего?

— Все по прежнему—говоритъ трудовикъ.—Боюсь я, ой, боюсь—почти крикнулъ онъ на весь кулуаръ—что мы не сдержимъ народа въ деревняхъ... Осени не дождутся, сейчасъ начнутъ...

— И я письма каждоденно получаю отъ своихъ, деревенскихъ—говоритъ «дикій»—плохо дѣло стало: сосѣдскіе мужики уже скотъ на помѣщичій выгонъ пустили... Не дождутся настоящей Думы-то, не дождутся мужички. А мнѣ на деревню вертаться невозможно.

У меня похолодѣло сердце. Признаюсь, что теперь только я понялъ страшное значеніе крестьянскаго наказа: «не ворочаться домой безъ земли». И когда я представилъ себѣ тысячи жадно прислушивающихся къ рѣшенію и голосу Думы людей, голодныхъ и озвѣрѣлыхъ, мнѣ представилась такая картина, что стало жутко. Надо было видѣть лицо крестьянскаго «дикаго» депутата.

— Эхъ, господа,—говоритъ съ укоромъ Новиковъ—вы все обращаетесь не туда, куда слѣдуетъ. Надо обращаться къ народу: тогда и сильны будете.

— Не обращаться, а обратиться, ибо это можно сдѣлать одинъ только разъ—говоритъ Ковалевскій—въ другой уже не съумѣете... Слушайте меня, друзья мои: надо только сдержать народъ теперь. Мы будемъ сидѣть здѣсь, просидимъ сколько придется, выработаемъ всѣ законы. Установимъ, что личность должна быть неприкосновенна, что всѣ граждане равны, установимъ свободу слова, печати, собраній, союзовъ. Установимъ размѣры земельнаго передѣла—и разойдемся. Скажемъ народу: вотъ что мы порѣшили для васъ. Берите себѣ сами теперь все это. Мы дадимъ народу тогда законный пароль и лозунгъ. Представители народа порѣшили это, представители народа освятили это—и тогда дѣло пойдетъ властно, могуче и непобѣдимо... А пока каждый день, что мы здѣсь сидимъ, вноситъ въ массу сознаніе, что въ столицѣ работаютъ ихъ представители и созидаютъ для нихъ новую жизнь.

— А каково имъ дожидаться то—мрачно перебиваетъ трудовикъ—имъ вотъ теперь нуженъ хлѣбъ насущный, а у нихъ его нѣтъ.

Раздается продолжительный звонокъ. Депутаты, точно пчелы, изъ всѣхъ комнатъ спѣшатъ въ залъ засѣданія. Идутъ группами, всѣ просто одѣтые, ни одного я не видѣлъ въ сюртукѣ. Идутъ группой крестьяне съ совѣщанія, идутъ рѣзкимъ шагомъ соціалъ-демократы. Вотъ священникъ о. Гума подходитъ къ епископу барону Роппу, проситъ благословенія и цѣлуетъ у него руку. Баронъ Роппъ съ умнымъ, тонкимъ лицомъ, въ лиловой рясѣ, идетъ вмѣстѣ съ группой польскихъ депутатовъ.

Въ палатѣ появилось нѣсколько новыхъ депутатовъ; сейчасъ узнать можно: лица ихъ не такъ примелькались, да и выраженіе у нихъ особое.

Я сказалъ бы, что лица ихъ не такъ измучены, глаза горятъ довѣрчивымъ, а не лихорадочнымъ огнемъ, какъ у остальныхъ. Они еще полны, быть можетъ, вѣры!

Сегодня говорилъ одинъ изъ новыхъ; говорилъ, что надо обратиться къ Верховной власти съ указаніемъ необходимости земли для крестьянъ.

— Намъ не откажутъ, не можетъ этого быть,—закончилъ онъ.

Палата съ добродушной усмѣшкой слушала его и даже поаплодировала ему.

«Погоди немного, запоешь и ты»—думалось каждому.

РАЗОБЛАЧЕНІЯ УРУСОВА.

Очевидно, такъ оно и будетъ впредь... Министры будутъ приходить въ палату, холодно и вѣжливо «отписываться на словахъ»—жизнь преподнесла, очевидно, и этотъ способъ сношеній,—и уходить, сопутствуемые криками трудовиковъ.

— Послушайте,—спрашиваю я у Онипко,—что это за тактика? Какая-то половинчатая... Ужъ одно изъ двухъ: либо не ругаться и уходить, либо сидѣть и не ругаться. Отчего не принять одного рѣшенія?

— Э, да теперь не разберешься... Хотѣли было уйти сегодня, чтобы не слушать министровъ, да указали намъ на неудобства. Сами мы, вѣдь, на запросѣ участвовали, надо и выслушать ихъ теперь...

Денекъ выдался интересный. Въ палатѣ полнехонько; обыватель постигъ нехитрую политику проходить въ Думу. Надо проходить съ возможно болѣе независимымъ видомъ—и приставъ пропуститъ тотчасъ, а дежурный курьеръ вѣжливо сниметъ пальто съ «его превосходительства».

Набилось народа до невозможности; стоятъ въ проходахъ, набились въ трибуны для журналистовъ... Стоятъ и смотрятъ на скамью министровъ.

— Который Столыпинъ?

— А вотъ сидитъ съ края, высокаго роста брюнетъ съ бородою, разговариваетъ со Стаховичемъ.

— Ничего себѣ... Лицо довольно симпатичное.

И дѣйствительно: говорилъ министръ не безъ нѣкотораго успѣха, съ чисто внѣшней, конечно, стороны. Хорошее впечатлѣніе произвели его тонъ, выдержка, спокойствіе.

Конечно, спора нѣтъ, его декларація была деклараціей министра, «которому не вѣрятъ». И сама по себѣ, и содер-

жаніе ея вызвали цѣлый рядъ негодующихъ рѣчей. Негодовали даже самые умѣренные, но тонъ, которымъ она была произнесена, спокойный и разсудительный, простота и порядочность составляли контрастъ съ рѣчью, напримѣръ, Гурко, который и теперь сидѣлъ на скамьѣ, пересмѣивался и острилъ.

Даже Родичевъ нашелъ возможнымъ упомянуть слова о совѣсти и патріотизмѣ, которые должны подсказать министру его уходъ. Когда министра прерывали криками, онъ сказалъ:

— Господа, вы мнѣ этимъ только мѣшаете говорить, но измѣнить мои убѣжденія, это вы не можете.

Онъ даже сказалъ, что въ тотъ моментъ, когда онъ увидитъ, что призраки появились снова и мѣшаютъ ему работать, тогда онъ уйдетъ въ отставку.

На что получилъ крикъ одного кавказца:

— Не вѣримъ, не вѣримъ!

Дѣло шло о преступныхъ дѣйствіяхъ администраціи въ Вологдѣ, Царицынѣ, о печатаніи черносотенныхъ прокламацій въ департаментѣ полиціи.

— Этого больше не будетъ!—сказалъ министръ.

— Не будетъ,—съ горечью говорилъ Родичевъ,—но вѣдь было... Было вѣдь все... Если министръ говоритъ о такомъ фактѣ такимъ снисходительнымъ образомъ, то дѣлается страшно за будущее Россіи. Министры ничего не замѣчаютъ. Они не Они не видятъ, куда они ведутъ страну.

— Вѣдь насъ ждетъ банкротство, господа, оно придетъ осенью, придетъ неминуемо.

Самымъ выдающимся моментомъ была рѣчь князя Урусова.

Пикантнымъ въ этой рѣчи было то, что разоблаченія эти дѣлалъ бывшій товарищъ министра при П. Н. Дурново.

Князь Урусовъ былъ бессарабскимъ губернаторомъ послѣ знаменитаго кишиневскаго погрома «второй очереди». Затѣмъ онъ могъ познакомиться съ работой «сихъ дѣлъ мастеровъ» въ министерствѣ. Ужъ ему-ли не знать закулисныхъ сторо[н] всѣхъ этихъ темныхъ дѣлъ?

О выступленіи князя Урусова знали за два дня до отвѣта Столыпина.

Надо было дать странѣ компетентное мнѣніе человѣка, не изъ крайнихъ, и при томъ человѣка, стоявшаго во главѣ администраціи.

Послѣ его рѣчи казалось-бы для Столыпина опять выступили призраки вахмистровъ и погромщиковъ—и онъ могъ-бы исполнить свое обѣщаніе: уйти въ отставку.

Но министры могутъ выполнить «все, только не это».

Только не это! Они обѣщаютъ торжество законности, новые законы (старые не годятся, говорятъ и они въ одинъ голосъ), но уйти въ отставку...

— Въ отставку не уходятъ,—могутъ они сказать,—въ отставку надо заставить уйти!

Рѣчь Урусова была очень сдержана и импонировала своею спокойною разсудительностью.

«Поймите,—какъ-бы говорилъ онъ министрамъ, вѣдь вы безсильны... Правительство безсильно... вы ничего не можете подѣлать»...

А ужъ ему-ли не знать объ этомъ?

Выводы, которые сдѣлалъ Урусовъ, станутъ, вѣроятно, историческими, и не потому, что онъ сказалъ что-либо новое, а потому, что онъ сжато формулировалъ все то, что составляетъ зло теперешней жизни Россіи.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ выводамъ, онъ твердымъ голосомъ началъ:

— Я утверждаю,—сказалъ онъ,—что никакое министерство не въ состояніи до тѣхъ поръ водворить порядокъ въ странѣ, пока какіе-то неизвѣстные намъ люди, стоящіе въ сторонѣ, за недосягаемой оградой, будутъ грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма и изощряя свое политическое невѣжество опытами надъ живыми организмами, заниматься политической вивисекціей.

Можно было услышать жужжанье мухи. Вся тысяча человѣкъ въ залѣ замерла.

Второй выводъ былъ печальнымъ выводомъ для Думы—и имъ онъ закончилъ.

— Для Думы существуетъ большая опасность и она не исчезнетъ, пока на дѣла управленія и на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе люди, по воспитанію вахмистры и городовые, а по убѣжденію погромщики.

Могу смѣло сказать, что подобной оваціи за все время сессіи еще не было. Апплодисменты гремѣли нѣсколько минутъ, провожая оратора до его мѣста.

Положеніе министровъ было не изъ важныхъ. Столыпинъ сильно волновался. Бѣдный Шванебахъ, такъ много ухаживающій за депутатами, почасту съ ними бесѣдующій, смущенно поникъ головой.

Что-то непонятное удерживаетъ на ихъ мѣстахъ.

Врядъ-ли это «что-то» есть твердость убѣжденій; скорѣе всего слабость воли, или чья-то чужая воля.

Надо видѣть ихъ въ палатѣ. Иронія, оскорбленія, ежеминутное фальшивое положеніе, враждебность—висятъ надъ ними.

А они должны появляться въ палатѣ, особенно теперь начинается серія ихъ появленій. Вѣдь они должны отвѣтить на 150 запросовъ, сдѣланныхъ до сегодняшняго дня. И если такъ будетъ повторяться каждый разъ, то у нихъ просто нервы не выдержатъ...

Взять хотя-бы инцидентъ, происшедшій въ этомъ-же засѣданіи.

Набоковъ охарактеризовалъ дѣятельность ротмистра Пышкина, явленія, очевидно, собирательнаго, и указалъ на то, что этотъ ротмистръ учинилъ явно преступныя дѣйствія.

Министръ возражалъ, и очень горячо. «Ничего подобнаго не было, эти свѣдѣнія невѣрныя»—говоритъ онъ.

На трибуну всходитъ Набоковъ и заявляетъ: «свѣдѣнія, которыя я сообщилъ, добыты мною изъ актовъ предварительнаго слѣдствія. Сказать ихъ уполномочилъ меня судебный слѣдователь».

Сенсація.

Министръ молча пожимаетъ плечами.

Конецъ засѣданія ознаменовался инцидентомъ, который будетъ теперь сопутствовать каждому засѣданію.

На трибунѣ Ромашвили. Очень характерное грузинское лицо, совершенно темное, съ черными горящими глазами. Одѣтъ онъ въ кавказскій костюмъ; выговоръ отдаетъ сильнымъ акцентомъ.

Онъ успѣлъ сказать всего нѣсколько словъ. Настроеніе палаты прервалось. Когда министры начали уходить, раздались яростные крики:

— Въ отставку, погромщики, въ отставку!

Министры, спѣша, покидаютъ мѣста. Крики усиливаются.

Кричитъ вся крайняя, больше всѣхъ кавказцы.

Муромцевъ, взволнованный, прерываетъ засѣданіе.

Одинъ изъ моихъ коллегъ остритъ по поводу того, что кавказцы, лишь сегодня впервые явившись, уже кричали министрамъ: въ отставку.

— Первое слово ребенка, когда онъ начинаетъ лепетать— «мама», а первое слово депутата въ Думѣ—«отставка».

С. А. МУРОМЦЕВЪ.

С. А. Муромцева, очевидно, угадали.

Иначе нельзя себѣ объяснить единодушнаго его избранія. Онъ получилъ 426 записокъ изъ 436 присутствовавшихъ.

Положимъ, что его друзья или центральный комитетъ агитировали за него.

Но нельзя-же добиться такого результата голой агитаціей.

Многіе голосовали, очевидно, на вѣру—и раскаиваться имъ не приходится.

Муромцевъ — идеальный предсѣдатель. Онъ поставилъ себѣ цѣлью завести въ нашей первой Думѣ дисциплину старѣйшаго изъ парламентовъ—англійскаго.

Порядокъ онъ блюдетъ въ совершенствѣ.

Быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ онъ окидываетъ залъ, убѣждается въ порядкѣ среди депутатовъ. Взглядъ направо и налѣво на трибуны журналистовъ, Государственнаго Совѣта и министровъ и онъ отчетливо произноситъ:

«Открываю засѣданіе».

Голосъ твердый, даже властный, осанка полна достоинства изящная фигура во фракѣ, съ живыми юношескими глазами... Онъ импонируетъ палатѣ и министрамъ.

За эти два мѣсяца не пришлось слушать ни одной хулы на Муромцева.

Правда, онъ теперь частенько дѣлаетъ замѣчанія депутатамъ и обрываетъ ихъ за рѣзкія выраженія, но на мысль онъ никогда не покушается. Онъ прекрасно формулируетъ предложенія, выхватываетъ изъ нихъ самое существенное и ставитъ ихъ на баллотировку. Его удивительная память уже схватила все содержаніе довольно большого Наказа и Положенія о Думѣ и, если онъ и беретъ книжку въ зеленой об

ложкѣ, чтобы вычитать оттуда какую-либо статью для руководства депутатамъ, то чувствуется, что статью-то онъ наизусть знаетъ.

Муромцевъ—аналитикъ: его мысль, индуктивно построенная, всегда ясна; рѣчь отчетлива и не блещетъ истасканными выраженіями ораторскаго искусства.

Онъ никогда не прибавляетъ эпитета «господинъ» или «членъ Думы», а вызываетъ по списку ораторовъ просто:

«Набоковъ! Родичевъ»!

И только, говоря о министрахъ, онъ возвѣщаетъ: «слово принадлежитъ г. министру»!

Или-же:

«Г. министръ желаетъ дать палатѣ объясненіе, или сдѣлать сообщеніе».

Муромцевъ очень сдержанъ въ бесѣдахъ и своего партійнаго мнѣнія не выражаетъ. Онъ помнитъ, что состоитъ пред сѣдателемъ всей палаты, среди которой находятся представители разныхъ партій.

Его упрекаютъ часто въ томъ, что онъ создалъ какую-то парламентскую фикцію.

Это все тотъ-же споръ о томъ, властна-ли Дума.

Я спросилъ-бы, какъ-же иначе долженъ поступать предсѣдатель Думы? Усиленно понижать авторитетъ палаты?

Не надо забывать, что сама исторія спроситъ у Муромцева отвѣта за его постъ.

Каждый день приноситъ что-либо неожиданное и надо умѣть вліять на палату, когда налетаютъ волны негодованія и буря готова безудержно грянуть.

Муромцевъ оберегаетъ не только авторитетъ Думы, отношеніе къ которой характеризуется его словами, сказанными еще въ началѣ: «Дума выше всякихъ упрековъ»,—но и свой собственный, предсѣдательскій авторитетъ.

Недавно князь Шаховской замѣтилъ ему, что Аладьинъ предложилъ поправку къ вопросу. Никто не слышалъ объ этомъ замѣчаніи, но Муромцевъ властно и громко заявилъ:

*

— При всемъ моемъ уваженіи къ г. секретарю, смѣю замѣтить, что не дѣло секретаря дѣлать замѣчанія предсѣдателю.

Когда говорилъ министръ Столыпинъ и на скамьяхъ лѣвыхъ поднялось грозное журчанье, а затѣмъ и пошли крики: «довольно, долой!», Муромцевъ безъ тѣни ироніи, а совершенно серьезно заявилъ:

— Позволяю себѣ замѣтить, что *такого* способа прекращенія преній въ Наказѣ не имѣется!

Мнѣ думается, что министры имъ очень довольны, хотя это не можетъ льстить Муромцеву.

Но надо быть справедливымъ: въ палатѣ всякій имѣетъ право быть выслушаннымъ, и если только негодованіе не бьетъ черезъ край и люди могутъ еще владѣть собою, то желательно и объясненіе министровъ. Послѣдніе и видятъ въ его корректности и строгой законности якорь спасенія. И если это урокъ, то урокъ, показывающій, какъ право является всегда и вездѣ спокойнымъ убѣжищемъ.

Есть еще одна сторона его предсѣдательской роли: это его сношенія съ Монархомъ.

Есть среди депутатовъ мысль о «представленіи» Верховной Власти и эта мысль имѣетъ не такъ уже мало шансовъ, какъ это кажется.

И если Муромцеву палата большинствомъ скажетъ, что онъ долженъ пойти и использовать свое право представленія, Муромцевъ пойдетъ и скажетъ все, что палата поручитъ сказать, «не измѣняя ни единой буквы», какъ говорится у насъ въ законѣ.

До сихъ поръ онъ велъ два раза бесѣду при Дворѣ, но ни словомъ не обмолвился впослѣдствіи объ этомъ.

На законнѣйшее любопытство журналистовъ онъ возражалъ:

— Это—неконституціонно: я не могу ни слова объ этомъ сообщать.

— Сергѣй Андреевичъ! Помилуйте, вѣдь общественное мнѣніе имѣетъ свое право!

— Сергѣя Андреевича не касается то, что входитъ въ кругъ обязанностей предсѣдателя Думы,—тонко возразилъ онъ.

Нельзя, конечно, предсказать того, насколько онъ сумѣетъ удержать Думу въ опредѣленныхъ рамкахъ, которыя онъ, очевидно, намѣтилъ для нея.

Мы уже были свидѣтелемъ того, какъ Муромцевъ былъ безсиленъ совладать съ негодованіемъ палаты при появленіи Павлова. Онъ стоялъ съ простертой рукой и не могъ укротить бури.

Но это вѣдь исключительный моментъ. Быть можетъ, ближайшее будущее чревато именно такими моментами, а спокойное состояніе составитъ исключеніе. Быть можетъ...

Но и для бури выгоднѣе имѣть предсѣдателемъ человѣка съ такимъ самообладаніемъ, съ такою силою воли и убѣжденія, и съ такимъ вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ...

ОТМѢНА СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Никто не предполагалъ, что исторія такъ мощно ворвется сегодня въ залъ засѣданія и запишетъ его на свои страницы.

Знали всѣ, что предстоитъ разрѣшить мучительный вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Знали и полагали, что министры упираться не будутъ, что они уступятъ голосу страны и осуществятъ это законное желаніе народа.

Носились слухи, что министры сочувственно приняли законопроектъ и согласны на отмѣну.

И немудрено: еще 25 лѣтъ тому назадъ члены государственнаго совѣта высказались по поводу новаго уголовнаго уложенія въ пользу отмѣны смертной казни.

Рокъ нашихъ министровъ очевидно, иной: они ничего не видятъ и не слышатъ. Въ этомъ ихъ судьба.

Обрисую внѣшними штрихами это поистинѣ историческое засѣданіе, которое столь чревато послѣдствіями.

Кулуары гудѣли какъ всегда. Толпа депутатовъ шла и переговаривалась по поводу текущихъ дѣлъ.

Знакомыя физіономіи мелькали въ толпѣ; обмѣнивались улыбками, рукопожатіями, привѣтствіями.

Собирались вокругъ старика—ходока въ лаптяхъ, съ котомкой за плечами, въ рваномъ зипунѣ, съ морщинистымъ, какъ печенное яблоко, лицомъ.

— Откуда, дѣдушка?

— Ефремовской волости, тулякъ я. Вотъ сына провѣдать прислали. Сынъ у меня здѣсь... отъ міра посланъ.

— Какъ отъ міра?

— Да онъ выборный... Какъ выбрали его наши мужики и баре, онъ и поѣхалъ сюда.

— Да онъ депутатъ? Членъ Думы?

— Вотъ... вотъ; это онъ самый.

Оказывается, сынъ его депутатъ отъ Тульской губерніи и вотъ старикъ приплелся сюда провѣдать, «какъ онъ мірское дѣло правитъ».

Міръ собралъ на дорогу денегъ и послалъ его въ Питеръ.

Старика окружали точно онъ съ того свѣта явился, разспрашивали о томъ, что всѣмъ и безъ того отлично извѣстно; говорили о голодѣ, объ обидахъ, безправіи...

Шванебахъ, либеральничающій министръ, который частенько ходитъ по кулуарамъ и знакомится съ депутатами, обратилъ вниманіе на этого ходока и съ любопытствомъ уставился на него.

— Этотъ старикъ напоминаетъ мнѣ мать спартанскаго царя Павзанія, которая первая принесла камень, чтобы замуровать его въ храмѣ, когда Павзаній измѣнилъ Спартѣ,— замѣчаетъ напыщенно министръ.

— А вотъ,—указалъ кто-то министру, — другой ходокъ, пріѣхавшій съ наказомъ къ кн. Волконскому: вступить князю въ трудовую группу.

— Волконскому? въ трудовую?—удивился министръ.

— Ему. А то, пожалуй, устроятъ иллюминацію изъ его усадьбы.

Министръ состроилъ соболѣзнующее лицо...

Итакъ, все было мирно. Не ожидали грозы.

Нынѣшній день можетъ служить указателемъ, какъ много электричества въ воздухѣ. Любой случай и взрывъ неминуемъ

Муромцевъ, обычно спокойный, возвѣщаетъ, что на очереди срочный законопроектъ.

— Значеніе срочности заключается въ томъ,—торжественно говоритъ онъ,—что законопроектъ можетъ быть принятъ въ одномъ чтеніи, т. е. сегодня-же.

Маленькая пауза.

— Слово принадлежитъ докладчику коммиссіи Кузьмину-Караваеву.

На трибуну, слегка волнуясь, поднимается Кузьминъ-Караваевъ. Голосъ его дрожитъ—онъ отпиваетъ воды и начинаетъ.

— На мою долю выпадаетъ большая честь — говорить о первомъ законопроектѣ нашей Думы по существу...

Его рѣчь длилась около полутора часовъ. Это была поистинѣ блестящая, яркая рѣчь.

Странное дѣло: многіе находятъ, что его рѣчь, какъ и многихъ другихъ, представляетъ собою лекцію. Пожалуй, что и такъ. Что-же она теряетъ отъ этого названія?.. Можно только позавидовать юношеству, которое будетъ слушать въ свободной школѣ подобныя лекціи Кузьмина-Караваева или Ковалевскаго.

Блестящіе аргументы, знаніе исторіи, умѣніе разобраться въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ и передавать ихъ слушателямъ въ простой и сжатой формѣ, горячее неподдѣльное чувство и хватающій за душу голосъ—таковы внѣшнія стороны его рѣчи—лекціи. Какою болью и скорбью звучалъ его голосъ, когда онъ, сравнивая устрашающее значеніе порки и смертной казни, говорилъ:

— Да вѣдь поймите, господа министры, что когда мужикъ говоритъ: «легъ, посѣкся, всталъ и ушелъ», то въ этомъ столько убійственной ироніи, что всякое воспитательное значеніе наказанія отпадаетъ и остается только отвратительное зрѣлище истязуемаго человѣка.

Министры сидѣли въ напряженной позѣ и внимательно слушали оратора.

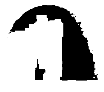
Щегловитовъ впился глазами въ него.

— Вы хотите бороться съ идеями,—обратился къ нему Кузьминъ-Караваевъ,—и для этого рубите головы. Напрасный трудъ!

Выводъ, къ которому онъ пришелъ, самый безотрадный.

Въ Россіи, гдѣ смертная казнь отмѣнена полтораста лѣтъ тому назадъ, примѣненіе смертной казни такъ широко, что только Китай можетъ насъ перещеголять.

— У насъ стыдятся иногда употреблять въ законѣ слова:

«полагается смертная казнь» и употребляютъ ссылку на 279-ю статью.

А эта статья знаетъ одно наказаніе—смерть!

Интересно мнѣніе этого превосходнаго юриста, которымъ гордилась-бы любая страна, относительно казни за военныя преступленія.

По его мнѣнію, и на войнѣ карать смертью нельзя.

— Допустимъ, что вредъ великъ, непоправимъ, онъ послужилъ причиною гибели многихъ.

Что-же дальше? Исправите вы что-либо смертью виновнаго? Никогда. Что-же тогда остается? Устрашеніе? Но это фикція, самообманъ.

Трудовики бурно апплодировали когда услышали, что онъ высказывается противъ смертной казни вообще: что она будетъ вычеркнута совершенно и кровавый этотъ институтъ отойдетъ въ исторію.

А мягкій голосъ оратора словно кистью рисовалъ картину казни двухъ доблестныхъ японскихъ офицеровъ, разстрѣлянныхъ въ качествѣ шпіоновъ

— Почему-же?—спрашивалъ онъ.—Почему не пойманный шпіонъ награждается крестомъ, а пойманный разстрѣливается, какъ преступникъ?

Когда онъ закончилъ рѣчь, я сказалъ себѣ: да, дѣло смертной казни проиграно. Отъ *этого* обвинительнаго акта не оправдаешься.

Заговорилъ министръ юстиціи Щегловитовъ.

Сухо, безъ тона, читая по бумажкѣ, онъ произнесъ казенную рѣчь, неясную, спутанную, фальшивую. Она мѣшала все въ кучу: анархію и соціализмъ, причины и слѣдствія.

Если это ненамѣренно, то это невѣжество.

Если намѣренно, то лицемѣріе.

«Послѣ 17 октября—сказалъ онъ—число преступленій усилилось».

На что и получилъ громкое замѣчаніе слѣва:

«Вы сами этого добивались»!

Когда онъ кончилъ, и всѣ поняли, что онъ явился адвокатомъ казней, раздалось: «Погромщикъ! Въ отставку!»

Все-таки кричали не очень сильно.

Когда кончилъ рѣчь Матвѣевъ, главный военно-морской прокуроръ, высказавшись за сохраненіе смертной казни, въ палатѣ крикнули: «въ отставку!»

И вотъ судьбѣ угодно было, чтобы военный министръ явился не самъ, а прислалъ главнаго военнаго прокурора Павлова, уже дававшаго разъ объясненія палатѣ.

Всѣ ахнули отъ неожиданности.

Павловъ среди зловѣщей тишины показался на трибунѣ, окинулъ залъ тяжелымъ прокурорскимъ взглядомъ и открылъ ротъ.

— Палачъ, вонъ!—загремѣли сотни голосовъ.

— Долой, убійца! Руки въ крови!

Стучали ногами, били по пюпитрамъ. Вся палата вскочила съ мѣстъ съ угрожающими криками.

Муромцевъ безсильно простеръ руку.

— Бѣлостокъ! вонъ! Людоѣды! гремѣло въ залѣ.

Кавказцы группой устремились сверху амфитеатра внизъ.

— Уйдемте отсюда—закричалъ кто-то изъ центра и толпа хлынула изъ зала.

Но многіе вернулись—и опять пошли крики.

Министры, блѣдные, начали покидать мѣста.

Павловъ силился улыбаться, но лицо его искривилось отъ ярости. Морской прокуроръ вышелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Муромцевъ прервалъ засѣданіе.

Оно возобновилось черезъ часъ. Представители трудовиковъ, соціалъ-демократовъ и кадетовъ высказали, почему они не могли и не хотѣли слушать Павлова.

Всѣ они, объясняя причину своего нежеланія выслушать Павлова, заявляли, что военный прокуроръ, это олицетвореніе крови и казней, не смѣетъ появляться на трибунѣ.

«Вида палачей мы не выносимъ»—заявилъ Аникинъ.

А потомъ пошли рѣчи по существу. Говорили уже по су-

ществу законопроекта. Говорили сильно, ярко, порой со слезами въ голосѣ.

Родичевъ даже рѣчи своей не могъ закончить. Ледницкій чуть не расплакался, вспоминая всѣхъ казненныхъ, которыхъ уже не вернешь къ жизни.

Набоковъ былъ язвителенъ, какъ никогда, и не оставилъ камня на камнѣ отъ министерской рѣчи.

Набоковъ сравнительно еще молодой депутатъ, но одинъ изъ видныхъ вожаковъ своей партіи. Какъ парламентарій онъ обладаетъ всѣми необходимыми качествами: у него большая выдержка, тактъ, большое чувство самообладанія.

Его рѣчи коротки и сильны. У него въ рѣчахъ ни одной лищней мысли, ни одного лишняго слова. Какъ одинъ изъ лидеровъ партіи онъ обладаетъ всѣми нужными для этого качествами: больщой эрудиціей, знаніемъ парламентской жизни и вѣрой въ правоту своего дѣла.

13 Мая онъ говорилъ по поводу деклараціи министерства.

Онъ говорилъ такимъ властнымъ тономъ, съ такой твердостью и достоинствомъ, что онъ приподнималъ палату въ ея собственныхъ глазахъ.

Его фраза: «власть исполнительная да подчинится власти законодательной» стала однимъ изъ крылатыхъ словъ.

Въ описываемомъ засѣданіи палата рѣшила не расходиться и сдѣлать засѣданіе безпрерывнымъ, пока не примутъ закона объ отмѣнѣ казни.

И не разошлась, пока не вотировала отмѣну смертной казни безусловно и навсегда.

Первое слово закона русскаго парламента будетъ отнынѣ первымъ камнемъ будущаго справедливаго строя.

Это—первый даръ Россіи человѣчеству.

Да будетъ благословенъ первый шагъ Россійской Государственной Думы!

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ВЪ ГОСУДАР-СТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.

„А что подѣлываетъ совѣтъ безработныхъ, то бишь государственный совѣтъ“?

Такъ недавно сострила одна газета. Въ этой остротѣ есть что-то напоминающее почтеннѣйшимъ старцамъ, что надо, молъ, и имъ собраться и предпринять кое-что. Совершенно напрасно. Пусть-бы совсѣмъ безработнымъ и остался... Лучше было-бы...

Засѣданіе 27-го іюня это ясно показало.

Старцы собрались ровно въ два часа. Они аккуратно приходятъ, виноватъ, пріѣзжаютъ послѣ завтрака, въ два часа ровнехонько. Аккуратны до чрезвычайности. Извѣстно вѣдь: аккуратность есть вѣжливость королей.

У подъѣзда кареты съ толстѣйшими въ мірѣ кучерами, масса каретъ.

Пышные, блестящіе автомобили стоятъ въ три ряда. Вотъ и знакомый желтый автомобиль, частенько попыхивающій въ Таврическомъ дворцѣ: это автомобиль министерскій.

У подъѣзда прогуливаются джентльмэны, быстроглазые и поворотливые.

Внимательный взглядъ охватываетъ каждаго входящаго съ головы до ногъ.

Вотъ въ дверяхъ второй, на площадкѣ третій, у дверей зала засѣданій четвертый... Цѣлая ложа джентльмэновъ... Господи! да сколько ихъ? Сколько должны получать такіе достойные господа, вылощенные, изящные, какъ лорды... І мудрено, что не хватаетъ денегъ на грязныхъ крестьянъ

Залъ полонъ. У колоннъ на длинныхъ диванахъ сидятъ члены Государственной Думы. Тутъ всѣ юристы: Набоковъ, Кузьминъ-Караваевъ, Ковалевскій, Гредескулъ, Шершеневичъ. Человѣкъ до ста пришли сегодня въ гости къ господамъ верхней палаты.

Къ епископу барону Роппу подходятъ поляки, члены совѣта, и почтительно цѣлуютъ его узкую, аристократическую руку.

Подходитъ и членъ совѣта, протоіерей Горчаковъ, и проситъ благословенія.

Старичекъ—предсѣдатель Фришъ — на возвышеніи нетерпѣливо оглядываетъ залъ. Рядомъ съ нимъ какая-то фигура: не разберешь: дама или мужчина? Лицо бабье, совершенно безволосое, низко склонившееся къ какому-то докладу.

— Кто такой?—спрашиваютъ другъ у друга.

— Вѣроятно, товарищъ предсѣдателя Голубевъ.

— Неужели это не дама? изумляется кто-то.

— Да нѣтъ-же, мужчина настоящій, только видите-ли съ нимъ исторія приключилась однажды...

И тутъ-же прибавляется и повѣствованіе, которое лучше опустить.

Да, послѣ этого станешь холоднымъ и безстрастнымъ, и люди будутъ представляться только единицами, съ которыми можно спокойно расправляться,

Какой контрастъ между членами Думы и совѣта! Вотъ они, народные представители, въ скромныхъ пиджачкахъ, рубашкахъ—косовороткахъ, въ грубоватыхъ сапогахъ. Лица истомленныя, измученныя, словно всю скорбь Россіи имъ навалили на плечи.

А впереди на креслахъ, за обитыми бархатомъ столами, возсѣдаютъ заслуженные дьяки, посѣдѣвшіе въ приказахъ, представители отечественной промышленности, упитанные господа, выборные отъ первенствующаго сословія, и маленькая ,ппа професоровъ, наговорившихся до тошноты среди этихъ ждыхъ людей.

— На очереди вопросъ о проектѣ отмѣны смертной казни, переданномъ Государственной Думой—слабымъ голосомъ объявляетъ предсѣдатель.

Движеніе. Лица у членовъ Думы напряженныя. Среди старичковъ царитъ полнѣйшее безстрастіе.

Лѣвые выставили двухъ ораторовъ, центръ двухъ, а правые цѣлыхъ восемь. Восемь убѣжденныхъ защитниковъ смертной казни!

Лѣвые поняли, въ какую точку надо бить: ими руководили соображенія цѣлесообразности при приведеніи доводовъ за отмѣну смертной казни. Они поняли, что говорить съ принципіальной точки зрѣнія въ этой «палатѣ господъ» невозможно—и можно проиграть вопросъ.

Указывали на религію, на то, что Евангеліе запрещаетъ убивать, и думали этимъ смягчить сердца представителей Церкви.

Говорили, что если-бы сошелъ на нашу грѣшную землю Христосъ, то онъ благословилъ-бы народныхъ представителей за отмѣну смертоубійства.

«Берущій въ руки мечъ, отъ меча и погибнетъ».

Взывали къ чувству жалости.

— Какія муки переживаетъ жертва казней?

— Развѣ это можетъ сравнится съ муками жертвы убійства? Я зналъ двухъ—разсказываетъ Лопачинскій—присужденныхъ къ смертной казни. Одному объявили о помилованіи на эшафотѣ и онъ сказалъ, сходя съ него: «легче взойти на эшафотъ, чѣмъ сходить съ него». То, что онъ претерпѣлъ, уже ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что его еще ожидало, и легче умереть, чѣмъ идти на каторгу.

Характерно, что когда ораторъ сказалъ о своемъ знакомствѣ съ двумя людьми, присужденными къ казни, то прибавилъ:

— Я извиняюсь, что находился въ такой компаніи.

— Кто были эти люди?.. спросили мы его послѣ.

— Это были поляки, обвиненные въ подготовленіи возстанія—сказалъ онъ.

Въ рѣчахъ своихъ лѣвые привели и тотъ аргументъ,

иногда люди, которые подлежатъ казни, дѣлаются государственными дѣятелями.

— Императоръ австрійскій—разсказывалъ одинъ—сказалъ однажды Андраши: кого я назначилъ-бы своимъ министромъ, если-бы вы были по приговору казнены?

Изъ аргументовъ справедливости не было ни одного.

Одинъ изъ ораторовъ указалъ на то, что лицо, виновное въ террористическомъ актѣ, есть скорѣе не соблазнитель, а соблазненный.

Центральнымъ пунктомъ была рѣчь Н. С. Таганцева.

Этотъ талантливый криминалистъ посвятилъ 40 лѣтъ своей жизни на борьбу съ казнями. Лучшія страницы его сочиненій посвящены изслѣдованію этого кроваваго наслѣдія.

Его рѣчь была сильной, глубокой и интересной, но видно было, что ораторъ сдерживаетъ самого себя, чтобы здѣсь не привести аргументовъ, которое могли-бы повліять отрицательнымъ образомъ на совѣтъ.

Онъ доказывалъ, ссылаясь на авторитетъ науки, что смертная казнь нецѣлесообразна; а то, что нецѣлесообразно въ государственномъ механизмѣ,—то уже вредно. Что казнь несправедлива, такъ какъ она уравнительное наказаніе ко всѣмъ степенямъ вины.

— «Въ Россіи пронесся революціонный смерчъ: онъ еще не утихъ. Мы омрачили себя безсудными казнями, разстрѣломъ несовершеннолѣтнихъ. Если это правда, то это преступленіе, большее чѣмъ революціонное убійство».

Я смотрѣлъ на министра юстиціи. Вѣдь, онъ знаетъ, что это правда, что бывали казни малолѣтнихъ. Министръ сидѣлъ спокойно.

— «Я не знаю болѣе безнравственнаго афоризма для государства, чѣмъ тотъ, который гласитъ: «пусть господа убійцы начнутъ первыми». И этимъ афоризмомъ государство ставятъ на одну доску съ разбойниками».

Мѣсто графа Витте пустовало. Что сказалъ-бы онъ, услыша упрекъ въ безнравственности его мудрой политики? А вѣдь почтенный графъ повторилъ этотъ афоризмъ: «пусть сначала переста-

нутъ революціонеры убивать, а потомъ мы перестанемъ казнить». Не обошлось безъ шпильки по адресу Столыпина. Таганцевъ процитировалъ мѣсто изъ статьи Іеллинека о Россіи:

«Ни въ одной странѣ такъ не попираются законы, какъ въ Россіи: одна часть населенія занята истребленіемъ другой части».

— И это,—добавилъ ораторъ,—говоритъ не соціалистическій и не революціонный, а буржуазный писатель!

Г. Столыпинъ знаетъ теперь мнѣніе о системѣ его управленія и о плодахъ ея!

Закончилъ Таганцевъ фразой, совершенно неожиданной, но сказанной для уступки правымъ.

— Я не вѣрю, что русскій народъ пойдетъ за волками въ овечьей шкурѣ и разрушитъ культуру и цивилизацію!

Фраза была туманная. Кто-же эти волки? Тѣ, которые ведутъ массу на убійства и грабежи?

— Какъ вы думаете, кого онъ подразумѣвалъ?—спрашиваю я Кузьмина-Караваева.

— Сказано двусмысленно: очевидно, для Европы и для Россіи. Каждая пусть пойметъ по своему.

Я рѣшилъ спросить Таганцева. Въ перерывѣ съ однимъ коллегой отправляемся въ буфетъ.

У дверей чиновникъ.

— Простите... Вы—членъ государственнаго совѣта?—спрашиваетъ онъ довольно ехидно.

— Нѣтъ... — ехидничаетъ и мой пріятель: — за кого вы насъ принимаете?

— Въ такомъ случаѣ сюда нельзя...

Почтенный Таганцевъ подошелъ къ намъ. Мы сейчасъ-же «быка за рога».

Кто это, по вашему, волки въ овечьей шкурѣ, ведущіе народъ на погромъ?

— Ну, конечно, террористы.

— А мы-то не поняли, —говорю я,—насъ слово «погромъ» смутило.. Значитъ, террористы учиняютъ погромы?

— Они, какъ-же...

Послѣ перерыва мы услышали еще лучшія вещи.

Кн. Касаткинъ-Ростовскій и г. фонъ-Крамеръ, остзейскій насадитель права, говорили, что революціонеры нанимаютъ убійцъ и уплачиваютъ имъ за это по 50 копѣекъ.

— Раньше по три рубля платили, а теперь по 50 копѣекъ.

Это фраза раздалась съ трибуны высшаго законодательнаго учрежденія!

Лѣвые ахнули.

— И за эти деньги они идутъ на эшафотъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ.

Предсѣдатель и самъ сконфузился за оратора и умоляюще посмотрѣлъ на него, прося взглядомъ прекратить подобныя рѣчи.

Князь Касаткинъ перещеголялъ его. Онъ разсказалъ о 200 милліонахъ, ассигнованныхъ Бундомъ на революцію.

— Въ сундукахъ простыхъ матросовъ находили по нѣсколько тысячъ золотомъ—заявилъ онъ.

Впрочемъ, нечему тутъ удивляться. Я услышалъ рѣчь служителя церкви, говорившаго что Христосъ не былъ противъ смертной казни.

Всѣ эти рѣчи идутъ изъ одного побужденія: спасти призракомъ эшафота себя самихъ.

Трогателенъ былъ сѣдой, какъ лунь, Семеновъ, разсказавшій о своемъ знакомствѣ и дружбѣ съ Достоевскимъ.

— И этотъ человѣкъ, добавилъ онъ, побывалъ на эшафотѣ! Онъ могъ быть казненъ! Если у васъ есть средство охранить устои государства безъ примѣненія казней, то отмѣните казнь!

Если есть средства! Когда эти средства и заключаются въ казняхъ!

Въ 7 часовъ прекратили пренія—и разошлись.

Кареты и автомобили повезли сановниковъ на дачи.

А члены Думы сѣли въ конку и поспѣшили въ Таврическій дворецъ.

Тамъ шли дебаты по поводу Бѣлостока.

О томъ, какъ «волки въ овечьей шкурѣ» повели народъ на разгромъ культуры и цивилизаціи.

БѢЛОСТОКЪ.

Дебаты по поводу погрома въ Бѣлостокѣ заняли нѣсколько дней. Говорили о погромѣ, когда получены были телеграммы о немъ; говорили докладчики, говорило около двухъ десятковъ ораторовъ, даже министръ готовился говорить. Но мнѣ кажется этихъ засѣданій описывать нечего.

Что такое Бѣлостокъ? Это продолженіе системы, давно уже начавшейся и увы! еще не законченной.

Это печальная исторія о томъ, какъ еврейство расплачивается за общую и свою свободу.

Здѣсь нѣтъ мѣста ни слезамъ, ни скорби, ни проклятьямъ.

Надо только понять.

И всѣ, мнѣ кажется, это прекрасно понимаютъ.

Больно и обидно только то. что эта проливаемая кровь льется не въ бою, что людей убиваютъ палками и иногда штыками, когда они прячутся и безоружны.

Можно погибать въ борьбѣ и это не обидно. Но гибнуть отъ рукъ темныхъ ослѣпленныхъ людей, идущихъ на убійство по подстрекательству злыхъ волковъ, это безсмысленно и жестоко.

Когда въ Думѣ были прочитаны отчаянные крики о помощи избиваемыхъ изъ Бѣлостока, Думу охватилъ ужасъ.

Теперь? Неужели даже *теперь,* когда мы собрались, это еще возможно?

Да, призраки снова вошли въ залъ... и снова не дали успокоиться всѣмъ и спокойно работать.

Воочію стало видно, что обновленія нѣтъ и не скоро будетъ. Старое время даетъ еще всходы.

Дума послала трехъ делегатовъ въ несчастный городъ. Они успокоили и обнадежили всѣхъ. Депутаты, вернувшись, разска-

зывали, что населеніе взглянуло на нихъ, какъ на пословъ, несущихъ имъ благую вѣсть.

«Останьтесь съ нами—молили они,—пусть хоть одинъ изъ васъ останется съ нами: мы будемъ тогда въ безопасности».

Члены Думы представили свои доклады Думѣ; это были: мартирологъ мучениковъ, обвинительный актъ противъ виновныхъ, историческія страницы для будущаго...

Интересно было поговорить по этомъ вопросу съ Е. Н. Щепкинымъ.

Мнѣ удалось буквально изловить Е. Н. въ буфетѣ. Онъ спѣшно завтракалъ, заглядывая въ какіе-то документы по запросу.

Е. Н., какъ всегда бодръ и великолѣпно настроенъ; говоритъ по обыкновенію очень оживленно. Кипитъ по-прежнему, и работаетъ увѣренно, съ надеждой.

— Ну, что вашъ докладъ о Бѣлостокѣ?

— Отложили... Сдали въ печать; начнемъ дебаты по немъ не раньше будущей недѣли... Товарищи по партіи справедливо указывали, что надо его серьезно переработать, отпечатать и раздать для ознакомленія депутатамъ. А тамъ и обсудимъ его...

— А что, нашли «корни и нити»?

— Матеріальныхъ, конечно, не нашли, но духовныя есть. Мой грустный опытъ человѣка, пережившаго одесскій погромъ, далъ мнѣ возможность вскрыть безъ долгихъ трудностей все это дѣло. Узналъ работу сихъ дѣлъ мастеровъ. Я ее узнаю среди сотни другихъ.

— Старая система, очевидно,—замѣтилъ я.

— Внѣ всякаго сомнѣнія, даже пріемы тѣ-же. По горячимъ слѣдамъ я все прослѣдилъ. Эта милая система имѣетъ тоже вѣдь свои основныя положенія. Выбирается мѣсто дѣйствія и время, а остальное само приложится. Вотъ относительно Одессы эксъ-премьеръ лже-конституціоннаго кабинета, гр. Витте сказалъ мнѣ лично, что Одесса—старый революціонный городъ. А теперь вотъ и Бѣлостокъ: въ немъ сильныя русскія и еврейскія рабочія организаціи. Но замѣтьте: рабочіе-то меньше всего пострадали.

*

— Почему-же?

— Постояли за себя... Громилы вѣдь очень трусливы. Побоялись сунуться туда, гдѣ ихъ достойно встрѣтили-бы.

Долго говорить объ этомъ дѣлѣ не пришлось; я понялъ все.

Что касается результатовъ, то времена, очевидно, не тѣ: и самый фактъ разслѣдованія парламентской коммиссіей и докладъ объ этомъ передъ лицомъ Россіи и всего міра, и предстоящее объясненіе министра—все это ново и повлечетъ за собою послѣдствія.

Докладъ даетъ интересную картину новой теоріи раздѣленія властей: центральной, мѣстной и низшей; низшая работала, мѣстная бездѣйствовала, центральная молчала.

Одинъ корреспондентъ, побывавшій въ Бѣлостокѣ вмѣстѣ съ коммиссіей, спросилъ меня:

— Скажите, послѣ октябрьскихъ событій, не были-ли уволенные изъ Одессы полицейскіе переведены въ Бѣлостокъ?

Говорить ли о докладѣ и преніяхъ?

Я думаю, что это лишнее.

Лишнее, хотя было сказано много такого, чего забыть нельзя

Но надъ могилою несчастныхъ жертвъ людского изувѣрства и слѣпоты говорить нечего.

Вѣдь мы условились: мы все понимаемъ.

Стоитъ только привести слова священника Аѳанасьева, служителя Христа.

«Тяжелое чувство и грустныя думы встаютъ при воспоминаніи о бѣлостокскихъ жертвахъ. Въ тѣ дни, когда работаетъ народное представительство, по моему убѣжденію, быть бы разсвѣту любви, быть бы разсвѣту братскаго единенія, а въ эти дни, какъ предъ грознымъ изверженіемъ вулкана, встаютъ столбы черной и смрадной злобы нашихъ представителей власти. И чувствуется болѣе чѣмъ когда либо, въ такіе дни, что въ душѣ этихъ правителей умеръ Богъ, что въ душѣ ихъ мертвъ Христосъ съ его всеобъемляющей любовью. И отъ страшной боли хочется крикнуть имъ: «Да, слышите ли вы, безумцы, тѣ крики злобы, которые скопляются надъ вашими головами? Слышите ли вы

стоны терзаемыхъ вами? Вѣдь это дѣло вашихъ рукъ. Или, потерявъ стыдъ и совѣсть, вы хотите уподобиться Ироду, который купался въ еврейской крови? Смотрите! Чаша человѣческаго терпѣнія переполнилась. Пролитая кровь чернымъ столбомъ поднялась къ небу и вопіетъ о своемъ отмщеніи. Страшный судный день ждетъ уже васъ!»

Увы! Милосердный священникъ говорилъ о страшномъ судѣ. Не думалъ ли онъ, что судъ человѣческій все-таки минуетъ истинныхъ виновниковъ этихъ позорныхъ убійствъ?

Въ этомъ же засѣданіи, съ неподдѣльнымъ страданіемъ, говорилъ Винаверъ. Онъ сказалъ талантливую и захватывающую рѣчь; *такъ* говорить могутъ только тѣ, кто переживаетъ самъ эти минуты ужаса и предсмертной тоски. Самъ гонимый и мучимый во славу того, что называлось и называется насиліе и зло!

На личности этого, во всякомъ случаѣ, выдающаго депутата стоитъ остановиться.

Когда слушаешь его или видишь его кипучую дѣятельность, то прежде всего получается впечатлѣніе: какой это большой умъ! Тутъ не бросается въ глаза ни талантъ, ни ораторское искусство, тутъ именно умъ.

Въ немъ чувствуется сильная воля, умѣнье вліять и вести за собою другихъ, умѣнье схватывать мысль на лету, быстро ее усваивать...

Винаверъ принадлежитъ къ числу немногихъ счастливцевъ, мнѣніе о которомъ у всѣхъ одинаково; удивительныя качества его ума признаютъ всѣ.

Онъ одинъ изъ лучшихъ парламентаріевъ. Въ палатѣ онъ говоритъ очень часто—и я не помню ни одного раза, чтобы его предложеніе, поправка, замѣтка не были-бы приняты.

Въ палатѣ не разъ бывали случаи, когда всѣ вертѣлись вокругъ какого-либо вопроса,—не имѣя возможности выпутаться изъ него.

Винаверу стоило переговорить съ своими политическими друзьями—и внести предложеніе.

Выходъ былъ найденъ.

Во время «большихъ» дней въ палатѣ онъ неизмѣнно произносилъ рѣчи. И эти рѣчи создали ему массу враговъ.

Эти враги — доказательство, что то съ нимъ приходится считаться.

Винаверъ крупная личность и такіе враги—гордость общественнаго дѣятеля.

По поводу Бѣлостока была принята резолюція, предложенная кадетами. Она гласитъ о роли властей въ погромѣ и о требованіи суда надъ виновными.

Какъ будто Россія и весь міръ этого не знаютъ, а требованіе суда власть не считаетъ... шуткой дурного тона.

Резолюція Рамишвили, о необходимости населенію организоваться для вооруженнаго отпора провалена. Этого требовала реальная политика кадетовъ.

Реальная политика, допускающая, чтобы людямъ вбивали гвозди въ черепъ, и чтобы они гибли на чердакахъ.

ВЪ КУЛУАРАХЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Собственно говоря, въ совѣтѣ кулуаровъ нѣтъ: всѣ—члены, министры, публика, журналисты—сидятъ въ большомъ залѣ, а во время перерыва проходятъ въ буфетъ по широкому корридору. Этотъ корридоръ и замѣняетъ кулуары.

Въ немъ собираются группы и тихо, точно какіе-то заговорщики, бесѣдуютъ.

Здѣсь незнакомые не подходятъ другъ къ другу и не заговариваютъ непринужденно по волнующему всѣхъ вопросу, какъ это дѣлается въ Думѣ.

Только коротко между себою знакомые останавливаются на нѣсколько минутъ, перекидываются лѣниво фразой, сообщаютъ извѣстія или слухъ «изъ сферъ» и проходятъ въ буфетъ.

Величаютъ другъ друга: «ваше превосходительство», а то и «высокопревосходительство», жмутъ почтительно друъ другу руки и сіяютъ, точно озаренные высшимъ счастіемъ служенія народу.

Молодые лицеисты и правовѣды, стоящіе въ кулурахъ, гнутся ежеминутно въ дугу.

Шутка-ли! Что ни членъ совѣта,—то персона, историческая величина.

Вотъ, перекачиваясь, идетъ кн. Голицынъ, бывшій намѣстникъ. Сѣдой, толстый, съ выцвѣтшими глазами, съ знаменитымъ на лицѣ шрамомъ послѣ покушенія, онъ важно проходитъ въ буфетъ. Въ дверяхъ онъ сталкивается съ княземъ Чавчавадзе, выборнымъ членомъ отъ Кавказа.

Видно, отношенія ихъ не изъ особенныхъ.

Голицынъ съ усиленною важностью кланяется, князь съ достоинствомъ отвѣчаетъ.

Ни слова привѣтствія.

Кто ихъ знаетъ, что тамъ произошло между ними? Къ тому-же Чавчавадзе—лѣвый и голосуетъ съ крамольными профессорами.

Вотъ идетъ гр. Игнатьевъ съ чудовищнымъ животомъ, съ печатью спасителя отечества на челѣ, по недоразумѣнію сидящій въ совѣтѣ съ приватными людьми, купцами, попами, учителями.

Это ярко отражается на его отвисломъ лицѣ.

Онъ неизмѣнно идетъ прямо въ буфетъ и съ увлеченіемъ принимается за работу.

Я слышу какъ два члена совѣта обмѣниваются мнѣніями по поводу смертной казни.

— Я много разъѣзжалъ по Сибири и бывалъ у кочевыхъ народцевъ,—разсказываетъ одинъ.—Однажды, когда я собирался покинуть ихъ стойбище, приходитъ ко мнѣ „шогунъ“ ихъ, и почтительно докладываетъ что на слѣдующій день состоится казнь 4 воровъ. Я остался. Утромъ привели казнимыхъ къ палаткѣ. Дали имъ ѣсть—и ѣли же они! Именно какъ въ послѣдній разъ! Потомъ, имъ что-то сказали, они встали и двое сильныхъ юношей съ разбѣга проткнули ихъ копьями. Я не выдержалъ и убѣжалъ. Если-бы вы видѣли, какъ методически, просто, чуть-ли не съ оттѣнкомъ дружелюбія, ихъ отправили на тотъ свѣтъ, вы разочаровались-бы въ воспитательномъ значеніи смертной казни... Нѣтъ, я за отмѣну ея. Есть другія мѣры обезопасить себя отъ неисправимыхъ преступниковъ.

— Политическихъ надо убивать: это бѣшенныя собаки!—хмуро отрубаетъ собесѣдникъ.

— Но мотивы политическихъ? Вѣдь въ большинствѣ это люди идеи. Положимъ, есть фанатики, изувѣры между ними, но въ общемъ...

— Враги порядка! Разговоръ коротокъ!

— Однако-жъ, вы черезчуръ прямолинейны, ваше превосходительство!

— Иначе нельзя, ваше превосходителство!

Вотъ скромно проходитъ Горемыкинъ, а за нимъ Коковцевъ

Министры въ Государственномъ Совѣтѣ! О, это идиллія, настоящая политическая идиллія!

Какія просвѣтленныя лица у нихъ, какимъ скромнымъ величіемъ онѣ сіяютъ! Въ благовоспитанной атмосферѣ, среди милыхъ лицъ всѣхъ этихъ отставныхъ бюрократовъ, бывшихъ правителей и заслуженныхъ усмирителей, они чувствуютъ себя совершенно иначе, чѣмъ въ Думѣ съ ея Аладьинымъ и Аникинымъ.

О нихъ говорятъ съ почтеніемъ, съ довѣріемъ глядятъ на ихъ благодушныя лица, безъ тѣни зависти.

Что-жъ? „Сегодня ты, а завтра я: такъ бросимъ же борьбу"!

Коковцевъ идетъ по кулуару, а съ нимъ коротенькій, истаго юнкерскаго вида, собесѣдникъ.

— Я позволю себѣ сказать: ваше высокопревосходительство, ваше отношеніе къ народу и его нуждамъ оцѣнено. Мое уваженіе къ вашему высокопревосходительству непоколебимо и безконечно. Вы — истый слуга отечества. Позвольте-же...

Они проходятъ дальше—и видно только рукопожатіе.

Горемыкина останавливаетъ какой-то журналистъ.

— Ваше высокопревосходительство, можно-ли что-либо опредѣленно сказать насчетъ судьбы кабинета?

Премьеръ утомленно закрываетъ глаза, медленно открываетъ ихъ и усталымъ голосомъ говоритъ:

— Повѣрьте, я и самъ ничего не знаю.

— Кабинетъ остается или уходитъ?

— Неопредѣленное положеніе. Больше остается, чѣмъ уходитъ... Впрочемъ, это зависитъ отъ обстоятельствъ.

— Г. министръ,—какъ-то торжественно говоритъ журналистъ,—что-же я могу заключить изъ вашего отвѣта? Вѣдь онъ не даетъ ничего опредѣленнаго...

— И мое положеніе такое же... До свиданья!

Въ это время подходитъ къ намъ профессоръ Багалѣй.

— Господа, министерству выражено недовѣріе!

— Какъ? Неужели? Когда?

— Сейчасъ. У насъ очевидное большинство за принятіе

думскаго законопроекта объ ассигнованіи министрамъ только 15 милліоновъ на продовольственную кампанію.

Оказывается, что подсчетъ записокъ окончился и далъ большинство противъ министерскаго предложенія.

Государственный Совѣтъ, съ его дьяками и носителями чисто дворянскихъ традицій, высказался не только за единеніе съ Думой, но и противъ министровъ.

Я видѣлъ, какъ Коковцевъ поблѣднѣлъ при объявленіи результатовъ голосованія, а Горемыкинъ словно обрадовался.

— Наконецъ-то, ноша свалилась съ плечъ!

Лица у министерскихъ чиновниковъ вытянулись: они смущенно начали переглядываться.

Послѣ голосованія всѣ встали и двинулись къ выходу.

— Господа,—раздался старческій голосъ,—я-же еще не закрылъ засѣданія. На очереди законопроектъ, предложенный Сергѣй Сергѣевичемъ.

— А, а Сергѣй Сергѣевичемъ!

Всѣ уже знаютъ, что Сергѣй Сергѣевичъ—это Ермоловъ, быть можетъ, восходящее свѣтило.

Цезарь умеръ, да здравствуетъ Цезарь!

Читается суть предложенія и передается въ коммиссію.

Всѣ послѣ этого уходятъ.

Точно предпослѣдній актъ драмы.

На широкой лѣстницѣ сановники жужжатъ.

— Непріятнѣе всего Ивану Логиновичу вся эта исторія,—говоритъ одинъ сановникъ другому.

— И зачѣмъ потревожили его послѣ того, графа новоиспеченнаго, портсмутскаго? Зачѣмъ было вивисекцію дѣлать? Надъ живымъ человѣкомъ опыты дѣлать? Разъ хотите идти по новому, хе-хе, пути, то идите... Но насъ оставьте въ покоѣ.

Второй раздраженно шипѣлъ.

— *Онъ* поѣхалъ въ Петергофъ, а *имъ* сказали, что совѣщаніе состоится въ десятомъ часу.

Онъ—это Горемыкинъ, а *они*—его министры.

— Позвольте, что случилось? Что случилось, позвольте

васъ спросить, ваше превосходительство?—раздраженно говоритъ одинъ членъ Совѣта въ военномъ мундирѣ другому.

Собесѣдникъ устремляетъ на него потухшій взглядъ и ждетъ.

— Ничего не случилось, скажу я вамъ. Дали министрамъ пока 15 милліоновъ; послѣ дадимъ остальные. А правъ князь Александръ Михайловичъ: пока у министерства денегъ нѣтъ, жиды весь хлѣбъ скупятъ. Вотъ и все. А случиться—ничего не случилось.

— Конечно, ваше превосходительство, ничего не случилось.

Но ошиблись старички: они самихъ себя подбадриваютъ. «Случай» уже произошелъ.

Быть можетъ, случай этотъ теперь еще никому поперекъ горла не станетъ.

Но кто знаетъ, что день грядущій намъ готовитъ?

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДНИ.

Дума пережила знаменательные дни въ засѣданіи 4 и 6-го іюля.

Никогда еще атмосфера палаты не была насыщена такой тревогой и общимъ возбужденіемъ, какъ въ эти дни. Чувствовалось, что народные представители подошли къ роковой чертѣ и заглянули въ кипящую бездну. Тамъ за стѣнами Бѣлаго дома слышался ревъ тысячной толпы, уже идущей на русскій бунтъ, «безсмысленный и безпощадный». Виднѣлось зарево Сызрани, пепелища помѣщичьихъ усадьбъ, скотъ съ перебитыми ногами, сожженный живымъ агитаторъ.

Воронежскіе депутаты, подѣлившіеся еще до засѣданія своими свѣдѣніями о неслыханныхъ безпорядкахъ, казачьи депутаты, заваленные угрозами изъ полковъ и станицъ, что дальше терпѣть имъ не въ моготу стало и они разойдутся по домамъ, чего бы имъ не стоило, великая смута въ умахъ крестьянъ, смущенныхъ заявленіемъ министерства, что реформа земли будетъ произведена «по ихнему»—все это создавало сгущенную атмосферу, откуда могла блеснуть молнія и раздаться оглушительный громъ на всю Россію.

Въ кулуаурахъ было произнесено въ тотъ день два слова. Эти слова были: разгонъ Думы и иностранное вмѣшательство.

Депутаты хмурые, но рѣшительные, шли въ залъ засѣданій, чтобы добраться наконецъ до крайняго средства: обращенія къ народу.

Дѣло шло объ обращеніи къ крестьянамъ по поводу министерскаго объявленія, сводившагося къ тому, что земельной реформѣ не быть.

Кавказцы сидѣли, обившись въ кучу, возлѣ Ноя Джорданія который никогда не выступаетъ, подобно тому какъ главно-

командующій лично не сражается. Лица ихъ были какія-то желто-темныя, а глаза лихорадочно горѣли.

Среди трудовиковъ царило смятеніе. Видно, что они не спѣлись между собою, не приняли окончательнаго рѣшенія ни своего, отдѣльнаго, ни согласованнаго съ партіей народной свободы.

Дисциплинированые кадеты уже успѣли собраться и столковаться между собою: рѣшено было смягчить текстъ обращенія и показать, что это не—революціонный шагъ.

Они боялись даже тѣни!

Бусловъ сообщилъ кому-то изъ нашихъ коллегъ:

«Дѣло у *нихъ* уже рѣшенное: они боятся обратиться къ народу, такъ какъ *тѣ* сказали имъ безъ всякихъ околичностей, что если они вотируютъ рѣзкое обращеніе, то маршъ по дортуарамъ, господа кадеты! Честью просимъ! А если неугодно, то... извѣстно ужъ что».

Аладина какъ на грѣхъ не было. Ужъ онъ-то несомнѣнно постарался бы расширить и развить начавшійся между партіями конфликтъ.

Онъ не удержался бы, чтобы не сцѣпиться съ Петрункевичемъ или Гейденомъ, и кто знаетъ, не голосовали бы трудовики противъ обращенія, какъ это сдѣлали соціалъ-демократы, вмѣсто того чтобы воздержаться—и тогда положеніе еще болѣе запуталось бы?

Жилкинъ велъ трудовиковъ въ этомъ вопросѣ, и съ свойственною ему мягкостью и разсудительностью не довелъ дѣла до междупартійнаго конфликта, въ который превратилось бы засѣданіе—вмѣсто конфликта между правительствомъ и Думой.

Интересъ представлялъ второй день, когда партія народной свободы въ лицѣ Петрункевича представила новый проектъ обращенія вмѣсто проекта, предложеннаго аграрной коммиссіей.

Умѣлый ораторъ, взвѣшивающій каждое свое слово, глубокій аналитикъ и острый критическій умъ, онъ нарисовалъ передъ палатой картину, какъ правительство хочетъ поймать Думу на удочку крайняго рѣшенія. Онъ ясно представилъ,

какъ министерство выступило открыто и не замаскированно съ заявленіемъ, что Дума выступаетъ на революціонный путь и захватываетъ исполнительную власть.

«Мы стремимся,—вѣско говорилъ, онъ, отчеканивая каждое слово,—къ разрѣшенію смуты, возникшей въ странѣ исключительно мирными средствами. Это наша задача и заслуга. На революціонный путь выступило только правительство. Намъ остается только защищаться противъ того положенія, которое создалось противъ насъ».

Слушая его резонную, убѣдительную рѣчь, я думалъ: какъ хорошо было-бы, если-бъ масса, которая будетъ читать обращеніе къ ней, знала бы и мотивы составителей ея. Знаетъ-ли она ихъ? Нисколько! Россія, та Россія для которой предназначено это воззваніе, не знаетъ тѣхъ соображеній, которыми руководствовался и Петрункевичъ, и его партійные товарищи.

Съ нимъ соглашаться невозможно было, но можно было его понять,—и даже трудовики апплодиравали тѣмъ изъ его рѣчей (онъ произнесъ три рѣчи) въ которыхъ онъ подвергалъ уничтожающей критикѣ Жилкина.

Да и самъ Жилкинъ апплодировалъ.

Въ этомъ второмъ днѣ засѣданія руководство перешло къ кадетамъ, тогда какъ въ первомъ вели засѣданіе трудовики.

Подъ ихъ настояніемъ былъ составленъ въ первый день проэктъ воззванія съ указаніемъ на предстоящее принудительное отчужденіе земли и съ просьбой къ народу о довѣріи.

А теперь Петрункевичъ, искустно переставивъ части обращенія, напираетъ главнымъ образомъ на успокоеніи.

«Спите спокойно, братья—крестьяне, вотъ смыслъ философіи всей»—пронизировалъ кто-то изъ трудовиковъ по поводу этого предложенія.

Противъ этого и возсталъ съ необыкновенною горячностью Жилкинъ.

Я не видалъ его еще въ такомъ волненіи. Вся его крестьянская душа рвалась наружу.

«На какомъ основаніи—обратился онъ съ трибуны къ Петрункевичу — вы приглашаете населеніе спокойно ждать? Вѣдь вамъ, болѣе чѣмъ кому-либо другому, отлично извѣстно, что правительство отстаиваетъ упорно свои позиціи самовластья, а народъ не можетъ больше жить въ рамкахъ старой жизни. Понимаете: *не можетъ*! Нечего призывать народъ къ миру и спокойствію!...

— Оставьте же иллюзіи,—почти умоляюще говорилъ онъ палатѣ—вѣрьте мнѣ: обратитесь къ народу и скажите ему, что дѣло свободы въ опасности, что мы теряемъ послѣднюю вѣру, послѣднія силы! Поэтому надо призвать народъ къ организованной борьбѣ!»

Бывшій кадетъ Галецкій упрекалъ своихъ прежнихъ партійныхъ товарищей въ боязни взглянуть народу въ глаза.

«Наша сила не въ законѣ, а въ народѣ: призовите его къ себѣ и вы будете сильны его поддержкой».

Нападеніе было сильнымъ и неожиданнымъ.

Но наиболѣе рѣзко заговорили соціалъ-демократы. Они, идя на вѣрное замѣчаніе со стороны Муромцева, бросали кадетамъ уже прямо обидныя слова. Было высказано молодымъ, горячимъ Гомартели предположеніе, что народъ назоветъ ихъ продажными, измѣнниками.

— Вы боитесь сдѣлать рѣшительный шагъ къ народу...Знаете, что скажутъ о насъ? Скажутъ, что мы не свободные граждане, а трусы...

Муромцевъ нагнулся къ оратору и сентенціозно замѣтилъ.

«Г. Депутатъ! нельзя высказывать такихъ мнѣній. Онѣ обидны для членовъ Государственной Думы».

Гомартели сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ головою:

«Да я не о личностяхъ говорю»—и продолжалъ дальше. Странныя дѣла бываютъ иногда на такихъ бурныхъ засѣданіяхъ: графъ Гейденъ, этотъ несомнѣнно искренній человѣкъ, говорилъ, какъ истый кадетъ и сражался съ крайними партіями за предложеніе народной свободы. Этотъ лѣвый октябристъ завоевываетъ своею прямолинейной политикой все большее

уваженіе и вліяніе среди правыхъ кадетовъ, но онъ еще остается среди октябристовъ, какъ лидеръ партіи мирнаго обновленія. Если же онъ не перешелъ къ кадетамъ, то это очевидно потому, что многіе изъ кадетъ, невидимо для самихъ себя, перешли къ нему.

За эти два дня ярыхъ дебатовъ очень многое вскрылось въ отношеніяхъ партій между собою и въ отношеніяхъ ихъ къ неизбѣжной впереди революціи.

Трудовики, выражая настроеніе народныхъ массъ, правильно стремятся къ тому, чтобы организовать стихійное народное движеніе.

Кадеты всѣми силами избѣгаютъ движенія массъ и не хотятъ вызывать страшныхъ духовъ революціи.

Они, какъ мальчикъ въ сказкѣ Андерсена, не хотятъ выпускать изъ бутылочки духовъ, съ которыми они не съумѣютъ справиться.

Соціалъ-демократы, эти прямолинейные служители доктрины рѣжутъ напрямикъ:

«Только народная буря очиститъ воздухъ».

Интересно, что гр. Гейденъ, даже этотъ хладнокровный англизированный парламентарій, потерялъ терпѣніе и воскликнулъ:

«Вы хотите идти вмѣстѣ съ нами только до революціи. Тамъ вы скажете намъ: идите себѣ сами, вы намъ больше не нужны»

«Да, да, вѣрно—кричатъ ему съ крайнихъ скамьей».

Голосованіе дало безпримѣрную въ исторіи нашего парламента картину.

Скажу раньше нѣсколько словъ о томъ, что для читающаго одинъ лишь отчетъ о засѣданіяхъ не ясно, но наблюдатель это видитъ и почти можно сказать осязаетъ.

Конфликтъ правительства съ Думою ясенъ и неприложенъ, и правительство его вызвало. Какъ оно теперь поступитъ ясно уже для многихъ.

Для Думы въ лицѣ главенствующей въ ней партіи, теперь

важно не пойти на конфликтъ съ народомъ. Этотъ конфликтъ куда опаснѣе.

Первый день дебаттовъ, когда въ палатѣ господствовало настроеніе трудовиковъ, и вся Дума шла за ними, былъ днемъ единенія съ настроеніемъ народа.

Но ночью все перемѣнилось. Угроза сверху государственнымъ переворотомъ подѣйствовала больше, чѣмъ угрожающая анархія снизу—и кадеты рѣшили ослабить самихъ себя, чтобы спасти положеніе. Ясно что кадеты ударили отбой.

Неизвѣстно, спасли-ли они что либо. Угроза все еще явственно виситъ въ воздухѣ и тучи надъ бѣлымъ домомъ черны и зловѣщи.

Картина голосованія была любопытная: голосовали вмѣстѣ крайніе правые и крайніе лѣвые. Обѣ группы безусловно противъ обращенія къ народу. Правые вообще противъ обращенія, а лѣвые...

Позвольте мнѣ привести два слова Жорданія: «Я отвергаю дары Данайцевъ»,

Трудовики и польское коло воздержалось отъ голосованія.

Чувствовалось, какъ тяжело имъ было это дѣлать, какъ они легко могли провалить обращеніе, но какъ душевно-чистые люди они, скрѣпя сердце, лучше молчали, чѣмъ голосовали противъ обращенія.

Невыразимо мучительно было смотрѣть на эти славныя, поблѣднѣвшія отъ внутренняго волненія лица, когда они при голосованіи заявили, что ихъ голоса надо считать голосами воздержавшихся.

Жилкинъ, вынесшій этотъ день на своихъ плечахъ, понуро глядѣлъ внизъ. Сѣдельниковъ злобно ворочалъ глазами.

Не было среди нихъ ни Аникина, ни Аладьина. Кто знаетъ какое дѣйствіе оказали бы эти лидеры трудовой на ея рѣшеніе?

Разошлись позднею ночью.

Въ городѣ было тревожно. Караулъ замеръ, когда депутаты выходили. Небо было покрыто тучами, шелъ временами дождь...

Вокругъ Думы слышался какой-то шорохъ: то прибывали

гвардейскіе полки въ казармы, которыя облегаютъ Думу кольцомъ.

Депутаты могли видѣть, что это не демонстрація, а реальность. Это было настоящей реальной политикой! Бѣлыя солдатскія рубашки выдѣлялись на фонѣ темной ночи.

Вездѣ стояли караулы.

Громадная столица спала; изъ высокихъ трубъ не валилъ дымъ, не было бойкаго уличнаго грохода.

Утромъ придетъ рабочій людъ на фабрики, станетъ на работу и передастъ другъ другу вѣсть, какъ въ Думѣ говорили и на чемъ порѣшили.

А за столицей спала огромная страна.

Что-то она скажетъ? Слово за нею!

ПОСЛѢДНЕЕ ЗАСѢДАНІЕ.

«Не такъ склалося, якъ казалося», говорятъ малороссы.

Послѣднее засѣданіе Государственной Думы произошло не *такъ*, не *тамъ* и не *тогда*, какъ это предполагалось.

Къ роспуску Думы, конечно, всѣ были подготовлены еще задолго до перваго засѣданія ея.

На кадетскомъ съѣздѣ,—репетиціи будущаго парламента,— ораторы то и дѣло подбодряли себя:

— «Насъ не посмѣютъ разогнать!» «Мы не допустимъ!» «Мы покажемъ имъ!»

Теперь ясно, что мысль о разгонѣ Думы гвоздемъ сидѣла въ головѣ каждаго депутата. Тревога не покидала сердца; и смѣлыми рѣчами, и невѣроятными угрозами ораторы хотѣли заглушить въ себѣ и въ другихъ мысль о разгонѣ.

Смѣлые ораторы, сами того не замѣчая, очутились въ положеніи путешественника изъ извѣстнаго разсказа, встрѣтившаго темной ночью въ лѣсу разбойника.

— Насъ двое! Не подходи! сказалъ путешественникъ, надѣвъ свою шляпу на кулакъ и поднявъ его рядомъ съ головой.

Та же самая «тактика» была принята депутатами.

Въ каждомъ русскомъ человѣкѣ сидитъ, несомнѣнно, маленькій Куропаткинъ, и отправляясь на медвѣдя, онъ заблаговременно начинаетъ дѣлить его шкуру.

— Мы заключимъ миръ только въ Токіо, — обѣщалъ въ Петербургѣ Куропаткинъ, уѣзжая на войну.

Почти такую же фразу произнесъ одинъ изъ лидеровъ Думы, Ѳ. И. Родичевъ на кадетскомъ съѣздѣ:

— Если «они» насъ разгонятъ, то мы «ихъ» столкнемъ въ пропасть.

Какъ извѣстно, ни Куропаткинъ, ни Родичевъ не исполнили своихъ обѣщаній...

Дума уступала укрѣпленіе за укрѣпленіемъ.

«Адресъ», «Амнистія», «Бѣлостокъ», «Отвѣтственность министровъ» всѣ эти позиціи почти безъ бою были отданы непріятелю.

Тѣмъ не менѣе, Дума не переставала извѣщать:

— Всѣ «герои!» «Всѣ рвутся въ бой!»...

Близкій разгонъ Думы всѣ, понятно, предвидѣли, но никто, вѣроятно, не предполагалъ, что онъ произойдетъ такъ просто и обыкновенно.

Многіе изъ депутатовъ, конечно, рисовали себѣ все это въ другомъ видѣ.

Въ Думѣ засѣданіе. Сидятъ всѣ на мѣстахъ. Вдругъ являются солдаты со штыками. Офицеръ предлагаетъ «очистить залъ».

«Но никто не трогается съ мѣста. Всѣ сидятъ спокойно и гордо на своихъ мѣстахъ, а предсѣдатель твердо говоритъ:

— Вы, г. офицеръ, знаете, что вы нарушили святость этого мѣста. Вы совершаете преступленіе...

И т. д. и т. д.

Потомъ всѣхъ удаляютъ силой, нѣкоторые ранены.

На самомъ дѣлѣ вышло не такъ, какъ извѣстно читателю.

Нарушеніе этикета разгона Думы такъ поразило депутатовъ, что они совершенно растерялись и не попытались даже пройти въ Таврическій дворецъ.

А народъ цѣлый день толпился у «Бѣлаго Дворца» и ждалъ. Народъ тоже фантазировалъ.

Онъ былъ увѣренъ, что вотъ, вотъ покажутся представители народа, вся Дума in corpore у дверей Таврическаго дворца.

Предсѣдатель властно скажетъ солдатамъ:

— Мы избранники народа, вы-же тоже народъ...

Стояла толпа и возлѣ городской думы и ждала.

Кто-то распустилъ слухъ, что депутаты, по примѣру адво-

катовъ въ прошломъ году, займутъ насильно городскую думу и откроютъ тамъ засѣданіе.

Но депутаты въ это время катили въ Выборгъ, чтобы подъ защитой законовъ небольшого слабенькаго народа договорить свои смѣлыя рѣчи...

Наскоро засѣдала вчерашняя Государственная Дума.

Въ небольшомъ залѣ, въ тѣснотѣ, и въ обидѣ, засѣдали представители земли Русской, рѣшая судьбу полутораста милліоннаго народа.

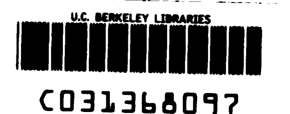
Такъ закончился первый актъ одной изъ величайшихъ въ мірѣ драмъ, въ которой пока еще не выступилъ главный герой.

Этимъ героемъ является самъ авторъ драмы—народъ!...

Второй актъ начинается.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C031368097